

ISSN 2227-1384

ВЕСТНИК

**Приамурского государственного
университета им. Шолом-Алейхема**

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2008 ГОДУ

№ 2(35) 2019

ISSN 2227-1384

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

ВЕСТНИК

ПРИАМУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

*основан в 2008 году
выходит четыре раза в год*

№ 2(35) 2019

ISSN 2227-1384

MINOBRNAUKI ROSSII
(THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Federal'noe gosudarstvennoe biudgetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie
vysshego obrazovaniya
«PRIAMURSKII GOSUDARSTVENNYI UNIVERSITET IMENI SHOLOM-ALEICHEMA»

(Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«SHOLOM-ALEICHEM PRIAMURSKY STATE UNIVERSITY»)

VESTNIK

PRIAMURSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA IMENI SHOLOM-ALEICHEMA

(SHOLOM-ALEICHEM PRIAMURSKY STATE
UNIVERSITY BULLETIN)

NAUCHNO-OBRAZOVATEL'NYI ZHURNAL
(SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL JOURNAL)

*osnovan v 2008 godu
vykhodit chetyre raza v god*

*(founded in 2008
is issued four times a year)*

№ 2(35) 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. Г. Баженова, кандидат педагогических наук, доцент — главный редактор,
П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор — зам. главного редактора,
В. В. Николаева — ответственный секретарь.

Н. М. Байков, доктор социологических наук, профессор (Хабаровск, Россия),
С. В. Березницкий, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия),
И. М. Воротилкина, доктор педагогических наук, профессор (Биробиджан, Россия),
В. Л. Земляк, кандидат физико-математических наук (Биробиджан, Россия),
Е. О. Клинская, кандидат биологических наук, доцент (Биробиджан, Россия),
В. М. Козин, доктор технических наук, профессор (Комсомольск-на-Амуре, Россия),
О. Л. Коноваленко, кандидат юридических наук, доцент (Биробиджан, Россия),
Б. М. Котлерман, доктор философии (PhD), профессор (Рамат-Ган, Израиль),
В. И. Пятак, кандидат философских наук, доцент (Биробиджан, Россия),
Б. Е. Фишман, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор (Биробиджан, Россия),
Е. Я. Фрисман, член-корреспондент Российской академии наук, доктор биологических наук, профессор (Биробиджан, Россия),
О. Е. Шаповалова, доктор психологических наук, профессор (Биробиджан, Россия),
В. Г. Шведов, доктор географических наук, доцент (Биробиджан, Россия),
В. Т. Шишмаков, доктор экономических наук, профессор (Хабаровск, Россия).

Ответственный за номер — д. филол. н. П. Н. Толстогузов

Литературный редактор — к. филол. н. Л. Н. Капуцына,
технический редактор — В. В. Николаева

Адрес в Интернете: <http://pgusa.ru/ru/vestnik>

Адрес редакции: 679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А. Тел. 4-63-69, e-mail: bir.izdatel@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-66783 от 08.08.2016.

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 29.11.2019. Дата выхода в свет 20.12.2019. Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офисная.
Усл. печ. л. 8,56. Уч.-изд. л. 8,54. Тираж 500 экз. Заказ № 30/2019. Свободная цена.

Издательский центр Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

Отпечатано в типографии Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

PARENT ORGANIZATION

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Sholom-Aleichem Priamursky State University»

EDITORIAL BOARD

N. G. Bazhenova, PhD (pedagogics), associate professor — Editor-in-Chief,
P. N. Tolstoguzov, DSc (philology), full professor — Deputy Editor-in-Chief,
V. V. Nikolayeva — Executive Secretary.

N. M. Baykov, DSc (sociology), full professor (Khabarovsk, Russia),
S. V. Bereznitskiy, DSc (history), full professor (Saint-Petersburg, Russia),
I. M. Vorotilkina, DSc (pedagogics), full professor (Birobidzhan, Russia),
V. L. Zemlyak, PhD (physical and mathematical), associate professor (Birobidzhan, Russia),
E. O. Klinskaya, PhD (biology), associate professor (Birobidzhan, Russia),
V. M. Kozin, DSc (engineering), full professor (Komsomolsk-na-Amure, Russia),
O. L. Konovalenko, PhD (science of law), associate professor (Birobidzhan, Russia),
B. M. Kotlerman, PhD (study of culture), full professor (Ramat-Gan, Israel),
V. I. Pyatak, PhD (philosophy), associate professor (Birobidzhan, Russia),
B. E. Fishman, DSc (pedagogics), full professor (Birobidzhan, Russia),
E. Ya. Frisman, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, DSc (biology),
full professor (Birobidzhan, Russia),
O. E. Shapovalova, DSc (psychology), full professor (Birobidzhan, Russia),
V. G. Shvedov, DSc (geography), associate professor (Birobidzhan, Russia),
V. T. Shishmakov, DSc (economics), full professor (Khabarovsk, Russia).

Executive Editor — P. N. Tolstoguzov, DSc (philology)

Text Editor — L. N. Kaputsina (PhD, philology),
Technical Editor — V. V. Nikolayeva.

Internet address: <http://pgusa.ru/en/vestnik>

Editorial Office address: 679015, Russian Federation, Birobidzhan (city), Shyrokaya st., 70-A.
Phone: (42622) 4-63-69, e-mail: bir.izdatel@gmail.com

The journal is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Certificate of registration PI No. FS 77-66783 of 08/08/2016.

Total or partial reproduction of the journal materials without permission of the publisher is prohibited.
Links to the journal is obligatory.

Signed for print 29.11.2019. Issued 20.12.2019. Format 70×100 1/16. Office paper.
Conv. printer's sheet 8,56. Publish. sheet 8,54. Number of copies 500. Order № 30/2019. Free price.

Publishing Centre of Sholom-Aleichem Priamursky State University
679015, Birobidzhan (city), Shyrokaya st., 70-A

Printed in printing office of Sholom-Aleichem Priamursky State University
679015, Birobidzhan (city), Shyrokaya st., 70-A

Содержание

СТАТЬИ	9
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	9
Арпентьева М. Р. ПРОБЛЕМА ТИПОВ ПЕРЕВОДА И ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ	9
Баишева К. В. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	22
Вороничев О. Е. СЛУЧАИ СОВМЕЩЁННОЙ СЕМАНТИКИ В ПОЭЗИИ А. К. ТОЛСТОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЕЙ НА БУКВЫ А, Б В «СЛОВАРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА А. К. ТОЛСТОГО»).....	26
Галечко-Лопатина В. Д. ТРЭВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА: РОЛЬ И ФУНКЦИИ.....	35
Демонова Ю. М., Гукалова Н. В. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТИЛЕВЫХ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМОК АНГЛИЙСКОГО МОДЕРНИЗМА	43
Селюнина О. А., Чэнь Цянгунь СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ О КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНЕКДОТОВ И СМЕЖНЫХ ЖАНРОВ).....	47
Спивакова Е. М. НАИМЕНОВАНИЯ ПАРИКМАХЕРСКИХ И САЛОНОВ КРАСОТЫ В ЭРГОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БИРОБИДЖАНА.....	52

Толстогузов П. Н. ФОТОГРАФИЯ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	58
Фокина Д. В., Питько О. А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИЯ МОЛОДЁЖИ К ИНТЕРНЕТ-СМИ.....	63
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ.....	69
Галечко И. И. КУЛЬТ БЛИЗНЕЦОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРСКОГО РЕГИОНА	69
Каштанюк В. А. ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА И МИФОЛОГИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ЭТНОПЕДАГОГИКЕ	78
Примак П. В. МИФОЛОГИЯ МЕСТА И СОВРЕМЕННЫЕ АНТРОПОГЕННЫЕ ЛАНДШАФТЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ.....	87
Титова Е. В. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОСМОГОНИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРА.....	97
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	105
Канделя М. В., Койсман Л. А., Назарова В. П. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ	105
Канделя М. В., Койсман Л. А., Назарова В. П. ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН	117
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	124
Усенов И. А. ПОСТРОЕНИЕ РЕГУЛЯРИЗИРУЮЩЕГО ОПЕРАТОРА ДЛЯ РЕШЕНИЯ НЕЛИНЕЙНОГО ОПЕРАТОРНОГО УРАВНЕНИЯ ПЕРВОГО РОДА.....	124
Порядок публикации статей в журнале	133

Contents

ARTICLES	9
PHILOLOGICAL SCIENCES	9
Arpentieva M. R. PROBLEM OF TYPES OF TRANSLATION AND PROBLEM OF TEACHING ITALIAN LANGUAGE OUT OF CONTACT WITH THE LANGUAGE ENVIRONMENT	9
Baisheva K. V. FEATURES LITERARY TRANSLATION OF POETIC TEXT	22
Voronichev O. Ye. CASES OF COMBINED SEMANTICS IN POETRY OF A.K. TOLSTOY (BASED ON ARTICLES IN THE LETTERS A, B (Б) IN THE «DICTIONARY OF THE POETIC LANGUAGE OF A.K. TOLSTOY»).....	26
Halechko-Lopatina V. D. TRAVEL JOURNALISM: ROLE AND FUNCTIONS	35
Demonova Yu. M., Gukalova N. V. LINGUISTIC REALIZATION THE CATEGORY OF TEXTUAL EMOTIVENESS IN THE V. WOOLF NOVEL «TO THE LIGHTHOUSE».....	43
Selyunina O. A., Chen Qiangun STEREOTYPIC REPRESENTATIONS OF RUSSIANS ABOUT CHINESE CULTURE AND LIFE (ON THE MATERIAL OF JOKES AND RELATED GENREES)	47
Spivakova E. M. THE NAMES OF BARBER SHOPS AND BEAUTY STUDIOS OF BIROBIDZHAN	52

Tolstoguzov P. N. PHOTO AS A FUNCTIONAL ELEMENT IN THE RUSSIAN LITERATURE TEXT OF THE 19TH CENTURY SECOND HALF	58
Fokina D. V., Pitko O. A. PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF YOUTH CONFERENCE TO THE INTERNET MEDIA	63
HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY.....	69
Galechko I. I. THE CULT OF THE TWINS INDIGENOUS PEOPLES OF THE AMUR REGION	69
Kashtanuk V. A. ESPECIALLY THE MENTALITY AND MYTHOLOGY OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN THE ETHNOPEDAGOGY	78
Primak P. V. MYTHOLOGY PLACES AND MODERN LANDSCAPES OF INDIGENOUS PEOPLES IN KHABAROVSK KRAI	87
Titova E. V. ETHNO-CULTURAL PECULIARITIES OF THE COSMOGONIC BELIEFS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE AMUR RIVER	97
PEDAGOGICAL SCIENCES.....	105
Kandelya M. V., Koisman L. A., Nazarova V. P. PHYSIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL CHANGES IN OLD AGE	105
Kandelya M. V., Koisman L. A., Nazarova V. P. PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS A SOCIAL PHENOMENON	117
PHYSICAL AND MATHEMATICAL SCIENCES.....	124
Usenov I. A. CONSTRUCTION OF A REGULARIZING OPERATOR TO SOLVE A NONLINEAR OPERATOR EQUATION OF THE FIRST KIND	124
PROCEDURE FOR THE PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL	133

СТАТЬИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.98

М. Р. Арпентьева

ПРОБЛЕМА ТИПОВ ПЕРЕВОДА И ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

Перевод — составной компонент изучения и преподавания иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды. Сопоставительный анализ различных типов перевода даёт возможность понять нюансы языка и культуры, которые бывает трудно осмыслить при отсутствии языковой среды (взаимодействия с носителями языка, совместной жизни в культуре, родившей тот или иной язык). Перевод актуализирует в сознании наличие множества вариантов понимания, бесчисленности возможных осмыслений устной или письменной речи, из которых обучающемуся и обучающему необходимо выбрать не только те, что отражают ситуативные моменты, но и сам «дух» национальной культуры, менталитет народа, а также особенности самого говорящего как представителя данного народа.

Ключевые слова: перевод, понимание, тип перевода, уровень, цель, языковая среда.

Перевод — важная часть и составной компонент изучения и преподавания итальянского языка как иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды. Сопоставительный анализ различных типов перевода даёт возможность понять нюансы итальянского языка и культуры, которые бывает трудно осмыслить при отсутствии языковой среды (взаимодействия с носителями языка, совместной жизни в культуре, родившей тот или иной язык). Перевод актуализирует в сознании наличие множества вариантов понимания итальянского языка как иностранного, бесчисленности возможных осмыслений устной или письменной речи, из которых обучающемуся и обучающему необходимо выбрать не толь-

Арпентьева Мариям Равильевна — доктор психологических наук, доцент, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕ), академик Международной академии естествознания (IANH), ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики физического воспитания, (Югорский государственный университет, Россия, Ханты-Мансийск); e-mail: mariam_rav@mail.ru.

© Арпентьева М. Р., 2019

ко те, что отражают ситуативные моменты, но и сам «дух» итальянской культуры, менталитет итальянского народа, а также особенности самого говорящего как представителя данного народа.

Перевод как составляющая изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды — совместная или индивидуальная деятельность обучающихся и обучающихся. Эта деятельность требует от них более или менее ординарного или трансординарного знания как собственного, так и итальянского языка. Она требует большего или меньшего понимания себя и мира, в том числе в контексте понимания языковых и культурных различий и их роли в жизни: в деятельности и взаимоотношениях. Сложности перевода особенно хорошо демонстрируют переводы профессиональных текстов. Работа над переводом таких текстов — не столько когнитивная или коммуникативная, но собственно духовная задача. Она включает ценностный диалог общающихся. Она есть понимание как бытийный процесс [1], деятельность специалиста. Эта деятельность имеет как типические, так и уникальные черты, в том числе по сравнению с ситуациями изучения языка и культуры в рамках «включённого» погружения в культуру и взаимодействия с её носителями. Современные типологии переводов включают несколько основных параметров: типы переводов выделяются по форме презентации текста перевода и текста оригинала; типологизация осуществляется по жанрово-стилистическим особенностям и жанровой принадлежности переводимого материала; по основным функциям; по полноте и типу передачи смыслового содержания оригинала; типы переводов выделяются также по соотношению типов языка перевода и языка оригинала; типологизация часто осуществляется по характеру соответствия текста перевода тексту оригинала; очень распространена типологизация по характеру субъекта переводческой деятельности и его отношению к автору переводимого текста; продуктивный вид типологизации переводов включает их классификацию по первичности текста оригинала; по типу переводческой сегментации и способу переработки переводимого материала; также весьма распространённой является классификация по типу адекватности перевода (классификация А. Паршина и др.) (рис.). Однако они практически не рассматривают вопросы специфики перевода, его процесса и результата в контексте изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды [3].

Знание профессионального итальянского языка как иностранного — это умение разговаривать, читать, переводить — то есть понимать созданные на данном языке тексты, которое формируется в ходе изучения и преподавания иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды. Перевод, в том числе условно-дословный, — это уникальная деятельность, требующая развёрнутого и соотнесения целого комплекса значений и смыслов, вытекающих и «втекающих» в огромный смысловой универсум.

Классификация видов переводческой деятельности

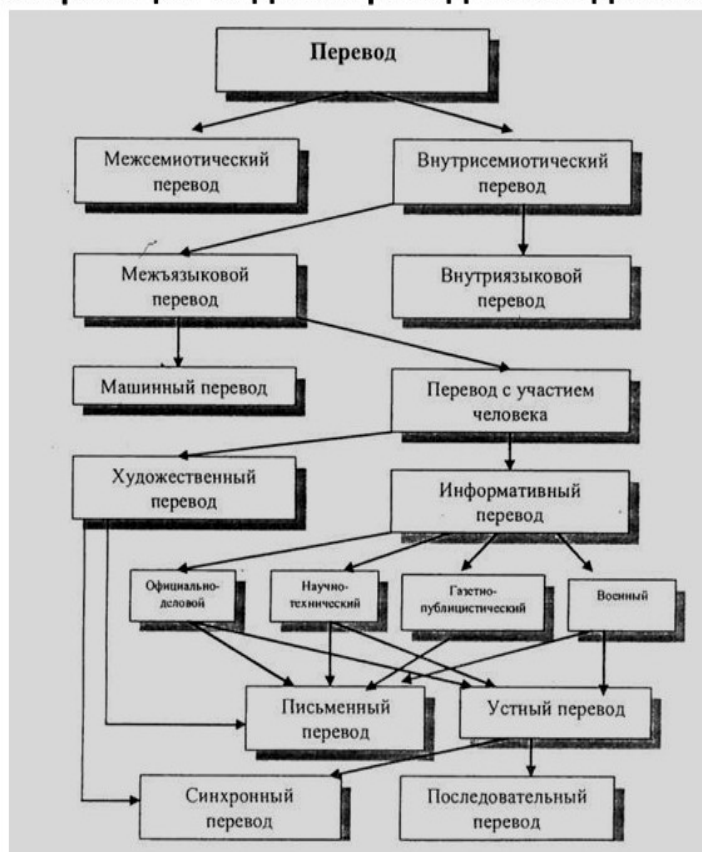

Рис. Виды переводов

Сюда входит смысловой «багаж» каждого отдельного человека и человеческой жизни в целом, смысловой «багаж» языка и культур отдельных групп (народов и т. д.) и «багаж» всего человечества. Таким образом, каждый отдельный субъект — индивид или группа человечество — выступает как (со)автор текста. Это множество «багажей»-универсумов рождает бесчисленное количество вариантов понимания, т. е. бесчисленное количество возможных переводов, в том числе в процессе изучения и преподавания иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды. И если мы не говорим о формальной грамотности перевода, осуществляемого субъектом с итальянского языка на свой язык в условиях отсутствия языковой среды, то его содержательная точность в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды может быть весьма различной: возникают разные уровни перевода. Их существование становится заметно лишь за пределами «минимального», машинного или близкого к нему уровня поиска дословных

соответствий, а также при сопоставлении процессов и результатов изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях присутствия и в условиях отсутствия языковой среды. Однако для того, чтобы разговаривать на итальянском языке «свободно» и, тем более, для того, чтобы переводить тексты профессионального типа, достичь уровня многостороннего и многоуровневого понимания даже в условиях отсутствия языковой среды, необходимо уметь реализовать разные уровни перевода. Встречаясь с разными вариантами переводов в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды, мы можем исследовать этот феномен и найти пути формирования и развития «искусства перевода» даже в условиях отсутствия языковой среды [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 14; 15; 16 и др.].

Современная практика изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды предъявляет весьма высокие требования к качеству перевода. Наряду с простейшим, «машинным» переводом, естественным образом возникают многообразные варианты авторского условно-дословного перевода, при котором переводчик даже и тем более в условиях отсутствия языковой среды не только стремится воспроизвести переводимый текст как совокупность понятий и конструкций, но и выступает как соавтор текста, дополняющий текст, который будет звучать в новой (пусть и отсутствующей в момент перевода как реальный агент) культуре необходимыми для его понимания «обертонами». При этом попытка создать «полноценный перевод» (А. В. Федоров) сталкивается в условиях отсутствия языковой среды с запросом создания «реалистического перевода» (И. А. Кашкин), различия задач которых заметны из самих названий типов перевода. Такое дополнение и трансформация всегда рискованы, особенно если учащиеся, обучающиеся и обучающие переводят тексты художественные, многоуровневые и многозначные, тексты, наполненные специфическим для итальянского народа-носителя языка определённым культурно-историческим содержанием, а также конкретным для автора переводимого текста психологическим «подтекстом», не всегда очевидным, но так или иначе присутствующим даже в профессиональных и научных текстах [4; 6; 8; 15; 16; 19; 20 и др.].

Очень важным оказывается в переводе уловить отношенческую интенцию автора — субъекта иной культуры (иного времени и иного места), не трансформировать, а раскрыть / сохранить её. Именно с нею связаны удачи и неудачи переводов художественных текстов в процессе изучения и преподавания иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды. Помимо интенции преобразовательной, определяющей «внешнюю» цель текста как средства воздействия на читателя, в процессе изучения и преподавания иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды важен именно этот «внутренний» смысл — свет, который идёт из текста, который и должен быть «переведён», то есть сохранён при переводе. По достижении такой ступени в процессе изучения и

преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды происходит освоение учащимися и обучающимися переводимого. Оно буквально становится „своим“, в процессе изучения и преподавания иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды переводимое перекладывается на „свой язык“, подвергается больше или меньше реализованной и заметной творческой переработке. Этот уровень понимания в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия или даже наличия языковой среды избыточен для большинства стандартных переводческих задач. Вместе с тем в процессе изучения и преподавания иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды он вызывает трудности идентификации «качества перевода». Если есть носители и культура, то идентификация качества протекает гораздо более естественно. Если нет — то вопрос о качестве перевода становится очень сложным. С точки зрения формальных соответствий, перевод, осуществляемый субъектами в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды, может оцениваться как непрофессиональный, некачественный. Перевод в процессе изучения и преподавания иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды есть освобождение текста из «плена» потенциальности «смыслового универсума». Такой перевод высвобождает новые смыслы, так же, как и прячет старые. Он предлагает ученику как переводчику осмысление наиболее доступных смысловых слоёв или аспектов переводимого текста, а также их повторное сокрытие, насыщение текста подтекстами и интертекстами, позволяющими читателю итальянской и своей культуры даже в условиях отсутствия языковой среды понимать текст во всей его полноте. Ученик как переводчик лишь устанавливает для себя смысловые маркеры там, где он обнаружил «зерно истины» или сокрытую от наивных глаз «машинного перевода» тайну, усмотрел обращение к смысловому пласту, далёкому от непосредственно описываемой ситуации, скрытой от него и иных переводящих в условиях отсутствия языковой и особенно культурной среды. Современная «интертекстология» и «нарративология» обращают особое внимание на те аспекты смысла, которые прячутся «между строк», «на полях», в «между-текстах» и в «историях» текстов: грамотный переводчик учитывает именно эти неявные смыслы как опорные. Опираясь на них, в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды ученик реконструирует внешний каркас текста, оставляя в нём знаки, маркирующие глубинные смыслы, послужившие первоосновой текста. Эти первоосновы по-прежнему ждут своего «освобождения», стремятся быть понятыми, как более или менее «непонятные», то есть более или менее «сильные» и «слабые» сигналы» неполного понимания, в процессе прочтения и перевода заинтересованным читателем — как «соавтором» текста.

Как правило, уровень перевода в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды связан с функцией перевода, а та — в свою очередь — с понимающей интенцией переводящего: диалогической, отношенческой или преобразовательной. Чаще всего оптимальной становится диалогическая. При этом многие не столь удачные переводы в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды связаны с тем, что «переводчик не учитывает разницу в смысловых правилах и структурах, а также позволяет ввести себя в заблуждение так называемым «ложным друзьям переводчика», грешит неоправданным буквализмом. Буквализм перевода в ситуации изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды столь же нежелателен, как и неоправданная вольность. Буквализм опирается на стремление переводящего так или иначе использовать текст для манипулирования другими объектами или субъектами, достижения иных, кроме перевода, целей, он реализует преобразовательную интенцию. Вольность перевода в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды связана с «увязанием» в отношениях и смыслах, часто настолько же фиктивных, насколько фиктивен и получаемый перевод [3; 7; 9; 11; 12 и др.]. Таким образом, полифоничность перевода в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды — одно из условий его богатства, а богатство перевода — показатель понимания текста учащимися и обучающимися.

Для того, чтобы показать эти уровни учащимся и обучающимся в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в ситуации отсутствия языковой среды, желательно демонстрировать их разные по качеству примеры переводов профессиональных, художественных и иных текстов, осуществлённые носителями переводимого языка и языка перевода.

Исследователи перевода, в том числе фоносемантики итальянской поэзии, отмечают в качестве ярких примеров такие работы, как стихотворения Дж. Пасколи, вошедшие в сборники «*Myrica*» и «*Canti di Castelvecchio*», в том числе такие, как произведения «*Lampo*», «*Tuono*» и «*Temporale*». В творчестве этого поэта особенно чётко применены приёмы звуковой символики, проявлена особая музыкальность. Эти стихи считаются трудно переводимыми, и потому они малоизвестны за пределами Италии. Были выбраны переводы стихотворений Д. Пасколи, выполненные С. Ошеровым («Три грозди», «Пиршество жизни», «Ночной жасмин»), И. Волковой («Мой вечер»), Т. Беловой («На заре праздника», «Гром», «Топот»). Часто приводятся также произведения Г. Д'Аннунцио и Э. Монтале. Выбор произведений Э. Монтале часто связан в преподавании и исследовании перевода существованием высокохудожественных переводов Е. М. Солоновича, весьма удачных с

точки зрения звуковой, фоносемантической изобразительности. Такого рода подбор материала позволяет сопоставить различные стихотворные переводы [2; 14; 15; 17; 18; 19; 20].

Приведём примеры переводов стихотворения А. Мерини, автора известных, но менее «изысканных» с фоносемантической точки зрения стихов. Однако и здесь, даже в самом содержании стихов мы встречаемся с песней.

L'albatros

Io ero un uccello
dal bianco ventre gentile
qualcuno mi ha tagliato la gola
per riderci sopra
non so.
Io ero un albatro grande
e volteggiavo sui mari
qualcuno ha fermato il mio viaggio
senza nessuna carità di suono.
Ma anche distesa per terra
io canto ora per te
le mie canzoni d'amore.

A. Merini

Альбатрос

Я была птицей
с белым, нежным животом
кто-то перерезал мне горло
чтобы посмеяться над этим
Я не знаю.
Я была отличным альбатросом
и кружила над морем
кто-то остановил мою путь
без всякой сочувствия.
Но и лежа на земле
Я пою сейчас для тебя
мои песни о любви.

Машинный перевод

Альбатрос

Была я когда-то птицей
с белым брюшком и нежным
мне перерезали глотку
потехи ради
наверно.
Была я большим альбатросом
кружившимся над морями
сбили меня в полёте
без всякого сострадания.
Но брошенная на землю
тебе я петь продолжаю
свои любовные песни.

А. Мерини
Перевод Ю. Лукача

Альбатрос

Я птицей была
с белым нежным брюшком,
кто-то горло рассёк мне —
для смеха, наверно,
не знаю.
Была альбатросом,
кружившим над морем:
без милости всякой
кто-то молча прервал мой полёт.
Но и здесь на земле,
распластавшись,
я пою для тебя песнь любви.

А. Мерини
Перевод Х. Закирова и П. Гальваньи

Здесь мы видим, как сходны разные переводы: стихотворение содержит мало культурных «аллюзий», почти нет гипертекстовых ссылок, оно обращено к общечеловеческим переживаниям. Однако большинство переводов неудачно с точки зрения фоносемантики [2], не передаёт атмосферы языка и культуры, непонятно и не может быть понято «до конца».

Если посмотреть иное стихотворение, содержащее значительно больший и более известный и доступный культурный «затекст», то переводы начинают сильно различаться.

La terra santa

Ho conosciuto Gerico,
ho avuto anch'io la mia Palestina,
le mura del manicomio
erano le mura di Gerico
e una pozza di acqua infettata
ci ha battezzati tutti.
Lì dentro eravamo ebrei
e i Farisei erano in alto
e c'era anche il Messia
confuso dentro la folla:
un pazzo che urlava al Cielo
tutto il suo amore in Dio.
Noi tutti, branco di asceti
eravamo come gli uccelli
e ogni tanto una rete
oscura ci imprigionava
ma andavamo verso le messe,
le messe di nostro Signore
e Cristo il Salvatore.
Fummo lavati e sepolti,
odoravamo di incenso.
E, dopo, quando amavamo,
ci facevano gli elettrochoc
perchè, dicevano, un pazzo
non può amare nessuno.
Ma un giorno da dentro l'avello
anch'io mi sono ridestata
e anch'io come Gesù
ho avuto la mia resurrezione,
ma non sono salita ai cieli
sono discesa all'inferno
da dove riguardo stupita
le mura di Gerico antica.

*A Merini***Святая земля**

Я встречалась с Иерихоном,
У меня также была моя Палестина,
стены приюта
они были стенами Иерихона
и в котле заражённой воды
Он крестил нас всех.
Там мы были евреями
и фарисеи были наверху
и был также Мессия
запутанный внутри толпы:
сумасшедший, кричащий на небеса
всю свою любовь к Богу.
Мы все, кучка аскетиков
мы были как птицы
и иногда сеть
покрывала нас и нас заключали в тюрьму
но мы пошли к сбору урожая,
тела нашего Господа
и Христа Спаситель.
Мы были вымыты и похоронены,
мы пахли ладаном.
И, позже, когда мы любили,
Испытали удары электрошока
потому что сказали: они сумасшедшие,
они не могут никого любить.
Но однажды внутри склепа
Я тоже проснулась
и я тоже люблю Иисуса
У меня было мое воскресение,
но я не поднялась на небеса
Я спустилась в ад
где поражена
стенами древнего Иерихона.

*Исправленный машинный перевод***Святая земля**

Бывала я в Иерихоне,
свою Палестину знавала,
мне стены дурдома были
стенами Иерихона;
в луже воды заразной
всех нас там окрестили.
И были мы иудеи
у фарисеев во власти,
и был среди нас Мессия,
буйной толпой затёртый:
безумец, оравший Небу
о вечной любви к Богу.
Все мы, толпа аскетов,
были там, словно птицы —
также силки порою
тёмные нас ловили,

но мы отправлялись к мессам,
мессам нашего Бога,
Спасителя-Иисуса.
Обмыли нас и зарыли,
и мы источали ладан.
А после, когда мы любили,
нас лечили электрошоком,
твердя при этом: безумный
любить никого не может.
И всё же в холодном склепе
однажды я пробудилась,
и там, Иисусу подобно,
заново я воскресла,
но на небесах не села,
а в геенну спустилась;
изумлённо гляжу на стены
древнего Иерихона.

Перевод Ю. Лукач

Здесь мы видим, что машинный и дословный перевод уже резко затруднён, он не позволяет без знания «затекста» — отсылки к Библии — понять, о чём идет речь.

Иногда очень хорошим приёмом является и обратный перевод: с изучаемого языка на язык обучающихся и учащихся. Тем более когда автор переводимых стихов так же «музыкален», как и язык, на который переводится его стихотворение.

Rottura

Leccherà il pianoforte la sua bava.
Ti svellerà, ti falcerà un delirio.
Dirai: o caro! Io dirò: no. All'oscuro
si uniranno le nostre bocche avida.

Gli accordi come pagine di libro
getteremo nel fuoco anno per anno.
Oh intelligenza magica fa un cenno.
Fallo e stupisci. Ormai tu sei libera.

Io non ti tengo. Ad altri va. Il tuo bene
ad altri reca. Werther fu già scritto.
Oggi odora anche l'etere di lutto.
Se apri una finestra, apri una vena.

В. Пастернак

Разрыв

Рояль дрожащий пену с губ оближет.
Тебя сорвёт, подкосит этот бред.
Ты скажешь: — милый! — Нет, — вскричу я, — нет!
При музыке?! — Но можно ли быть ближе,

Чем в полутьме, аккорды, как дневник,
Меча в камин комплектами, погодно?
О понимание дивное, кивни,
Кивни, и изумишься! — ты свободна.

Я не держу. Иди, благотвори.
Ступай к другим. Уже написан Вертер,
А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно — что жилы отворить.

Б. Пастернак

Dichiarazione

La vita è tornata, così, senza motivo,
come allora che s'era stranamente interrotta.
E sempre in quella stessa strada antica,
sempre quello stesso giorno d'estate e a quell'ora.
La stessa gente e le ansie, le stesse,
e l'incendio del tramonto ancora acceso:
come allora, contro il muro del Maneggio
la sera di morte l'aveva in fretta inchiodato.
Donne in vesti da poco prezzo, come allora,
a notte strascicano le scarpe.
E poi sul tetto di lamiera,
come allora, le crocifiggono le soffitte.
Ecco lei che a passi stanchi
lentamente si fa sulla soglia,
e, risalendo dall'interrato,
taglia di traverso il cortile.
Di nuovo io mi preparo pretesti,
e di nuovo mi è tutto indifferente.
E la vicina, svoltando all'angolo,
ci lascia l'un l'altro di fronte.

Non piangere, non increspare le labbra tumefatte,
non gremirle di rughe.
Riaprirai le croste già secche
dello sfogo di primavera.

Объяснение

Жизнь вернулась так же беспричинно,
Как когда-то странно прервалась.
Я на той же улице старинной,
Как тогда, в тот летний день и час.
Те же люди и заботы те же,
И пожар заката не остыл,
Как его тогда к стене Манежа
Вечер смерти наспех пригвоздил.
Женщины в дешёвом затрапезе
Так же ночью топчут башмаки.
Их потом на кровельном железе
Так же распинают чердаки.
Вот одна походкою усталой
Медленно выходит на порог
И, поднявшись из полуподвала,
Переходит двор наискосок.
Я опять готовлю отговорки,
И опять всё безразлично мне.
И соседка, обогнув задворки,
Оставляет нас наедине.

Не плачь, не морщь опухших губ,
Не собирай их в складки.
Разбередишь присохший струп
Весенней лихорадки.

Togli il palmo della mano dal mio petto,
 noi siamo cavi sotto tensione.
 Attenta, l'uno verso l'altra, ancora
 saremo spinti inavvertitamente.
 Passeranno gli anni, ti sposerai,
 dimenticherai i disordini.
 Essere una donna è un grande passo,
 fare impazzire è un'eroica impresa.
 Pure, io, di fronte al prodigio delle mani di donna,
 del dorso e delle spalle e del collo,
 con la devozione d'un servo
 tutta la mia vita benedico.
 Ma per quanto la notte m'incateni
 con anelli d'angoscia,
 più forte al mondo è la spinta a fuggire
 e la passione invita alle rotture.

B. Pasternak

Traduzione di M. Socrate

Сними ладонь с моей груди,
 Мы провода под током.
 Друг к другу вновь, того гляди,
 Нас бросит ненароком.
 Пройдут года, ты вступишь в брак,
 Забудешь неустройства.
 Быть женщиной — великий шаг,
 Сводить с ума — героизм.
 А я пред чудом женских рук,
 Спины, и плеч, и шеи
 И так с привязанностью слуг
 Весь век благоговею.
 Но, как ни сковывает ночь
 Меня кольцом тоскливым,
 Сильней на свете тяга прочь
 И манит страсть к разрывам.

Б. Пастернак

Сопоставление разных переводов даёт возможность ощутить итальянскую культуру и язык народа даже в отсутствии реальной возможности учиться и взаимодействовать с носителями языка и культуры, существенно интенсифицирует и оптимизирует учебный процесс.

Некоторые задания учащимся и обучающимся поэтому могут быть направлены на самостоятельный перевод текстов разного типа и сопоставление переводов (по параметрам, интересующим обучающего и значимым для понимания той или иной культуры, времени и места создания текста и его переводов и т. д.).

В присутствии носителей итальянского языка и при доступности культуры, знакомстве с личностью автора и с целями заказчиков перевода, решение задачи качества, точности и полноты, культуросообразности перевода осуществляется намного проще и естественней. Если носителей рядом нет, то вопрос о качестве перевода становится очень сложным. С точки зрения формальных соответствий, перевод, осуществляемый субъектами в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды может при тех или иных условиях оцениваться как непрофессиональный, некачественный. Такое случается даже с переводами признанных «мастеров слова», привносящих в свои переводы смыслы своей культуры, своей личности. Перевод в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды есть освобождение текста из «плена» потенциальности «смыслового универсума». Такой перевод высвобождает новые смыслы так же, как и прячет старые. Он предполагает понимание и обнаружение наиболее легкодоступных смысловых слоёв переводимой речи или текста, но и их повторное сокрытие, насыщение текста подтекстами, затекстами и интертекстами. Эти «иные тексты» и смыслы позволяют читателю и иной, и исходной культуры понимать текст с гораздо

большей точностью и полнотой. Ученик как переводчик лишь устанавливает для себя смысловые маркеры там, где он обнаружил «зерно истины» или сокрытую от наивных глаз «машинного перевода» тайну, усмотрел обращение к смысловому пласту, далёкому от непосредственно описываемой ситуации, скрытой от него и иных переводящих в условиях отсутствия языковой и особенно культурной среды. Аспекты смысла, которые прячутся «между строк», «на полях», в «между-текстах» и в «историях» текстов, вычитываются грамотным переводчиком в первую очередь. Эти неявные смыслы выступают как опорные. Опираясь на них, в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды ученик реконструирует внешний, культурный каркас текста.

Как правило, уровень перевода в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды связан с функцией перевода, а та — с понимающей интенцией и задачами перевода у переводящего. Не слишком успешные переводы в процессе изучения иностранного языка в условиях отсутствия языковой среды связаны с тем, что переводчик не учитывает разницу в смысловых правилах и структурах своего и родного языка. Он позволяет ввести себя в заблуждение «ложным друзьям переводчика». Например, грешит неоправданным буквализмом. Буквализм перевода в ситуации изучения итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды нежелателен так же, как и неоправданная вольность. Вольность перевода в процессе изучения и преподавания итальянского языка как иностранного в условиях отсутствия языковой среды связана с «увязанием» в фиктивных отношениях и смыслах. Таким образом, ключ к хорошему переводу, — стремление к пониманию иной культуры других людей и самого себя в текучей изменчивости, своеобразии и всеобщей человечности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Белова Т. С. Сопоставительный анализ системы звукоизобразительных средств итальянского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ ун-т им. М. В. Ломоносова, 2009. 180 с.
3. Воробьёва М. В. Перевод как средство формирования творческих речевых умений иноязычного межкультурного общения на старших курсах языкового вуза: дисс. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2014. 307 с.
4. Гавриленко Н. Н. Функционирование психологических механизмов в процессе понимания переводчиком иноязычного текста // Вестник Воронежского ГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 1 — 12.
5. Наугольных А. Ю. О глубине понимания в разных видах перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкозн. и педагогики. 2013. № 7 (49). С. 197 — 202.
6. Наугольных А. Ю. Парадоксы переводческого понимания // Вопросы психолінгвістики. 2009. № 9. С. 112 — 118.

7. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
8. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. М.: Эдитус, 2012. 234 с.
9. Уланович О. И. Понимание оригинала при переводе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 78–87.
10. Чайковский П. Р. Реальности поэтического перевода. Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
11. Bachmann-Medick D. Translational Turn // Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbek: Rowohlt, 2007. S. 238–283.
12. Beccaria G. L. Metrica e sintassi nella poesia di Giovanni Pascoli: Corso di storia della lingua italiana / A cura di E. Cane Cancelli, R. Salina, S. Buzzetti, S. Mamone, G. e C. Marazzini. Torino: G. Giappichelli, 1970. 273 p.
13. Dogana F. Le parole dell'incanto: esplorazioni dell'iconismo linguistico. Milano: Angeli, 2003. 490 p.
14. Holmes J. S. The Name and Nature of Translation Studies // Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies. Amsterdam: Rodopi, 1972–1988. Pp. 67–80.
15. Lefevre A. Translating poetry. Amsterdam: Van Gorcum, 1975. 127 p.
16. Raffel B. The Art of Translating Poetry. Pennsylvania SU, 1990. 220 p.
17. Traduzione poetica e dintorni: Miscellanea n. speciale. Trieste: Dip. di scienze del linguaggio dell'interpretazione e della traduzione, 2001. XVIII, 184 p.
18. Traduzione, società e cultura. Trieste, 1993. 320 p.
19. Trevi M. Metafore del simbolo: Ricerche sulla funzione simbolica nella psicologia complessa. Milano: R. Cortina, 1986. 162 p.
20. Tsur R. Poetic rhythm: Structure and performance: An empirical study in cognitive poetics. Berne; New York: Peter Lang, 1998. 378 p.

* * *

Arpentieva Mariam R.**PROBLEM OF TYPES OF TRANSLATION AND PROBLEM OF TEACHING ITALIAN LANGUAGE OUT OF CONTACT WITH THE LANGUAGE ENVIRONMENT**

(Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia)

Translation is an important part of learning and teaching a foreign language in the absence of a language environment. Comparative analysis of different types of translation helps to comprehend the nuances that are difficult to understand in the absence of a language environment (interaction with native speakers, living together in the culture that gave birth to a particular language). Translation reflects a multitude of options for understanding, that is, an infinite number of possible translations, from which the student and the teacher need to choose those that reflect the „spirit“ of the national culture, its mentality, to the greatest extent.

Keywords: translation, understanding, type of translation, level, purpose, language environment

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetics of verbal creativity), Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 424 p.
2. Belova T. S. *Sopostavitelnyi analiz sistemy zvukoizobrazitelnykh sredstv italianskogo i russkogo iazykov* (Comparative analysis of the system of sound-visual aids of the Italian and Russian languages), dissertation, Moscow, 2009. 180 p.
3. Vorobeva M. V. *Perevod kak sredstvo formirovaniia tvorcheskikh rechevykh umenii inoiazychnogo mezhkulturnogo obshcheniia na starshikh kursakh iazykovogo vuza*

- (Translation as a means of forming creative speech skills of foreign language intercultural communication in senior language schools) dissertation, Ulan-Ude, 2014. 307 p.
4. Gavrilenko N. N. Functioning of psychological mechanisms in the process of understanding by a translator of a foreign language text [Funktsionirovanie psikhologicheskikh mekhanizmov v protsesse ponimaniia perevodchikom inoiazychnogo teksta], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika*, 2016, no. 4, pp. 1–12.
 5. Naugolnykh A. Iu. About the depth of understanding in different types of translation [O glubine ponimaniya v raznykh vidakh perevoda], *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 2013, no. 7 (49), pp. 197–202.
 6. Naugolnykh A. Iu. Paradoxes of translational understanding [Paradoksy perevodcheskogo ponimaniya], *Voprosy psikholingvistiki*, 2009, no. 9, pp. 112–118.
 7. Neliubin L. L., Khukhuni G. T. *Nauka o perevode* (The science of translation), Moscow, 2006. 416 p.
 8. Ogneva E. A. *Khudozhestvennyi perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda* (Artistic Translation: Problems of Transmission of Components of a Translation Code), Moscow, Editus Publ., 2012. 234 p.
 9. Ulanovich O. I. Understanding of the original while translating [Ponimanie originala pri perevode], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2015, no. 1 (33), pp. 78–87.
 10. Chaikovskiy R. R. *Realnosti poeticheskogo perevoda* (The reality of poetic translation), Magadan, Kordis Publ., 1997. 197 p.
 11. Bachmann-Medick D. Translational Turn, *Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Reinbek, 2007, pp. 238–283.
 12. Beccaria G. L. *Metrica e sintassi nella poesia di Giovanni Pascoli: Corso di storia della lingua italiana* / A cura di E. Cane Cancelli, R. Salina, S. Buzzetti, S. Mamone, G. e C. Marazzini. Torino: G. Giappichelli, 1970. 273 p.
 13. Dogana F. *Le parole dell'incanto: esplorazioni dell'iconismo linguistico*. Milano: Angeli, 2003. 490 p.
 14. Holmes J. S. The Name and Nature of Translation Studies, *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam, 1972–1988, pp. 67–80.
 15. Lefevre A. *Translating poetry*. Amsterdam, 1975. 127 p.
 16. Raffel B. *The Art of Translating Poetry*. Pennsylvania SU, 1990. 220 p.
 17. *Traduzione poetica e dintorni: Miscellanea n. special*, Trieste: Dip. di scienze del linguaggio dell'interpretazione e della traduzione, 2001. XVIII, 184 p.
 18. *Traduzione, società e cultura*, Trieste, 1993. 320 p.
 19. Trevi M. *Metafore del simbolo: Ricerche sulla funzione simbolica nella psicologia complessa*, Milano, 1986. 162 p.
 20. Tsur R. *Poetic rhythm: Structure and performance: An empirical study in cognitive poetics*, Berne; New York, 1998. 378 p.

* * *

УДК 81'25

К. В. Баишева

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В данной работе рассматривается проблема художественного перевода, а именно перевода поэтического текста. Проанализированы работы трёх исследователей о критериях поэтического перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, поэтический текст, поэзия, переводчик.

Художественный перевод значительно отличается от других видов перевода, так как предполагает воздействие на читателя путём передачи эстетической информации. Уже сам по себе перевод художественных произведений представляет собой определённую проблему для переводчика необходимостью поиска подходящих слов и выражений, способных максимально точно отразить то, что хотел сказать автор оригинала.

При художественном переводе задачей переводчика является создать текст, эквивалент оригинала, который должен представлять претекст в иноязычной культуре, тем самым расширяя аудиторию претекста, а также развивать межнациональную коммуникацию. Также переводчику следует обратить внимание на ряд особенностей художественного перевода.

Первой особенностью художественного перевода является связь с особенностями оригинального текста. Перед переводчиком стоит проблема передачи риторических фигур (языковые средства выразительности), которые при точном переводе не будут отображать смысловую нагрузку текста, поэтому необходимо находить эквиваленты в переводном языке.

Вторая особенность заключается в характере перевода. Переводной текст должен передавать настроение, заложенное автором претекста. Здесь на первый план выходит не буквальность перевода, а передача основной мысли, идеи оригинального текста. Переводной текст должен вызывать те же чувства и переживания у реципиента, как и оригинал.

Третья особенность — соблюдение эпохального и национального колорита претекста. Таким образом, стиль той или иной эпохи и куль-

Баишева Клавдия Владимировна — учитель русского языка и литературы (Муниципальное образовательное бюджетное учреждение «Средняя образовательная школа № 7 г. Якутск», Россия, Якутск); e-mail: school7@yaguo.ru.

© Баишева К. В., 2019

турные особенности, отражённые в оригинале, должны переноситься на вторичный текст.

Перевод поэтических текстов как разновидность художественного перевода представляется сложным явлением. Строгие ограничения поэтических произведений — необходимость передать в переводе содержание, ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону подлинника, зависимость поэтического произведения от особенностей языка, на котором оно написано, — делают перевод поэзии одной из наиболее трудных областей переводческой деятельности. По мнению Л. С. Бархударова, трудности перевода поэтических произведений обусловлены расхождениями между структурой двух языков и жёсткими формальными требованиями, налагаемыми на поэтические тексты [2].

Переводчику необходимо передать ритм, рифмовку, аллитерации, ассонансы, звукоподражания, звуковой символизм и другие выразительные средства поэзии. «У каждой строфы — свои внутренние закономерности, своя особая, отстоявшаяся и ненарушимая лексика» [3, с. 15].

Если обратиться к критериям поэтического перевода, то К. Доллеруп предлагает выделить четыре «слоя» при переводе лирического текста:

- 1) структурный слой, который охватывает весь текстовый порядок элементов, а также отрывков и эпизодов;
- 2) лингвистический слой, включающий в себя благозвучие, звуки, слова, порядок слов, «стиль»;
- 3) содержательный слой – взаимосвязь между основными моментами перевода;
- 4) «намеренный» (умышленный) слой. Модель теоретически не значима и не зависит от охватываемых единиц [4].

Критерии Доллерупа носят общий характер. Так называемые «слои» охватывают несколько частных критериев, образуя один.

Как отмечает Е. Г. Эткинд, любые стихи во всех случаях несут в себе отношение автора к изображаемому: 1) сюжет стихотворения, 2) образ поэта, создаваемый в каждом стихотворении [3]. Он выделяет некоторые этапы поэтического перевода, при этом отмечая, что универсальных критериев для определения верности или точности перевода лирического текста нет:

- 1) поэзия внешней формы — «формальное сходство, аналогичная игра, в которой не играют особой роли ни чувство, ни мысль» [3, с. 49];
- 2) поэзия мысли — донесение до читателя хода мысли автора в полной неприкосновенности [3];
- 3) поэзия образов — «проблема при романтической поэзии, где мысль никогда не бывает выражена в прямых словах, где сущность произведения обычно составляет его эмоциональная настроенность, воплощённая в пластическом образе» [3, с. 56];
- 4) «вербальная точность» — максимальная словесная точность;

5) «далёкое близкое» — преобразование стиха.

Также выделяются следующие требования для сохранения компонентов стихотворной формы и системы образов И. С. Алексеевой:

1) сохранить размер и стопность;

2) сохранить каденцию, то есть наличие / отсутствие заударной части рифмы (мужские, женские, дактилические окончания);

3) сохранить тип чередования рифм – смежная, перекрёстная, опоясывающая рифма связаны не только с созданием определённой тональности содержания, но и с давними традициями оформления жанров и поэтических форм;

4) отразить звукопись – воспроизвести её окраску, сохраняя в переводе повтор фонемы, близкой по звучанию фонеме подлинника;

5) сохранить количество и место в стихе лексических и синтаксических повторов [1].

Следуя вышесказанному, можно отметить, что К. Доллеруп обращает внимание на определённые формальные критерии, И. С. Алексеева делает акцент на форму и звучание, а Е. Г. Эткинд — на передачу смысла поэтического текста.

Требования, выделенные данными теоретиками перевода, по нашему мнению, не полны. Таким образом, мы соединили компоненты перевода поэтического текста, которые желательно сохранить для адекватного перевода, исследователей и дополнили своими:

1) основная мысль текста;

2) эпохальный и национальный колорит;

3) образы поэтического текста;

4) порядок элементов текста;

5) стиль оригинала;

6) лексика оригинала;

7) размер и стопность лирического текста (метрика);

8) звукопись;

9) рифма стихотворения;

10) тропы и фигуры, использованные в подлиннике.

Художественный перевод — вопрос серьёзный, требующий внимания критики и оценки специалистов. Известно, что существует огромная проблема передачи лирического произведения на другой язык. Есть масса ограничений в стихотворном тексте, которые мешают сделать адекватный перевод. Поэтому крайне важно, чтобы художественными и поэтическими переводами занимался высокий профессионал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
3. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Л.: Сов. писатель, 1963. 431 с.

4. *Cay Dollerup*. Poetry: theory, practice and feedback to theory // *TRADTERM*. 1997. № 4 (2). P. 129 – 147.

* * *

Baisheva Klavdiya V.

FEATURES LITERARY TRANSLATION OF POETIC TEXT

(Municipal educational budget institution «Yakutsk Secondary general education school №7», Yakutsk, Russia)

In this paper, the problem of literary translation is addressed the translation of a poetic text. Analyzed the work of three researchers on the criteria for poetic translation.

Keywords: literary translation, poetic text, poetry, translator.

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. *Professionalny trening perevodchika* (Professional training of a translator), St. Petersburg, 2001. 288 p.
2. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* (Language and translation (Questions of the general and private theory of translation)), Moscow, 1975. 240 p.
3. Etkind E. G. *Poeziya i perevod* (Poetry and translation), Leningrad, 1963. 431 p.
4. *Cay Dollerup*. Poetry: theory, practice and feedback to theory, *TRADTERM*, 1997, no. 4 (2), pp. 129 – 147.

* * *

УДК 811.161.1'37

О. Е. Вороничев**СЛУЧАИ СОВМЕЩЁННОЙ СЕМАНТИКИ
В ПОЭЗИИ А. К. ТОЛСТОГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЕЙ НА БУКВЫ А, Б
В «СЛОВАРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА А. К. ТОЛСТОГО»)**

В статье рассматриваются особенности совмещения узуальных значений в поэтическом языке А. К. Толстого, поскольку такие случаи — наряду с оригинальными семантическими приращениями и окказиональными лексико-семантическими вариантами — могут быть квалифицированы как авторское употребление в широком понимании этого термина. Описывается методика выявления совмещённых общезыковых значений в лирическом дискурсе А. К. Толстого. При этом основным методом исследования выступает метод погружения дефинируемой лексемы в достаточный по объёму авторский контекст. Определяется соотношение совмещённой узуальной семантики с другими вариантами собственно и не-собственно авторского употребления, сопоставительно анализируются различные примеры совмещённой узуальной неоднозначности в высокочастотных, среднечастотных и низкочастотных лексемах поэтического словаря А. К. Толстого, а также случаи совмещения поэтом общезыковой семантики с индивидуально-авторской.

Ключевые слова: А. К. Толстой, лексема, семантика, совмещение значений, авторское словоупотребление.

Лирика и сатирико-юмористические стихотворения А. К. Толстого содержат богатейший семантический потенциал, в котором общезыковые значения нередко совмещены с индивидуально-авторскими или имеют характерные для языковой личности А. К. Толстого семантические оттенки. Немало в поэтическом наследии графа и собственно авторских словоупотреблений.

Под авторским словоупотреблением в расширительном понимании этого термина мы подразумеваем не только «значение, присущее, свойственное только данному автору, отличающее его от других и актуализованное в авторском контексте» [7, с. 76], но и все случаи совмещения узуальных значений, совмещения узуальных и окказиональных значений (или семантических оттенков), т. е. и те словоупотребления, которые создают речевые образы, отражающие речетворчество писателей, и те, которые связаны с нарушением обычных сфер употребления языковых единиц [4], а также различные семантические приращения, представляющие собой «весьма

Вороничев Олег Евгеньевич — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики начального общего и музыкального образования (Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Брянск); e-mail: voonid@mail.ru.

© Вороничев О. Е., 2019

неоднородные явления, не получившие ещё своего определения, дифференциации и классификации» [1, с. 9]. При таком понимании объектами исследования становятся все словоупотребления, которые участвуют в создании как центра, так и периферии авторского семантического поля [3].

Выявление авторского словоупотребления на фоне других вариантов использования слова в необычном для носителя современного нам языка значении (устаревшем, диалектном, узкоспециальном и т. п.), безусловно, требует обращения к соответствующим толковым словарям. Например, только с опорой на дефиниции в словарях, отражающих лексический состав русского языка эпохи Толстого, можно объективно судить о реальном семантическом наполнении слова поэтом и его современниками. Так, с помощью «Словаря церковно-славянского и русского языка» [6, с. 80] можно установить, что лексема *браный*, которую современные толковые словари, начиная уже со словаря Ушакова [8, с. 181], правомерно относят к устаревшим и скупое определяют как «вытканый узорами; узорчатый» [5, с. 112], имела во времена Толстого значение «сделанный из брани / бранины», т. е. слово могло быть производным от каждого из этих двух однокоренных синонимов, ещё актуальных в середине 19-го века, составлявших с производным *браный* вполне живое словообразовательное гнездо и содержащих несколько иную в сравнении с дефинициями в современных толковых словарях семантику: «редкая и по большей части клетчатая ткань» (ср.: «старинная узорчатая ткань» [2, с. 206]). Таким образом, есть достаточные основания квалифицировать лексему *браный* как лексический архаизм времени и уточнить её значение: «сделанный из бранины (брани): редкой, преимущественно клетчатой, узорчатой ткани». Ср.: *На скатерти браной шипит перед ним Вино в венецейском стакане* <140> (здесь и далее в ломаных скобках даны номера произведений из 1-го тома полного собрания стихотворений А. К. Толстого: [9]). Или, лишь сопоставительно проанализировав статьи в словарях, современных не только для нас, но и для А. К. Толстого, можно прийти к выводу, что широкоупотребительное и тогда, и сегодня слово *бред* в контексте *Тревожной жизни первая веха: Бред чистоты с предвкушением греха!* (поэма «Портрет») имеет уникальную индивидуально-авторскую семантику «парадоксальное, необъяснимое сочетание противоположностей» и что слово *баба* обнаруживает у Толстого метафорическую семантику «старуха, старая ведьма, баба-яга как негативная оценка жизни, судьбы» в контекстах: *Исполать тебе, жизнь – баба старая, Привередница крикливая, Что ты, лаючись, накликнулась, Растолкала в бока добра молодца, Растрепала его думы тяжкие!* <163>; *Пропадай же, жизнь – баба старая!* <163>. Лексема *бабища* наряду с фиксируемой современными толковыми словарями разговорной неодобрительной окраской, реализуемой в значении «рослая полная, наглая и злая женщина», в контексте стихотворения «Три побоища» имеет авторский семантический оттенок «ведьма, недобрая прорицательница». Ср.: *И бабища будто на камне си-*

дит, Считает суда и смеётся: «Плывите, плывите! — она говорит. — Домой ни одно не вернётся!...»; И бабица злая бодрит его рать, И молвит: «Я воронов стаю Прикликаю саксов заутра клевать, И ветру я вам намахая!» <129>. В то же время лексема *бабка* выступает у Толстого в строке одного из сатирических медицинских стихотворений *Дщери нашей бабки Евы!* <183> в авторском метафорическом обобщённом значении «праматерь, прародительница всех женщин на земле».

Основным методом исследования при определении случаев совмещения А. К. Толстым узуальной семантики или использования слова в окказиональном значении, с авторскими семантическими оттенками стал для нас метод погружения дефинируемой лексемы в достаточный по объёму авторский контекст. Наряду с ним использовался сравнительно-сопоставительный метод — при рассмотрении дифференциальных признаков значения авторского словоупотребления, а также методы контекстного, структурно-семантического, компонентного и дистрибутивного анализа лексического значения. Комплексное применение этих методов способствовало наиболее полному и объективному определению специфики каждого авторского словоупотребления.

В данной статье объектом исследования стало совмещение поэтом узуальных значений, основные особенности которого, характерные для идиостилия в целом и в силу этого являющиеся одним из вариантов авторского словоупотребления (в нашей расширительной интерпретации этого термина), можно выявить с опорой на дефиниции в статьях на буквы **А, Б** подготавливаемого к изданию «Словаря поэтического языка А. К. Толстого».

Случаи индивидуально-авторского совмещения значений, как и другие варианты нестандартного семантического наполнения лексем, не превышают у Толстого 10–15 % от общего количества употреблений того или иного слова. Этот весьма высокий процентный показатель оригинальности мышления писателя-классика выявляется, прежде всего, при сопоставлении ЛСВ высокочастотных лексем. Так, у лексемы *бедный*¹ (встречается 29 раз) совмещение прямого словарного значения «неимущий, не имеющий достаточных средств к существованию (Был сын у родителей *бедных* <117>; и 5 др.) с переносным «несчастный, жалкий, вызывающий сострадание» (И как с вершин бежит в неё Снегов растаявшая гряда, Так в сердце *бедное* твоё Стекает горе отовсюду <75>; и 18 др.) наблюдаем в контекстах баллад «Пантелей-целитель»: По листочку с благих собирает он, И мешок ими свой наполняет он, И на хворую братию *бедную* Из них зелье варит целебное <126>; «Песня о Гаральде и Ярославне»: «Я, княже, уехал, любви не стяжав, Уехал безвестный и *бедный*, Но ныне к тебе, государь Ярослав, Вернулся я в славе победной!...» <128>; «Слепой»: Начать песнопенье готов я стою — О чём же я, старый и *бедный*, спою Пред сонмищем сим величавым? <142>. Анализ другой высокочастотной лексемы — *бежать* (59 раз) — позволяет обнаружить 2 случая совмещения узуальных ЛСВ «Быстро пере-

двигаться, резко отталкиваясь от земли ногами или лапами» и «Спасаться бегством, скрываться от кого-чего-л.»: И к берегу, рыдая, все бежали, Мужи и старцы, женщины с детьми <133>; Иль нам бежать в ущелий тесноту И спрятаться во глубь земного лона? <147>; Мы все были готовы Бежать куда кто знал... <189>; Пешком бежать во Францию ... боюсь! <241>, а также узуальных переносных значений «двигаться, перемещаться в пространстве» и «литься, течь, струиться»: Кошется море; волна за волной Бегут и шумят торопливо <22>; И уж бегут с обратным шумом волны Издалека к любимым берегам <30>; Не ряд морских бежит валов, Качая гребнями седыми, – То Иоанна льётся речь, И, сил исполненная новых, Она громит, как Божий меч, Во прах противников Христовых <144>.

Использование Толстым лексемы **брат** (53 раза) также отражает общую тенденцию: в большинстве случаев слово выступает в одном из трёх узуальных ЛСВ: 1. Каждый из сыновей тех же родителей. 2. Монах, брат во Христе. 3. Единомышленник, друг, свой. Так, в поэме «Иоанн Дамаскин» это слово один раз употреблено в первичном значении: Ты примешь чести торжество, Ты будешь мне мой брат единый: Возьми полцарства моего, Лишь правь другою половиной! <144>; десять раз во втором и один раз в третьем: О, если б мог всю жизнь смешать я, Всю душу вместе с вами слить, О, если б мог в свои объятья Я вас, враги, друзья и братья, И всю природу заключить! <144>. В той же поэме в двух случаях наблюдаем совмещение 1-го и 2-го значений: Брат мой по плоти преставился; братом он был по душе мне! Тяжкая горесть снедает меня; я плакать хотел бы – Слёзы не льются из глаз, но скипаются в горестном сердце <144>; Ты же мне можешь помочь: напиши лишь умильную песню, Песнь погребальную милому брату, её чтобы слыша, Мог я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу! <144>. Дважды совмещены 1-е и 3-е значения – в стихотворениях «Усни, печальный друг...» (Издавна был он мне в печали друг и брат, Усни, моё дитя, к нему я не ревную!) <31> и «Честь вашего я круга»: Чтob каждой пьяной роже Я стал считаться брат? <313>. Ещё в одном случае – в «Сказке про короля и про монаха» – наблюдаем совмещение 2-го и 3-го значений: С видом смиренным монах стоит, за поясом чётки ... В ноги упал лицемер и стал обнимать их, рыдая. Бедный король прослезился: «Вставай, – говорит он, – вставай, брат!» <288>.

Прилагательное **божий** (33 раза) в одной из строк поэмы «Иоанн Дамаскин» совмещает у Толстого значения «присущий Богу» и «созданный Богом и / или Ему принадлежащий, служащий» с дополнительным авторским семантическим оттенком «райский»: Вы, чьи лучшие стремления Даром гибнут под ярмом, Верьте, други, в избавление – К Божью свету мы грядём! <144>.

Лексема **бой** (31 раз) сочетает прямое значение «сражение, битва; война; поединок» с метафорическим «противостояние, борьба за что-л., отстаивание каких-л. идеалов, интересов» в стихотворении «Господь, меня готовя к бою»: Господь, меня готовя к бою, Любовь и гнев вложил мне в грудь, И мне десницею святою Он указал правдивый путь <41>; Навстречу их

враждебной выюги Я вышел в поле без кольчуги И гибну раненный в бою <41>. Ср.: совмещение тех же значений имеет место в существительном **борьба** (6 раз) в поэме «Алхимик»: Среди **борьбы**, среди войны, Средь тревожнения событий, Отдельных жизней сплетены Всечасно рвущиеся нити <145>.

У высокочастотного глагола **бить** в одном из 24 случаев употребления Толстой искусно совмещает словарные значения «ударять что-л., стучать чем-л. во что-л., обо что-л., по чему-л.» и «производить ударами какие-л. звуки, заставляя что-л. звучать» в стихотворении-переводе Андре Шенье «Я вместо матери уже считаю стадо...»: С царицею своей, услышав звук тяжёлый, Во страхе улететь хотят молодые пчёлы, Но, новой их семье готовя новый дом, Сильнее все в тазы мы кованные **бьём**, И вольные рои, испуганные нами, Меж зелени висят жужжащими гроздами <254>.

То же процентное соотношение узальной однозначности и авторской неоднозначности сохраняется при употреблении Толстым менее частотных лексем. Например, у каждого из используемых поэтом 3 элементов словообразовательного гнезда **блест** / **блеск** — глагола **блестеть** (20 раз), производного причастия **блестя** (5 раз) и существительного **блеск** (16 раз) в нескольких случаях совмещены тесно взаимосвязанные словарные значения: ЛСВ «издавать блеск, излучать собственный или отражённый свет; светиться, сиять, сверкать, искриться» (у глагола; ср.: «издавая блеск, сверкая, искрясь» у деепричастия и «искрящийся свет, излучаемый или отражаемый чем-либо; сверкание, сияние, отсвет» у существительного) и переносного ЛСВ «отличаться / отличаясь особой выразительностью, яркостью; выделяться / выделяясь более светлым цветом на общем фоне» (у глагола и деепричастия; ср.: «пышность, великолепие, роскошь; яркое проявление чего-л.» у существительного) в контекстах: Пускай, когда она, скользя зарёй вечерней, К сопернику тайком счастливому пойдёт, Пускай **блестит**, как ты, и в золоте и в черни, И пёстрый твой в траве напоминает ход <74>; И, к ней обращаясь, Гаральд говорит, С любовью в сияющем взоре: «Всё, что пред тобою цветёт и **блестит**, И берег, и синее море, Цветами убранные те корабли, И грозные замков твердыни, И людные веси норвежской земли, И всё, чем владею я ныне, И слава, добытая в долгой борьбе, И самый венец мой державный, И всё, чем я бранной обязан судьбе, — Всё то я добыл лишь на вено тебе, Звезда ты моя, Ярославна! <128>; Среди дубравы **Блестит** крестами Храм пятиглавый С колоколами <149>; И с ним, **блестя** нарядом, В красе седых кудрей, Сидит княгиня рядом За пряжей за своей <138>; Его чудесные черты, Осанка, поступь и движенья, Во **блеске** юной красоты, Полны огня и вдохновенья <143>; Что значит это пенье, И струн в эфире звон, И хохот, и смятенье, И **блеск** со всех сторон? <172>; И Ассирии вдов слышен плач на весь мир, И во храме Ваала низвержен кумир, И народ, не сражённый мечом до конца, Весь растаял как снег перед **блеском** творца! <247>; И мантии **блеск**, и на шляпе перо, И чувства — всё было прекрасно <264>.

Прилагательное **бледный** в 9 из 10 случаев Толстой употребляет в одном из трёх словарных значений: 1. Без естественной окраски, румянца (о цвете кожи человека). Но епископу в смятенье Отвечает бледный инок:

«То не ржанье – то гуденье Боривоевых волюнок!» <132>; Взглянул на их **бледные** лица Канут, Пожал, усмехаясь, плечами <141>; и 4 др. 2. Слабый, тусклый (о свете). И повернул неверною рукою Замковую я ручку. Отворилась Без шума дверь: был сумрачен покой, Но **бледное** сиянье в нём струилось <146>. 3. Слабо окрашенный, неяркий (о цвете чего-л.). **Бледные** тени дрожат на стене, на ковре, на картинах, Книги лежат на полу, письма я вижу кругом <152>; Прозрачных облаков спокойное движенье, Как дымкой солнечный перенимая свет, То **бледным** золотом, то мягкой синей тенью Окрашивает даль <169>. Вместе с тем в стихотворении "Из вод поднимая головку" (перевод Гейне), где автор олицетворяет месяц, очевидно совмещение 2-го и 3-го значений. *Лилея стыдливо склонила Головку на зеркало вод – А он [месяц] уж у ног её, бледный, Трепещет и блеск свой лиёт* <261>.

Лексема **безбрежный / безбрежный** (6 раз) в 5 случаях выступает у Толстого в одном из двух переносных узуальных значений: 1. Книжн. Очень широкий, без видимых берегов, границ. В степи чумацкие ночлеги, И рек **безбрежный** разлив, И скрыт кочующей телеги, И вид волнующихся нив <101>; Стихии **безбрежной**, бездонной Уймётся волнение, и вскоре В свой уровень вступит законный Души успокоенной море <103>; Лети ж, корабль крылатый мой, Лети в **безбрежном** просторе, А ты, под верною кормой, Шумы, шуми и пеняся, море...» <145>. 2. Поэт. Огромный, необъятный. В тревоге бытия, в **безбрежном** колыханье Без цели и следа, Кто в жизни будет мне и радость, и дыханье, И яркая звезда? <80>; А все сокровища природы: Степей **безбрежный** простор, Туманный очерк дальних гор, И моря пенистые воды, Земля, и солнце, и луна, И всех созвездий хоромы, И синей тверди глубина – То всё одно лишь отраженье, Лишь тень таинственных красот, Которых вечное виденье В душе избранника живёт <144>. В 6-м словоупотреблении эти значения тесно взаимодействуют: *И в юном восторге познала она, Молитвой паря в необъятном просторе, Бездонной любви **безбрежное** море* <314>.

В прилагательном **больной** (5 раз) в контексте стихотворения "Острою секирой ранена берёза" прямое словарное значение «нездоровый, страдающий какой-л. физической или психической болезнью» спаяно с метафорическим «чрезмерный в проявлении чувств, остроте переживаний и т. п.»: Ты не плачь, берёза, бедная, не сетуй, Рана не смертельна, вылечится к лету, Будешь красоваться, листьями убрана, – Лишь **больное** сердце не залечит раны <29>.

Возможно совмещение значений, в том числе с авторскими семантическими приращениями, и в однократно употребляемой лексеме. Так, весьма оригинально каламбурное соединение Толстым собственного и нарицательного значений имени Адольфина в тексте «Навозный жук...» из сатирического «медицинского» цикла: 1. Собственное имя женщины. 2. Навозный жук (полное название Ламприма Адольфина) из семейства рогачей. В медицинском стихотворении 1-е значение имеет семантический сатирико-иронический оттенок 2-го. Дух покойницы, страдавшей расстройством желудка, принимает у Толстого облик навозного жука и на основе сходства

звуков: шума, производимого навозным жуком во время полёта, и «ропота живота»: *Какого ропот живота Тебе на ум приводит совесть? Лукавый врач, лукавый врач! Трепещешь ты не без причины — Припомни стон, припомни плач Тобой убитой Адольфины! ... С тех пор моя летает тень Вокруг тебя жуком навозным* <184>. Однократно используемая лексема **бешеной** (компаратив наречия) совмещает в балладе "Садко" узуальные значения «неистово, иступлённо» и «чрезмерно по силе проявления»: *Отчаянней бьёт пятернями Садко, Царь бешеной месит ногами* <140>.

Как видим, в поэзии Толстого совмещёнными чаще всего оказываются узуальные первичные и вторичные или прямые и переносные (обычно метафорические) значения. Однако наряду с этими основными вариантами совмещения, встречается тесное взаимодействие в одном словоупотреблении свободного узуального значения с фразеологически связанным. Так, лексему **бровь** (11 раз) Толстой использует в 4 случаях в прямом свободном значении «дугообразное, с волосатым покровом возвышение кожи над глазной впадиной»: *Вот стоит под воротами, В шёлк и в кольца убрана, С насурмлёнными бровями, Дева падающая одна* <255>; и 3 др. В 6 случаях эта лексема реализует несвободное значение в рамках фразеологизма **хмурить (нахмурить, насунуть) брови** (выражать недовольство или озабоченность), который в текстах Толстого может быть как в неизменном виде (с варьированием формы глагола: чаще всего это деепричастие): *Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб Или хмелен не в меру?»* <115>; и 4 др. — так и в модифицированном: *Увидел Владимир вдали паруса И хмурые брови раздвинул, Почуялась сердцу невесты краса, Он гребнем свои расчесал волосы И корзно княжое накиннул* <130>. В 11-м случае — в стихотворении «Колодники» — наблюдаем совмещение прямого и фразеологически связанного значений: *Идут они с бритыми лбами, Шагают вперёд тяжело, Угрюмые сдвинули брови, На сердце раздумье легло* <154>.

Возможно и совмещение узуального значения с авторским: например, высокочастотную лексему **Бог** (70 употреблений) поэт использует в большинстве случаев (37) в первичном прямом значении «высшая духовная инстанция в монотеизме; верховное надприродное существо, сотворившее мир и управляющее им»: *Знать не может человек — Знает Бог единый!* <10>; в 25 случаях — в узуальном вторичном значении «одно из сверхъестественных существ, правящих миром, в политеизме»: *Если б я был богом океана* <161> (3 р.); *О бог любви!* <146>; *Вот он, низийский бог, смирителъ диких стран, Со взглядом девственным и гроздием венчан, Влекомый жёлтым львом и барсом многоцветным, Обратный держит путь к садам своим заветным!* <250>. Наряду с использованием этих двух основных ЛСВ Толстой в одном из стихотворений цикла «Крымские очерки» наполняет лексему окказиональной метафорической семантикой «могучие силы природы, стихий, времён года»: *Там ночь и снег; там, враг веселья, Седой зимы сердитый бог Играет вьюгой и метелью, Ярясь, уста примкнул к ущелью И воет в их гранитный рог* <47>. В другом тексте того же цикла

узуальное 2-е и авторское значения у Толстого фактически совмещены: *И, покрытый пеной белой, Утомясь, влюблённый бог Снова ляжет, онемелый, У твоих, Таврида, ног* <58>.

Как показал анализ вариантов и примеров авторского совмещения значений, в поэзии А. К. Толстого преобладают случаи взаимодействия узуальных прямых и переносных (преимущественно метафорических) значений. Гораздо реже встречается совмещение свободного и фразеологически связанного или узуального и окказионального значений. При этом вероятность совмещения семантики в поэтическом идиолекте Толстого прямо пропорциональна частотности. Тем не менее, органичное сочетание разных значений в одном слове имеет место в отдельных низкочастотных и даже однократно употребляемых лексемах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барлас Л. Г. К характеристике семантических приращений в языке Чехова // Очерки по лексике и словообразованию: материалы XII научно-методической конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка. Ростов-на-Дону, 1973. С. 3–13.
2. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ, 2006. Т. 1: А–Л. 1165 с.
3. Кочнова К. А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2005. 178 с.
4. Поцения Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1997. 264 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–И. 702 с.
6. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: В 4 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847. Т. 1. 416 с.
7. Тимошина Т. В. Индивидуально-авторское значение слова и его особенности // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 76–78.
8. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: ГИСЭ, 1935. 1562 стб.
9. Толстой А. К. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / сост. Е. И. Прохорова. Л.: Сов. писатель, 1984. 640 с.

* * *

Voronichev Oleg Ye.

**CASES OF COMBINED SEMANTICS IN POETRY OF A.K. TOLSTOY
(BASED ON ARTICLES IN THE LETTERS A, B (Б) IN THE «DICTIONARY
OF THE POETIC LANGUAGE OF A.K. TOLSTOY»)**

(Bryansk State University named after academic I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia)

This article discusses the peculiarities of combining custom values in the A.K. Tolstoy's poetic language, because such cases – along with the original semantic increments and occasional lexical-semantic variants – can also be qualified as the author's use in the broad sense of the term. The method of revealing combined common language meanings in the lyrical discourse of

A. K. Tolstoy is described. At the same time, the main method of research is the method of immersing the defined lexeme in a sufficiently large author's context. The ratio of combined usual semantics with other variants of the author's own and improper use is determined, various examples of combined usual ambiguity in high-frequency, middle-frequency and low-frequency lexemes of the poetic dictionary of A. K. Tolstoy, as well as the cases of combining common semantic with the individual author's one.

Keywords: A. K. Tolstoy, lexeme, semantics, combination of meanings, author's use of words.

REFERENCES

1. Barlas L. G. To the characterization of semantic increments in the Chekhov language [K karakteristike semanticheskikh prirashchenij v yazyke CHEkhova], *Ocherki po leksike i slovoobrazovaniju: Materialy HP nauchno-metodicheskoy konferencii Sev.-Kavkazskogo zonal'nogo ob"edineniya kafedr russkogo yazyka* (Essays on vocabulary and word formation: materials of the XII scientific-methodical conference of the North Caucasian zonal association of Russian language departments), Rostov-on-Don, 1973, pp. 3–13.
2. Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (The modern explanatory dictionary of the Russian language), In 3 vol., vol. 1: A–L, Moscow, AST Publ., 2006. 1165 p.
3. Kochnova K. A. *Leksiko-semanticheskoe pole «Prirodnoe vremya» v yazykovoj kartine mira A. P. CHEkhova* (The lexical-semantic field „Natural time“ in the language picture of the world of A. P. Chekhov), the dissertation, Nizhny Novgorod, 2005. 178 p.
4. Pocepnyia D. M. *Obraz mira v slove pisatelya* (The image of the world in the writer's word), St. Petersburg, 1997. 264 p.
5. Evgenieva A.P. (ed.) *Dictionary of the Russian language*, In 4 vol., vol. 1: A–Y, 4th ed., Moscow, 1999. 702 p. (In Russ.)
6. *Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the second branch of the Imperial Academy of Sciences*, In 4 vol., vol. 1. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1847. 416 p. (In Russ.)
7. Timoshina T. V. Individual-author's meaning of a word and its features [Individual'no-avtorskoe znachenie slova i ego osobennosti], *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2013, no. 2, pp. 76–78.
8. Ushakova D. N. (ed.) *Explanatory dictionary of the Russian language*, In 4 vol., vol. 1, Moscow, 1935. 1562 columns.
9. Tolstoy A. K. *Polnoe sobranie stihotvorenij* (Complete collection of poems), In 2 vol., vol. 1. Poems and poems, Leningrad, 1984. 640 p.

* * *

УДК 070

В. Д. Галечко-Лопатина

ТРЭВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА: РОЛЬ И ФУНКЦИИ

Статья посвящена активно развивающемуся и весьма перспективному направлению в журналистике — журналистике путешествий (трэвел-журналистике). В статье выявляются функции и роль трэвел-журналистики.

Ключевые слова: путешествие, трэвел-журналистика, прикладная роль, функции трэвел-журналистики.

Термин «трэвел-журналистика» прочно вошёл в наш словарный запас. Сегодня это направление активно развивается в масс-медиа. Трэвел-журналистика носит синтетический характер, так как предметом рассмотрения, описания и анализа в ней является информация, связанная не только с путешествием, но и туризмом. Направление это предоставляет массовой аудитории информацию на темы истории и географии, культуры и искусства и др. Также можно сказать, что трэвел-журналистика — это, в некоторой степени, разновидность страноведения, которое даёт возможность познать мир, познакомить с различными регионами планеты, географическим положением, государственным устройством, обычаями, традициями, языком, нравами народа той или страны.

Различным аспектам журналистики путешествий и туризма посвящены работы И. В. Показаньевой, С. Ю. Лучинской, П. А. Киселевой, Т. Ю. Редькиной, Ю. В. Ростовской и др.

Журналистика — явление полифункциональное. Полифункциональность отражает поливариантность информационных потребностей общества. А это значит, что у журналистики уникальная роль в социальной системе. Классификация функций журналистики, предложенная разными исследователями, колеблется между числами пять и шестнадцать.

Задача данной статьи ограничивается выделением функций и той роли, которую выполняет сегодня именно трэвел-журналистика.

Галечко-Лопатина Вера Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: halechkovera@mail.ru.

© Галечко-Лопатина В. Д., 2019

Сказать, что это направление последнего времени, — не совсем верно. Так, стоит заметить, что в XIX веке в нашей стране это направление довольно успешно развивалось (а между тем истоки его можно найти и значительно раньше), хотя оригинального термина не возникло. Зато в ходу были разного рода «путевые записки», «путевой очерк», что, кстати, соответствовало английскому слову «трэвелог». «Трэвел» — понятие довольно широкое. Оно охватывает не только журналистику, но и литературное творчество, так или иначе связанное с путешествием. Недаром в английском языке существуют понятия 'travel journalism' (журналистика путешествий) и 'travel writing' (журналистское и литературное творчество, связанное с путешествием), а также 'travel writer' — писатель-путешественник и вообще «пишущий человек», правда, это вовсе не подразумевает, что второе понятие относится только к области художественной литературы. Ведь бытует практика, когда солидные издания привлекают известных публицистов, писателей для создания очерков о путешествиях. Тем не менее, отличие журналистики заключается в том, что она, как заметил Э. Дэннис, отделяет факты от мнений, исключает эмоции [4, с. 177].

Глобальное информационное общество, в котором мы живём сегодня, ведёт к снижению степени многообразия культур, а также к стиранию границ между странами. А потому нетрудно заметить, что путешествие в современных реалиях относится к основным модным тенденциям. Огромное число людей совершает разнообразные поездки по всему миру. При этом цели их весьма разнообразны: работа, отдых, студенческие образовательные поездки, паломничества к священным местам, волонтерская деятельность, попытки найти себя, желание увидеть некое событие (например, открытие Олимпийских игр) и проч. Кроме того, люди стремятся узнать, а как живут те, с кем граничит их территория. О чрезвычайно глубоких взаимосвязях «туризма» и «культуры» в современном подвижном мире пишет Дж. Урри [16]. Спрос на путешествия постоянно растёт, а отсюда тенденция: увеличение интереса аудитории к контенту различных масс-медиа, связанному как с путешествием, так и с туризмом. Различные типы газет, журналов, телевизионных программ, радиопередач, сайты блогеров стремятся попасть в сферу интересов и информационных потребностей массовой аудитории, поставляя потребителю максимально точно ориентированные на него сообщения или предложения. Сегодня поэтому можно говорить об изобилии дискурсов, форм и воплощений туристского взгляда.

Для выявления специфики функций и роли трэвел-журналистики остановимся на некоторых функциях и роли журналистики.

Специалисты до сих пор дискутируют по поводу того, какие роли выполняет журналистика. Не рассматривая такие роли журналистики, как просветительство, пропаганда, организация досуга, коснёмся прикладной роли журналистики и выясним, в чём она заключается.

Словари по-разному определяют значение слова «прикладной». Прикладной — «имеющий практическое значение, применяемый на практике» [8]; «нечто вспомогательное и несамостоятельное» [5]. В словаре искусств говорится об «искусстве изготовления бытовых предметов <...>, имеющих утилитарные функции и вместе с тем обладающих эстетическими художественными качествами» [2, с. 476]. Другими словами — главное в таком искусстве — обслуживание нужд человека. Из рассмотренных определений следует: прикладной — в какой-то степени полезный. Полезность же включает в себя, в частности, знания, необходимые для принятия того или иного решения, побуждения к действию. Применительно к трэвел-журналистике — предоставление информации, полезной для потенциальных путешественников. Так, например, в журнале «GEO», кроме основного текста, посвящённого стране, имеется блок, содержащий практическую информацию.

Проведённый опрос среди студентов и сотрудников Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (31 участник в возрасте от 19 до 77 лет), показал, что 70 % респондентов из общего числа, чтобы составить впечатление о какой-либо стране, интересуются прежде всего информацией, которая носит чисто практический или прикладной характер.

Если же вернуться к рассмотрению смысла понятия «роль», то это прежде всего «совокупность текста и игры одного и того же актера» [9, с. 295], образ действий и манера поведения, а также значение, степень участия в каком-либо событии [15]. Роль — это социальная функция личности; её динамический статус и способ поведения в зависимости от позиции и положения в обществе, межличностных отношений [12]. Роль, следовательно, — это и род деятельности, и назначение, и функции, присущие кому-либо или чему-либо [17].

В соответствии с вышесказанным, под прикладной ролью следует понимать некий спектр функций, которые объединяются одной ролью и могут быть применимы на практике. Из этого также следует, что данное понятие предполагает роли и функции, являющиеся неотъемлемой частью практической журналистики и влияющие и на аудиторию, и на самих журналистов.

Если говорить о функциях, то на сегодняшний день, по замечанию М. Н. Кима, «вопрос о функциях, пожалуй, самый дискутируемый» [6, с. 215]. В самом деле, существуют разные подходы, разные точки зрения

на функции журналистики. Как известно, в журналистике под функцией понимается «совокупность её обязанностей и выполняемых ею задач, способ жизнедеятельности в обществе» [11, с. 53]. Функциональный подход к изучению систем любой природы убедительно доказал свою плодотворность в науке. При рассмотрении журналистики его использование вполне обоснованно. О журналистике как полифункциональной системе писал Е. П. Прохоров. Он выделяет функции идеологическую, коммуникативную, непосредственно-организаторскую, культурно-образовательную, рекреативную, рекламно-справочную [11, с. 44–47]. Рассмотрение «пространства функций» во всём многообразии и взаимодействии, по мнению учёного, позволяет понять роль журналистики в обществе [16]. По Е. В. Ахмадулину, журналистика выполняет информационно-коммуникативную, интегрирующую, регулирующую, дифференцирующую, культуроформирующую, образовательно-просветительскую, ориентирующую и др. функции [2].

О многообразии функций и ролей, выполняемых журналистикой в обществе, пишет и С. Г. Корконосенко. Им был предложен социально-ролевой подход к определению функций журналистики. В зависимости от политической, духовно-идеологической, экономической и социальной сфер учёный выделил четыре роли, которые выполняет журналистика: духовно-идеологическую, производственно-экономическую, регулирующую и информационно-коммуникативную [7]. Субъектный подход, по С. Г. Корконосенко, (а к субъектам деятельности, т. е. к тем, кто вступает во взаимодействие со СМИ, им отнесены: общество, представитель отдельной аудитории, личность; социальные институты и группы; журналисты; при этом каждому из субъектов предопределена своя роль и функции), позволяет сгруппировать и выделить функции, «способствующие социализации индивида», функции, которые носят утилитарный и прикладной характер (к ним относится рекламно-справочная информация). Часть функций помогает личности поддерживать связи с обществом, с другими людьми, например, помочь в поиске единомышленников и др. И есть функции, ориентированные на развлечения и релаксацию [7]. Тогда в свете сказанного и применительно к трэвел-журналистике можно выделить наиболее важные функции: интеграции, познавательная, ориентации, связей с обществом, психологической разрядки.

Активно занимающаяся исследованием трэвел-журналистики И. В. Показаньева также называет интеграционную функцию одной из важных, ибо это направление закладывает «определённые этические стандарты и культурный базис» [10] и осуществляет коммуникативную интеграцию общества. Исследовательница считает, что журналистика

путешествий способна оказывать влияние на национальную самоидентификацию людей и формировать у аудитории определённый образ различных культур.

Поскольку в последнее время мир — это глобальная сцена, на которой все нации соревнуются в желании обратить на себя внимание и привлечь как можно больше туристов [16], то журналистику путешествий и туризма, соответственно, можно считать явлением международным и глубоко этническим. Средства массовой информации, которые адресованы национальным и этническим меньшинствам, А. С. Смолярова определяет как этнокультурные медиа [14]. Ею (на основе работы М. Джонсон) были выделены группы функций: интеграции (поддержка языка, культуры, распространение норм принимающего общества, социализация, унификация, др.); создания общего пространства (распространение общего знания, передача социальных норм, распространение информации об иных культурных группах и др.); поддержки и стимулирования плюралистического характера общества (сохранение культурного наследия, идентичности, защита интересов, стимулирование и поддержание групповых норм и др.) [14].

Тогда, исходя из этого, функции, которые будут применимы к трэвел-журналистике, — передача актуальной информации о другой стране, рекомендации, которые заинтересуют аудиторию и будут ей полезны, практические советы, связанные с успешной адаптацией к принимающему обществу; в плане презентации: предоставление информации о культурной группе, положительный образ страны, функция социализации и др.

Обратимся ещё к исследованиям. Л. Г. Вихорева в своей работе «Информационный потенциал аудитории трэвел-СМИ в Интернете» к основным функциям трэвел-журналистики относит функцию интеграции, а также просветительскую, рекламную и рекреативно-развлекательную. В самом деле, одна из основных задач журналистики путешествий — просвещение аудитории, расширение её кругозора с целью предотвращения конфликтов на почве культурных недопониманий. Кроме того, в современных условиях, согласимся с Л. Г. Вихоревой, «аудитория журналов распространяется по принципу читательского интереса к новому и неизведанному для них» [3]. Трэвел-журналистика предоставляет такую возможность аудитории «познать мир» (не случайно на обложке журнала «GEO» читаем: «Непознанный мир: Земля»), открыть для себя новые страны, «чужую» культуру. Интересно ещё и то, что трэвел-журналисты стремятся «переоткрыть» мир, который уже был открыт до них, но словно до этого не известен. Свежий взгляд на знакомые места.

Одна из концептуальных особенностей трэвел-журналов двухтысячных годов, по замечанию Ю. В. Ростовской, «сочетание познавательного и практического аспектов» [13]. Именно эта тенденция к практицизму, по её мнению, делает подвижным отнесение журналов к той или иной тематической группе, а также приводит к размыванию границ и самих жанров.

Таким образом, нетрудно заметить, что функции и роли трэвел-журналистики идентичны, с одной стороны, функциям и роли журналистики классической. С другой — в этом направлении наиболее ярко проявляются коммуникативные, культуроформирующие, рекреативные (содержащие элементы занимательности и развлечения) и особенно рекламно-справочные функции. Современный трэвел-медiateкст, позволяющий представить аудитории путешествие во всём спектре концептуальных, вербальных, визуальных, графических аспектов и служащий просвещению, развлечению, убеждению, выполняет одновременно и роль просветительскую, и роль прикладную. Однако стоит заметить, что коммерциализация СМИ сводит сегодня к минимуму просветительскую функцию. Тенденция к возрастанию значения интегративно-коммуникационной функции одновременно свидетельствует о преобразовании её в рыночно-ориентированное направление. Обусловлено это не только экономическими причинами, но и общей тенденцией перехода СМИ в область инфотейнмента. И всё же в настоящее время трэвел-издания являются самым перспективным сегментом на информационном рынке страны. Информация такого рода пользуется популярностью, она достаточно легко продаётся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь / под общ. ред. А.М. Кантора. М.: Эллис Лак, 1997. 736 с.
2. Ахмадулин Е. В. Краткий курс теории журналистики. М., Ростов-н/Д: МарТ, 2006. 372 с.
3. Вихорева Л. Г. Информационный потенциал аудитории трэвел-СМИ в Интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://jq.isea.ru/reader/article.aspx?id=20426>
4. Дэnnис Э. Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997. 384 с.
5. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: www.efremova.info
6. Ким М. Н. Основы теории журналистики. СПб.: Питер, 2013. 288 с.
7. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 318 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
9. Пави П. Словарь театра / пер. с фр. М.: Прогресс, 1991. 504 с.

10. Показаньева И. В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явление современного медиапространства // Медиаскоп. 2013. № 3 [Электронный ресурс] URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385>
11. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2003. 367 с.
12. Психологический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=839>
13. Ростовская Ю. В. Журналистика путешествий. История развития специализированной литературы. [Электронный ресурс] URL: <http://jq.bgu.ru/reader/article.aspx?id=16785>
14. Смолярова А. С. Функциональное своеобразие этнокультурных медиа. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mediascope.ru/node/1568>
15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/>
16. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры». 2005. С. 136 – 150. [Электронный ресурс] URL: https://www.studmed.ru/urridzh-vzglyad-turista-i-globalizaciya_fc76cc8455a.html
17. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/49289/%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C>

* * *

Halechko-Lopatina Vera D.**TRAVEL JOURNALISM: ROLE AND FUNCTIONS**

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

The article is devoted to the actively developing and very promising area in journalism, namely travel journalism. The article identifies the functions and role of travel journalism.

Keywords: travel, travel journalism, applied role, functions of travel journalism

REFERENCES

1. Kantor A. M. (ed.) *Apollon. Izobrazitel'noye i dekorativnoye iskusstvo. Arkhitektura: Terminologicheskii slovar'* (Apollon. Fine and decorative arts. Architecture: Terminology dictionary), Moscow, Ellis Lak Publ., 1997. 736 p.
2. Akhmadulin Ye. V. *Kratkiy kurs teorii zhurnalistiki* (A short course in the theory of journalism), Moscow, Rostov na Donu, Publishing. center "March", 2006. 372 p.
3. Vikhoreva L. G. *Informatsionnyy potentsial auditorii trevel-SMI v Internetе* (Information potential of the travel media audience on the Internet), Available at: <http://jq.isea.ru/reader/article.aspx?id=20426>
4. Dennis E. *Besedy o mass-media* (Conversations about mass media), Moscow, Vagrius Publ., 1997. 384 p.
5. Yefremova T. F. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of Russian language), Available at: www.efremova.info
6. Kim M. N. *Osnovy teorii zhurnalistiki* (Fundamentals of the theory of journalism), St. Petersburg, Peter Publ., 2013. 288 p.
7. Korkonosenko S. G. *Osnovy zhurnalistiki: uchebnik dlya vuzov* (Fundamentals of journalism: textbook for universities), Moscow, Aspect Press Publ., 2006. 318 p.
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* (Explanatory dictionary of the Russian language:

- 80 000 words and phraseological expressions), Available at: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
9. Pavi P. *Slovar' teatra* (Dictionary of theatre), Moscow, Progress Publ., 1991. 504 p.
 10. Pokazan'yeva I. V. Hhe Problem field of travel journalism as a phenomenon of modern media [Problemnoye pole trevel-zhurnalistiki kak yavleniya sovremennogo mediaprostranstva], *Mediascop*, 2013, no. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1385>
 11. Prokhorov Ye. P. *Vvedeniye v teoriyu zhurnalistiki* (Introduction to the theory of journalism), Moscow, Aspect Press Publ., 2003. 367 p.
 12. *Psikhologicheskii slovar'* (Psychological dictionary). Available at: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=839> (In Russ.).
 13. Rostovskaya YU. V. *Zhurnalistika puteshestviy. Istoriya razvitiya spetsializirovannoy literatury* (Travel Journalism. The history of the development of specialized literature). Available at: <http://jq.bgu.ru/reader/article.aspx?id=16785>
 14. Smolyarova A. S. *Funktsional'noye svoyeobraziye etnokul'turnykh media* (The functional identity of ethno-cultural media) Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1568>
 15. Ushakov D. N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language). Available at: <https://dic.academic.ru/>
 16. Urri Dzh. The eyes of a tourist and globalization [Vzglyad turista i globalizatsiya], *Massovaya kul'tura: sovremennyye zapadnyye issledovaniya* (Mass culture: contemporary Western research), Moscow, 2005, pp. 136–150, Available at: https://www.studmed.ru/urri-dzh-vzglyad-turista-i-globalizaciya_fc76cc8455a.html
 17. *Entsiklopedicheskiy slovar'* (Encyclopaedic dictionary), Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/49289/%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C> (In Russ.).

* * *

УДК 821`111

Ю. М. Демонова, Н. В. Гукалова**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТИЛЕВЫХ
И ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМОК
АНГЛИЙСКОГО МОДЕРНИЗМА**

Статья посвящена описанию понятия «модернизм» в отечественном и зарубежном литературоведении, поиску и рассмотрению причин разногласия в трактовке стилевых и хронологических рамок направления в литературе Англии. В работе даётся краткое описание творческого метода писателей-модернистов и идейно-эстетических принципов литературного течения. Авторы приходят к выводу о том, что в основе разногласий и отсутствия общей точки зрения лежит единство идейно-эстетического подхода и разница стилей каждого отдельного автора.

Ключевые слова: модернизм, история литературы, литература Англии, художественный метод.

В науке на сегодняшний день не сложилось единого понимания модернизма как литературного явления, не определены его хронологические рамки и характерные особенности поэтики. Однако не только само определение понятия модернизм представляет большую проблему, но также дискуссионным остаётся вопрос о том, кто такие модернисты и кого мы можем назвать таковыми. Чтобы ответить на последний вопрос, необходимо установить стилевые признаки, по которым мы можем выделить модернизм на фоне других литературных направлений того же по хронологии периода.

С конца XIX века по 20-е гг. XX века начинает формироваться новое направление в культуре с художественной системой принципиально иного порядка. Восприятие человеком мира изменилось в результате глобальных катаклизмов XX века, в том числе это наложило отпечаток на сознание художника и повлекло смену культурных эпох.

Для английской литературы ключевыми фигурами считаются Дж. Джойс, В. Вулф, Т. С. Элиот и Д. Г. Лоуренс. [1, 4, 5] Творчество этих писателей ознаменовало новый исторический этап в развитии английской и мировой литературы, а также тотальный слом ценностей викторианской эпохи, начатый ещё О. Уайльдом, заложившим основы эстетической модели раннего модернизма.

Демонова Юлия Михайловна — кандидат филологических наук, доцент (Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), Таганрог, Россия); e-mail: demonowa.yulya@yandex.ru.

Гукалова Надежда Владимировна — магистрант (Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), Таганрог, Россия); e-mail: nadegda-ni@yandex.ru.

© Демонова Ю. М., Гукалова Н. В., 2019

Заметим, что противоречивость данной модели и отрицание собственных ценностей на поздних этапах развития модернизма, в нашем понимании, и заложило противоречия при установлении стилевых и прочих рамок.

Безусловно, модерн как явление культуры в широком смысле представляет собой идейно-эстетическую общность, в этой связи на первый план следует выдвинуть именно принцип творчества, который всё же подразумевает различные формы выражения. Из этого следует различие не только поэтики, но и самого языка произведений разных модернистских авторов.

Об этой проблеме свидетельствует и тот факт, что английское и американское литературоведение даже не пыталось найти какое-либо сходство в стилистике писателей-модернистов [3]. В англоязычном литературоведении доминирующим является мнение о том, что модернизм не предполагает выработки устойчивых форм, а наоборот, является символом их разрушения и деконструкции на поздних этапах. В этом смысле главная проблема модернизма состоит в соотношении бесконечной реальности с ограниченностью дискурса, что сближает поздний модерн с постмодернизмом.

Подобные явления понимаются некоторыми исследователями и как разрушение жанра, происходящее через их смешение. При этом смешение осуществляется не только в рамках искусства слова, но и затрагивает иные сферы искусства. Пожалуй, наиболее яркий пример обращения В. Вулф к языку живописи в своих произведениях. Как отмечает Я. С. Ковригина, на В. Вулф оказал огромное влияние экспрессионизм, она начала заимствования жанровых особенностей живописи, имитацию средств художественной выразительности, воспроизведение техники композиции, типовых форм [2].

Выработка новой эстетической модели также потребовала обращения авторов к уже существующим образам, символам в искусстве и художественным традициям прошлого. Эта черта делает поздний модернизм максимально схожим с постмодернизмом, переход между двумя направлениями - плавным. Таким образом, мы убеждены в том, что именно этот факт является причиной трудностей в установлении верхней хронологической черты в периодизации модернистского направления.

Кроме того, весьма существенным является и идейный плюрализм, свойственный модернизму, что отличает его от всех предыдущих эпох в истории литературы [3].

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что расслоение внутри модернистского течения требует выделения подпериодов или субстилей в развитии направления.

Модернизм можно рассматривать, в первую очередь, как художественный метод, противопоставляющий себя всему классическому и традиционному, а с другой стороны, с точки зрения хронологии, как пери-

од исторического развития искусства, имеющий свои особенности не только для каждой страны, но и писателя.

Очевидно, данный подход предполагает необходимость дробления эпохи модернизма в литературе на меньшие временные отрезки внутри него.

Мы считаем возможным опираться при выделении субжанра в модернизме именно на язык как одну из составляющих стиля, а не на художественный метод модернизма в целом, который предполагает наличие эксперимента, так называемую элитарность, закрытость модернистской литературы для масс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дудова Л. В., Михальская Н. П., Трыков В. П. Модернизм в зарубежной литературе: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 1998. 240 с.
2. Коврижина Я. С. Влияние экспрессионизма на творчество В. Вулф // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2014. № 171. С. 116 – 120.
3. Коврижина Я. С. Живописное начало в творчестве В. Вулф // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 211 – 217.
4. Тимофеев В. Г. Термин и понятие «модернизм» в англо-американском литературоведении (часть первая) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 1. С. 93 – 100.
5. Толмачёв В. М. Зарубежная литература XX века: учеб. пособие. М.: Academia, 2003. 640 с.
6. Урнов М. В. На рубеже веков. Очерки английской литературы (конец XIX – начало XX века). М.: Наука, 1970. С. 432.

* * *

Demonova Yuliya M., Gukalova Nadezhda V.
LINGUISTIC REALIZATION THE CATEGORY
OF TEXTUAL EMOTIVENESS IN THE V. WOOLF
NOVEL «TO THE LIGHTHOUSE»

(Anton Chekhov Taganrog State Institute (Branch)
 of Rostov State University of Economics, Taganrog, Russia)

This research is devoted to description of the term "modernism" and its notion in Russian and foreign literary criticism, consideration of reasons of disagreement in approach to chronological and stylistic features of the modernism in English literature. It is given brief description of creative principles, aesthetic and ideological basis of modernist novels. The authors come to conclusion that the cause for odds is in absence of unity among writers in ideological ground and their diversity in style.

Keywords: modernism, history of literature, English-language literature, modernist literature, narrative techniques.

REFERENCES

1. Dudova L. V., Mihal'skaya N. P., Trykov V. P. *Modernizm v zarubezhnoj literature* (Modernism in foreign Literature). Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 1998. 240 p.

2. Kovrizhina YA. S. The Influence of Expressionism on V. Woolf [Vliyanie ehkspressionizma na tvorchestvo V. Vulf], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gercena*, 2014, no. 171, pp. 116–120.
3. Kovrizhina YA. S. The pictorial beginning in the works of Virginia Woolf [ZHivopisnoe nachalo v tvorchestve V.Vulf], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014, no. 7 (148), pp. 211–217.
4. Timofeev V. G. Modernism as a notion and term in anglo-american literary criticism (Part 1) [Termin i ponyatie «modernizm» v anglo-amerikanskom literaturovedenii (chast' pervaya)], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2014, no 1, pp. 93–100.
5. Tolmachev V. M. *Zarubezhnaya literatura XX veka* (Foreign Literature of XX century), Moscow, Academia Publ., 2003. 640 p.
6. Urnov M. V. *Na rubezhe vekov. Ocherki anglijskoj literatury (konec XIX – nachalo XX veka)* (At the turn of the century. The Outlines of English Literature (the end of the 19th cent. – the early 20th cent.)), Moscow, Nauka Publ., 1970, 432 p.

* * *

УДК 81

О. А. Селюнина, Чэнь Цянгунь

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ О КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНЕКДОТОВ И СМЕЖНЫХ ЖАНРОВ)

В статье анализируются тексты русских этнических анекдотов и смежных с ними жанров с целью выявления стереотипных представлений русских о китайской культуре и быте. Китаец, по данным анекдотов, воспринимается русскими как чужой, то есть как представитель иной культуры, причём эта культура расценивается русскими как экзотическая.

Ключевые слова: Китай, китайцы, китайская культура, этнический стереотип, этнический анекдот.

Объектом нашего рассмотрения стали тексты русских этнических анекдотов и смежных с ними жанров, найденные нами в сети Интернет, в которых отражаются фоновые стереотипные представления русских о китайской культуре и быте.

Цель статьи — выявить те особенности китайской культуры и быта, которые, по данным этих текстов, являются для русских стереотипными.

Среди рассмотренных нами русских анекдотов и смежных с ними жанров о быте и культуре китайцев важное место занимают анекдоты о китайском языке и иероглифике. Русский и китайский языки являются типологически разными. Китайский непонятен для большинства русских, поэтому русские, намекая на многочисленность китайцев, шутят так: *Учёные установили, что самый понятный язык на Земле — китайский. Его понимают 1,5 миллиарда человек.*

Но в любом случае русским приходится сталкиваться с непривычными для их уха китайскими фамилиями:

— *Как китайцы выбирают имена своим детям?*

— *Они бросают вилку на пол, какой звук она издаст, так они и называют своего малыша: Дзынь, Янь...*

Кстати сказать, китайские фамилии позволяют русским сблизить два разных народа — китайцев и чукчей, например:

Селюнина Ольга Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия); e-mail: birnauka@yandex.ru.

Чэнь Цянгунь — магистрант (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия); e-mail: 1164939000@qq.com.

© Селюнина О. А., Чэнь Цянгунь, 2019

Чукча на допросе.

– Фамилия?

– Чья?

– Имя?

– Чьё?

– Так, ЧЬЯ ЧЬЁ, что, китаец, что ли?

Русским очень тяжело изучать китайский язык. Это отражено в анекдоте:

– Как твоё изучение китайского?

– Хорошо. Китайцы уже понимают, что я пытаюсь говорить по-китайски. Но ещё не понимают, что именно я говорю.

Не только звучащая китайская речь непонятна русским, но и китайские иероглифы:

Сидит древний китаец, вырисовывает очередной иероглиф и говорит:

– Да, а ведь начиналось всё с обычного смайлика!

Иероглифы настолько не похожи на буквы, что часто и не воспринимаются как знаки, передающие письмо. При этом случается, что не знающие китайского языка русские делают себе татуировки, содержащие иероглифы. Отсюда, наверное, такие шутки:

– А вам тоже кажется прикольным, что китайцы создали себе язык из одних татуировок?

Или: Самые вредные китайцы. Они придумали язык, целиком состоящий из татуировок!

Ещё один стереотип — китайцы неправильно произносят русские слова. Он отражён в анекдотах о фонетических особенностях китайцев, говорящих по-русски:

На Дальнем Востоке к председателю колхоза обращается китаец:

– Дай землю подлюка.

Председатель обалдел и начал материться. Тогда китаец говорит:

– Не хочешь дать землю подлюка, дай подчеснока.

В этом анекдоте отразилась акцентная особенность — китайцы на месте твёрдого сонорного [л] произносят звук, характерный для китайского языка, который отличается и от твёрдого русского [л], и от мягкого [л'] и больше соответствует звуку [l] в английском языке. Эта фонетическая ошибка вместе с ошибкой грамматической приводит к коммуникативному конфликту, несостоятельность которого разрешается в конце анекдота благодаря таким же ошибкам.

Китайский Новый год — это праздник весны, поэтому он не совпадает по времени с празднованием Нового года в России, и это отмечается в русских анекдотах и шутках. Приведём пример:

Китайцы первыми поняли, что начинать новую жизнь — худеть и бросать пить — с 1-го января нереально. Вот почему китайский Новый год в конце января.

Здесь есть неточность, которая, вероятно, возникла потому, что не все русские знают, что китайский Новый год всякий раз выпадает на

разные числа. Он может быть не только в январе, но и в феврале: дата зависит от лунного календаря.

Ещё одна культурная особенность Китая не осталась без внимания в русских анекдотах — это Великая китайская стена:

Задумались военные о том, как обезопасить границы России. Решили построить стену, как в «Игре престолов»:

— *Для строительства стены на границе с Россией нужно пригласить специалистов с многолетним опытом!*

— *Китайцев, что ли?!*

В этом анекдоте напрямую не сказано о Великой китайской стене, но понятно, что речь идёт именно о ней, строившейся очень долго в силу разных причин, в частности, из-за грандиозности сооружения.

Русские постепенно знакомятся с Китаем в свойственной им манере, что отражено в самокритичных русских анекдотах, например:

— *Ты был в Китае?*

— *Был.*

— *Великую китайскую стену видел?*

— *Не то слово! Я на Великой китайской стене видел великую русскую надпись.*

В русских этнических анекдотах отражается и быт китайцев, например, разнообразие китайской кухни по сравнению с русской приводит к появлению стереотипа — китайцы едят всё, что шевелится. Покажем это на примере «многонационального» анекдота, одним из героев которого является китаец:

Заходят в ресторан американец, француз, русский, китаец и еврей, все заказывают по стакану чая. Ресторан не очень хороший, всем приносят чай, а в каждом стакане муха.

Американец выплёскивает чай в лицо официанту.

Француз вежливо просит заменить чай.

Русский выкидывает муху.

Китаец съедает муху.

Еврей предлагает китайцу купить у него муху.

Существует целая серия анекдотов и шуток на тему китайской кухни, например:

Секреты китайской кухни: если поданная официантом пекинская утка укусила вас в ответ, значит, она достаточно свежая...

Или:

В ресторане китайской кухни:

— *Официант! Почему у меня в мухах плавает суп?!*

Отсюда закономерен вывод, прозвучавший в следующем анекдоте:

Разговаривают двое:

— *Знаешь, почему в качестве священного животного китайцы выбрали дракона?*

— *Нет.*

— Потому что священных животных не едят.

В этом анекдоте напрямую не сказано, что китайцы едят абсолютно всё, но это все равно понятно: лишь дракона съесть нельзя, потому что дракон — мифическое животное.

Есть всё подряд, конечно, плохое свойство, свидетельствующее о пищевой неразборчивости китайцев. О нём часто упоминается в проанализированных нами анекдотах. Вместе с тем был отмечен и такой анекдот, где это свойство вроде бы оценивается положительно:

— Какие блюда не едят люди разных национальностей?

— Евреи и арабы не едят свинины, индусы не едят говядины, русские не едят лягушек, саранчу и летучих мышей, европейцы почти не едят первое. И только мудрые китайцы жрут всё подряд...

С одной стороны, способность «есть всё подряд» оценивается как мудрость, но, с другой стороны, просторечный глагол *жрать* означает «жадно есть», то есть имеет неодобрительное значение.

В русских этнических анекдотах и смежных с ними жанрах отразились и другие пищевые пристрастия китайцев. Так, стереотип о том, что основная еда китайцев — рис, нашёл отражение, например, в такой шутке: *Мы с вами живём более-менее сносно, пока китайцы не поймут, что рис — это всего лишь гарнир.*

Любой русский, побывавший в Китае или хотя бы в китайском ресторане, знает, что китайцы едят палочками. Такой способ приёма пищи для русских экзотичен, поэтому много анекдотов появляется именно на эту тему. Например:

Армянское радио спросили:

— Когда наступит всемирный голод?

— Когда китайцы научатся есть вилкой.

Но, видимо, у китайцев есть вилкой пока не получается:

В Китае решили перейти на западную традицию — есть с ножом и вилкой. Многим приходится сложно: трудно держать в одной руке...

Кстати, русские не против перенять способ приёма пищи с помощью палочек:

Разговаривают два приятеля:

— Твоя жена очень похудела во время отпуска. Как это ей удалось?

— Она сидела на китайской диете: ела куриный бульон китайскими палочками.

Основной транспорт в Китае, по данным русских анекдотов, велосипед: *Переходим к новостям из Китая: «Массовые беспорядки в Китае. Манифестанты громят киоски, переворачивают и поджигают велосипеды».* И это непривычно для русских, у которых даже нет специальной дорожной полосы для езды на велосипеде и которые привычны к сообщениям о периодических возмущениях в Европе, сопровождающихся поджогами автомобилей, и, скорее всего, воспринимается как показатель низкого уровня жизни китайцев, финансово не способных иметь автомобили.

В нашей картотеке есть и анекдоты и шутки об учении фэн-шуй, например:

– *Что такое фэн-шуй?*

– *Фэн-шуй — это учение, согласно которому китайцы становятся счастливыми, переставляя вещи в своей квартире.*

Или:

– *Откуда появилось учение фэн-шуй?*

– *Фэн-шуй придумали китайские воры, чтобы лучше ориентироваться в домах.*

Итак, проанализировав тексты русских этнических анекдотов и смежных с ними жанров о китайской культуре и быте, мы выявили следующие этнические стереотипные представления русских:

– китайский язык и китайская письменность непонятные и странные, русскому человеку их очень трудно освоить;

– китайцы не способны правильно произносить русские слова;

– китайцы едят всё, что шевелится, но основная еда китайцев — рис;

– китайцы едят только палочками и не умеют есть с помощью европейских приборов;

– у китайцев странное время празднования Нового года;

– Китай — это страна, где находится Великая китайская стена, которая долго строилась;

– Китай — страна велосипедистов;

– у китайцев странное учение фэн-шуй.

Всё это приводит нас к выводу о том, что китайская культура воспринимается русскими как принципиально иная.

* * *

Selyunina Olga A., Chen Qiangun

**STEREOTYPIC REPRESENTATIONS OF RUSSIANS
ABOUT CHINESE CULTURE AND LIFE (ON THE MATERIAL
OF JOKES AND RELATED GENREES)**

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

The article analyzes the texts of Russian ethnic jokes and related genres in order to identify stereotypes of Russians about Chinese culture and life. The Chinese, according to jokes, are perceived by Russians as alien, that is, as representatives of a different culture, and this culture is regarded by Russians as exotic.

Keywords: China, Chinese, Chinese culture, ethnic stereotype, ethnic anecdote.

* * *

УДК 81

Е. М. Спивакова**НАИМЕНОВАНИЯ ПАРИКМАХЕРСКИХ
И САЛОНОВ КРАСОТЫ В ЭРГОНИМИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ БИРОБИДЖАНА**

Статья посвящена исследованию эргонимов с точки зрения структуры, способа образования и степени ассоциативного соответствия. Объектом исследования становятся названия парикмахерских и салонов красоты Биробиджана. В результате исследования автор выделяет наиболее распространённые приёмы создания эргонимов (вторичная номинация, предполагающая выбор слова, вызывающего положительные ассоциации, транслитерация); устанавливает наиболее популярную структуру эргонима (однословное наименование или двусловное именное атрибутивное словосочетание), выделяет факторы, снижающие ассоциативное соответствие и эффективность коммерческой номинации.

Ключевые слова: эргонимы, эргономическое пространство, номинация, первичная и вторичная номинация, искусственная номинация, именное атрибутивное словосочетание.

В последние десятилетия активизировалось изучение особого класса имён собственных-наименований, которым Н. В. Подольская дала название «эргонимы». Исследовательница образовала термин от двух греческих корней, обозначающих «дело» и «имя». Термин закрепился в ономастике для обозначения имён собственных, называющих деловые объединения людей. Изучение эргонимов ведёт свою историю от середины XX века, но в последнее время оно стало особенно актуальным в связи с проблемой номинации. Эргонимы особенно интересны потому, что являются результатом вторичной искусственной номинации. Приведём необходимые пояснения. Номинацию, то есть «процесс образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией» [3, с. 26], делят на первичную и вторичную. Первичной номинацией, согласно точке зрения С. С. Масловой-Лошанской, Г. В. Колшанского, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, следует считать образование названия, немотивированного в синхронии. В современном русском языке это крайне редкое явление. Вторичная номинация — это создание мотивированного названия, использование уже существующих в языке лексических единиц для именования нового денотата. Номинацию также делят на естественную и искусственную. Мы имеем дело с естественной

Спивакова Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и журналистики (Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: alena.spivakova@mail.ru.

© Спивакова Е. М., 2019

номинацией тогда, когда новое слово создаётся для обозначения нового объекта. Постепенно на основе естественной номинации образуется понятие, и носители языка начинают называть новым словом все объекты, принадлежащие к тому же классу. «Искусственная номинация — это создание нового лексического материала, преднамеренное словотворчество, тесно связанное с творческим началом личности, включённой в конкретный исторический и социальный континуум. Такой вид номинации субъективен» [3, с. 27].

Вся совокупность эргонимов на одной территории формирует эргонимическое пространство. Несложно понять, как тесно связано эргонимическое пространство с общей и речевой культурой населения этой территории, с экономическими и социальными процессами, проходящими на ней. «Эргонимы представляют особый интерес для научных исследований, поскольку этот пласт лексики содержит богатую информацию об истории и современном состоянии самого региона, о развитии культуры проживающих в нём народов и их языков. В эргонимах находят отражение изменения, происходящие в общественной жизни города и всего региона» [1, с. 75]. Всем вышесказанным обусловлена актуальность нашего исследования.

Объектом изучения в этой статье стали наименования парикмахерских и салонов красоты Биробиджана как часть эргонимического пространства и результат коммерческой номинации. Особенность коммерческой номинации состоит в том, что, помимо обычной для имени собственного номинативной функции, она также выполняет и целый ряд других: информативную, эстетическую, дифференцирующую, воздействующую, аттрактивную [2]. В связи с последними двумя функциями возникает вопрос об эффективности коммерческой номинации.

В этой статье нас в первую очередь будут интересовать три характеристики эргонимов: их структура, способ образования и степень ассоциативного соответствия. Мы считаем, что именно эти черты эргонимов в наибольшей степени отражают субъективное творческое начало номинатора и влияют в дальнейшем на эффективность названия.

Всего нами было отмечено 62 наименования парикмахерских и салонов красоты. По структуре мы разделили их на простые (однословные) и составные. Простых наименований подавляющее большинство (74 %): «Красотка», «Версаль», «Галатей», «Идеал», «Фурор», «Улыбашка» и другие.

Среди составных наименований выделены следующие подгруппы: словосочетания с подчинительной связью (16 %): «Парикмахерская на Шолом», «Территория красоты», «Аглицкий меланж» и др., предложно-падежная форма (одно наименование): «Для тебя», грамматически не связанные сочетания слов, в большинстве случаев иноязычных (около 9 %): «Beauty Nail Lab», «Helen Spa» и др.

Среди словосочетаний с подчинительной связью все являются именными с главным словом-существительным. Большинство из них представ-

ляют собой атрибутивные словосочетания структуры «существительное + согласованное прилагательное» («Brutal barber shop», «Аглицкий меланж») или «существительное + зависимое существительное в родительном падеже» («Территория красоты», «Остров красоты», «Стиль жизни»). Нам встретилось только одно словосочетание с обстоятельственными (пространственными) отношениями, и даже они осложнены атрибутивными: «Парикмахерская на Шолом» (где? и какая?). Такая структура объясняется первичностью номинативной функции эргонимов.

Все составные наименования, кроме одного, включают по два слова (не считая предлогов). Причина преобладания однословных и двусловных наименований состоит в стремлении к эффективности. Названия парикмахерских и салонов красоты относятся к группе эргоурбонимов — названий, размещаемых на вывесках. Прохожие обычно не склонны останавливаться и читать длинные названия. Эффективным окажется эргоурбоним, который можно прочесть на ходу, значит, одно-два слова — это предел.

Самым распространённым способом образования наименований является номинация по ассоциативному принципу. Название должно вызывать ассоциации с функцией учреждения, торговой маркой, качеством продукта или предлагаемой услуги, адресной группы клиентов и т. д. В некоторых случаях даются названия, просто вызывающие положительные ассоциации. В этом случае степень ассоциативного соответствия несколько снижается, т. к. потенциальный клиент может неправильно интерпретировать название и принять, например, парикмахерскую за турфирму. Названий, данных по ассоциативному принципу, мы выявили 35 %. Они вызывают следующие ассоциации:

1) с оказываемыми услугами — созданием привлекательного образа, стрижкой, созданием стиля: «Завиток», «Красота», «Стиль», «Остров красоты» и др.;

2) с результатом оказания услуги: «Фурор», «Идеал»;

3) с образом клиента: «Кокетка», «Красотка», «Персона» (подчёркивает высокий статус клиентов: ср. распространённые сочетания *важная, значительная, влиятельная персона* — и не употребляемые в речи **бедная, неприметная, незначительная персона*);

4) с качеством оказываемых услуг: «Креатив».

Ряд названий, данных по ассоциативному принципу, вызывают положительные ассоциации, не связанные напрямую с характером называемого учреждения: «Жасмин», «Акварель», «Ангел».

Все другие группы наименований, помимо основного способа образования, также вызывают у потенциальных клиентов ассоциации, которые следует учитывать, оценивая эффективность наименований.

Вторая по численности группа (19 %) — наименования, образованные транслитерацией. В этом случае русское слово передаётся графическими средствами чужого языка (в нашем материале — латиницей): «Chernika»,

«Kukla», «Lisa» (изображение лисы на вывеске говорит о том, что Lisa — не имя), «Zebra». Названия также должны вызывать положительные ассоциации, хотя ассоциативное соответствие некоторых вызывает сомнения: «Marafet» (жаргонное слово, несущее негативную окраску), «Mafia».

Некоторые названия, близкие к этой группе, отражают процесс гибридизации: они включают и русское слово, записанное латиницей, и заимствованное слово: «Myata studio», «Matreshka studio».

Третью по численности группу (18 %) составили прямые заимствования. Большинство из них — заимствования из английского языка: «Beauty Nail Lab», «Beauty Image», «Brutal barber shop», «Every day». Это закономерно, учитывая возрастающую роль английского языка как языка международного общения, а также роль США в мировой экономике и политике. Два заимствования из французского языка — «L'amre» и «Allure» — связаны со стереотипом о стильных и красивых француженках.

Своеобразие этой группы заключается в регулярном пренебрежении правилами грамматики языка-источника. Именно эта особенность явилась причиной появления такой структурной группы, как грамматически несвязанные сочетания слов. Так, в названиях «Beauty Nail Lab», «Beauty Image» в качестве определения использовано существительное beauty (красавица, красота) вместо прилагательного beautiful (красивый). В результате при переводе на русский язык получаются несвязанные сочетания «Красота ногти лаборатории» и «Красота образ».

Около 13 % наименований образованы от мужского или женского имени. В большинстве случаев используются европейские имена: «Helen Spa», «Stefani», «Alessandro». Имя Stefani написано с ошибками (правильно Stephanie). Впрочем, есть и русское имя — «Светлана». Одно из имён — прецедентное («Галатее»), взято из древнегреческой мифологии и должно вызывать ассоциации с преображением, созданием нового прекрасного образа.

В 5 % наименований использованы топонимы или названия достопримечательностей: «Париж», «Версаль», «Big Ban». Выбор названий опирается на стереотипы о французской стильности и британской строгой элегантности, аристократичности.

Тот же стереотип встречается в одном из достаточно редких наименований, образованных благодаря введению в название эпитета: «Аглицкий меланж». Название интересно ещё и тем, что в нём использована устаревшая форма прилагательного. По всей видимости, номинация преследовала в первую очередь аттрактивные цели, и привлечь потенциальных клиентов номинаторы стремились за счёт оригинальности, необычности, может быть, даже неясности названия.

Ещё 5 % наименований представляют собой прямые номинации: «Парикмахерская», «Парикмахерская на Шолом», «Салон красоты».

Другие группы эргонимов по способу образования включают небольшое количество единиц (по одной-две) и вместе составляют около

5 %: аббревиация («ВиАль»), транскрипция («Комильфо»), использование эпитета («Аглицкий меланж»).

Опираясь на полученные данные, мы можем сделать вывод о том, что ассоциативное соответствие, а значит, и эффективность [см. 4] коммерческой номинации в группе «наименования парикмахерских и салонов красоты Биробиджана» снижают следующие факторы:

- использование «нейтральных» названий, вызывающих положительные ассоциации в общем, не связанные с назначением учреждения, характером оказываемых услуг, такие как «Акварель» или «Жасмин»;
- прямые заимствования, часто содержащие ошибки, затемняющие смысл названия для адресата, такие как «Beauty Nail Lab»;
- использование онимов для вторичной номинации (такие названия могут ассоциироваться с чем угодно и не указывают на характер учреждения), например, «Светлана», «Stefani»;
- использование в названии слов, которые могут вызвать негативные ассоциации, например, «Mafia», «Marafet» и даже «Kukla» (ассоциируется с искусственностью).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирова Р. М. Функционирование коммерческих эргонимов города Казани в условиях двуязычия [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/19.html
2. Крылова Н. М. Особенности современной коммерческой номинации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 44–53.
3. Лозовой А. Ю., Названова И. А. К проблеме номинации. Особенности современной эргонимии [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-nominatsii-osobennosti-sovremennoy-ergonimii>
4. Мусеева И. Ю. Эффективность коммерческой номинации: психолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 1. С. 128–130.

* * *

Spivakova Elena M.

THE NAMES OF BARBER SHOPS AND BEAUTY STUDIOS OF BIROBIDZHAN

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

The article concerns structure, ways of derivation and efficiency of ergonyms. The object of this research is the group of ergonyms, naming barber shops and beauty studios of Birobidzhan. As a result of her studies, the author defines the most common ways of derivation of ergonyms (those would be choosing of the word, which induces positive associations and transliteration), describes the most efficient structure of ergonyms (one-word name or two-words substantive attributive collocation), defines factors, which reduce the efficiency of commercial naming.

Keywords: ergonyms, ergonomic space, nomination, primary and secondary nomination, artificial nomination, nominal attributive phrase.

REFERENCES

1. Amirova R. M. *Funktsionirovanie kommercheskikh ergonimov goroda Kazani v usloviyakh dvuyazychiya* [The functioning of commercial ergonyms of the city of Kazan in the conditions of bilingualism] Available at: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/19.html
2. Krylova N. M. Features of the modern commercial nomination [Osobennosti sovremennoy kommercheskoy nominatsii], *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 2013, no. 3, pp. 44–53.
3. Lozovoy A. Yu., Nazvanova I. A. *K probleme nominatsii. Osobennosti sovremennoy ergonimii* [On the nomination problem. Features of modern ergonymy] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-nominatsii-osobennosti-sovremennoy-ergonimii>
4. Moiseeva I. Yu. Efficiency of a commercial nomination: psycholinguistic aspect [E'ffektivnost' kommercheskoy nominatsii: psikholingvisticheskiy aspekt], *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2018, no. 2 (80), part 1, pp. 128–130.

* * *

УДК 821.161.1

П. Н. Толстогузов**ФОТОГРАФИЯ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТЕКСТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

В статье рассматривается художественная функциональность мотива «фотография» в русской литературе XIX века. В качестве примера приведены тексты Тургенева, Гончарова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Чехова. Сделан вывод, что литература той эпохи осваивала фотографию в первую очередь как средство характеристики и как символ. В XX веке эта ситуация существенно изменится.

Ключевые слова: фотография, художественная функция, русская классическая литература, характеристика, символ, гносеологическое «фотоувеличение».

Фотография как мотив возникает в русской литературе, как ей и положено, в середине XIX века, вскоре после ее изобретения и появления в начале 1840-х годов первых фотоателье. Сначала в виде спорадических фоновых упоминаний (например, у Гончарова в «Фрегате „Паллада“», где, в частности, в качестве фотографа-любителя упомянут востоковед и дипломат И. А. Голышев), затем в виде функционального элемента, т. е. значимого смыслового элемента повествования, имеющего то или иное отношение к фабуле. Функциональность фотографического образа при этом была различной и не вполне совпадавшей с родственной функциональностью живописи.

Рассмотрим несколько примеров.

В «Отцах и детях» Тургенева фотография появляется в виде плохих по качеству снимков: «В простенке, над небольшим комодом, висели довольно плохие фотографические портреты Николая Петровича в разных положениях, сделанные заезжим художником (художниками в ту эпоху называли фотомастеров по аналогии с живописцами. — П. Т.); тут же висела фотография самой Фенечки, совершенно не удавшаяся: какое-то безглазое лицо напряженно улыбалось в темной рамочке, — больше ничего нельзя было разобрать...» [5, с. 37].

Искажающая черты человека фотография — тургеневская функциональность этого мотива. В «Дыме» так будет искажен образ Тани Вестовой: «Печально глянуло на него (Литвинова. — П. Т.) ее лицо, искаженное и, как водится, состаренное фотографией» [там же, с. 341]. Позже

Толстогузов Павел Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия); e-mail: pnt59@mail.ru.

© Толстогузов П. Н., 2019

в литературе эффект фотографического искажения будет осмыслен как неизбежный — вне зависимости от качества снимка.

Это полемически противоречит одной из ранних смысловых функций фотографии: объективно-бесстрастному отражению предметов и лиц. Эта функция превратилась в метафору отстраненной объективности взгляда (как, например, у Гончарова в «Обрыве», где герой следит за своими чувствами, «как будто снимая фотографию» [1, с. 551]). В то же время тургеневская эстетическая дискредитация фотографии отражала возможности первоначальной фотографической техники, особенно если речь шла о провинциальных ателее и о «заезжих» фотографах.

У Достоевского, напротив, фотография оказывается способной передать загадочность, мистику образа. Это прежде всего знаменитый фотопортрет Настасьи Филипповны в «Идиоте»: «Так это Настасья Филипповна? — промолвил он (князь Мышкин. — П. Т.), внимательно и любопытно поглядев на портрет. — Удивительно хороша! — прибавил он тотчас же с жаром. На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное» [2, с. 32].

Далее герой разглядит в портрете личность человека «не из обыкновенных» [там же, с. 38]: так объективирующая функциональность фотопортрета отчетливо сдвигается в сторону характерологической многозначительности живописного образа (что, кстати, соответствовало общей тенденции тогдашней фотографии: развитию в сторону пикториализма, подражавшего живописи и ее приемам). Отсюда возникает традиция, ведущая к «едко ввевшейся фотографии» души (Борис Патернак).

У Толстого в «Анне Карениной» фотография оказывается в состоянии выразить конфликтное состояние сознания того, кто ее рассматривает: «Она (Анна. — П. Т.) встала и, сняв шляпу, взяла на столике альбом, в котором были фотографические карточки сына в других возрастах. Она хотела сличить карточки и стала вынимать их из альбома. Она вынула их все. Оставалась одна, последняя, лучшая карточка. Он в белой рубашке сидел верхом на стуле, хмурился глазами и улыбался ртом. Это было самое особенное, лучшее его выражение. Маленькими ловкими руками, которые нынче особенно напряженно двигались своими белыми тонкими пальцами, она несколько раз задевала за уголок карточки, но карточка срывалась, и она не могла достать ее. Разрезного ножика не было на столе, и она, вынув карточку, бывшую рядом (это была карточка Вронского, сделанная в Риме, в круглой шляпе и с длинными волосами), ею вытолкнула карточку сына. „Да, вот он!“ — сказала она, взглянув на карточку Вронского, и вдруг вспомнила, кто был причиной ее теперешнего горя. Она ни разу не вспоминала о нем все это утро. Но теперь

вдруг, увидав это мужественное, благородное, столь знакомое и милое ей лицо, она почувствовала неожиданный прилив любви к нему» [4, с. 454].

Здесь фотография почти оживает и начинает символически активничать: выталкивает другую. Так Вронский выталкивает из жизни Анны ее прежнюю жизнь. Кроме того, фотоальбом в этом случае проявляет специфичность нового искусства: он дает возможность выбрать лучшую фотографию из многих, что гораздо труднее сделать, например, в живописи, у которой по понятным причинам показатель серийности гораздо ниже.

У Салтыкова-Щедрина фотография обнаруживает функцию, которая затем неоднократно будет с ней связана: демонстрация человеческой самовлюбленности и позерства. Ср.: «Нечего и говорить, что Феденька фотографировал себя во всех возможных видах: и в группах, и в одиночку, и костюмированным: и просто в пиджаках, и с скрещенными на груди руками, и гуляющим с тросточкой в руках. В особенности любил он одну позу: стоит, сердечный, в пиджаке и куда-то смотрит, словно думает; на губах мелькает грустно сдержанная улыбка, на челе — печать. Нос — учтивый; правая рука держит книжку и лениво опустилась вдоль туловища; левая — не знает, что предпринять» [3, с. 444]. Перед нами пародийно сниженный типаж романтического фантазийного портрета.

Или: «Некоторые даже снимают с себя фотографические портреты в таком виде: посредине сидит молодой начальник, по бокам — молодые подчиненные, — и, право, группы выходят хоть куда! Начальник обыкновенно представляется нечто разъясняющим, подчиненные — понимающими. Что разъясняет начальник и что понимают подчиненные — об этом до сих пор не мог дать отчета ни один фотограф, однако я никак не позволю себе предположить, чтобы это был с их стороны наглый обман» [там же, с. 107]. Это пародийно сниженный типаж классицистско-академической многофигурной «педагогической» композиции.

Страсть к фотографиям и к любительскому фотографированию в литературе конца века может стать постоянным комическим признаком персонажа. Таков в чеховских «Трех сестрах» подпоручик Федотик, который беспрестанно делает фотографические снимки окружающих [7, с. 137, 172]. Но этот комизм может, как часто бывает у Чехова, обернуться внутренней драмой: навязчивый фотограф, как оказалось, снимает одного из присутствующих (барона Тузенбаха) накануне его гибели на дуэли. И фотография на прощанье превращается в способ мнимой остановки неостановимых событий. Способ, от которого щемит сердце: здесь, на фотографии, еще жив тот, кого не будет среди живых через несколько часов. А на фотографии он еще будто бы жив и планирует свое будущее. Где это — на фотографии? Да, собственно, нигде, хотя вот же — на фотографии...

Так фотография на рубеже веков и культур постепенно превращается в сильнейшее средство для того, чтобы поставить вопрос о природе реальности и времени.

В XX веке художественная функциональность фотографической темы возрастет неизмеримо, и станут, например, возможными сюжеты гносеологического «фотоувеличения», позволяющего увидеть недоступную при обычном взгляде на вещи глубину реальности (как в знаменитой связке сюжетов Вулрич — Хичкок — Кортасар — Антониони, где тема вынужденного пристального взгляда в окно постепенно сменяется темой взгляда в объектив и последующего рассматривания проявленного отпечатка, содержащего не увиденные первоначально, пугающие детали). Станет возможным фотографирование души в трех измерениях (Милорад Павич, «Пейзаж, написанный чаем»).

Даже классическая живопись, внимательно работающая со светом, станет трактоваться через камеру-обскуру — прототип фотографии (как, например, в «Школе света» Дины Рубиной). Так фотография начнет возвращать свои долги живописи.

В XIX веке, несмотря на уже существовавшую практику экстравагантных фотоколлажей и симуляций со спиритическим подтекстом (фотографии призраков и мертвецов), такая функциональность еще не была возможной, но литература классического реализма и не нуждалась в ней. Она осваивала фотографию в первую очередь как средство характеристики и как символ, ориентируясь прежде всего на функциональность традиционного живописного образа, но при этом уже осторожно затрагивала те сложные, многосмысленные и антиномичные аспекты фотографического образа, которые отчетливо проявятся в культуре модернизма. Именно эта культура и ее наследники придут к фундаментальному выводу о том, что любая фотография, в сущности, не что иное как самая наглядная из иллюстраций неуловимости, смысловой открытости-закрытости нашего присутствия в бытии (*dasein*), о чем, пожалуй, наиболее выразительно выскажется Джон Фаулз: остановленное фотографией мгновение — «словно крышка ловушки, неожиданно упавшая на пальцы вора» [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 7. Обрыв. СПб.: Наука, 2004. 772 с.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Идиот. Л.: Наука, 1989. 671 с.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 8. М.: Худож. литература, 1969. 614 с.
4. Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 684 с.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. 560 с.
6. Фаулз Дж. Кротовые норы [Электронный документ] // E-LIBRA : Электронная библиотека. URL: <https://e-libra.ru/read/215388-krotovye-nory.html> (дата обращения: 21 июня 2019).
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 13. Пьесы. 1895 — 1904. М.: Наука, 1978. 527 с.

* * *

Tolstoguzov Pavel N.
PHOTO AS A FUNCTIONAL ELEMENT IN THE RUSSIAN LITERATURE TEXT
OF THE 19TH CENTURY SECOND HALF

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

The article considers the art functionality of motive «photo» in the Russian literature of the 19th century. Turgenev, Goncharov, Dostoyevsky, Saltykov-Shchedrin, Leo Tolstoy, Chekhov's texts are given as examples. It was concluded that literature of that era used photo first of all as an element of a narrative background, as a means of characterology and as a symbol. In the XX century this situation significantly changes, for instance: plots of the gnoseological «blow-up» allowing to see the reality depth, inaccessible at the usual view of things, become possible.

Keywords: photo, art function, Russian classical literature, characterology, symbol, gnoseological «blow-up».

REFERENCES

1. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* (Complete works and letters), in 20 vol., vol. 7. Obryv. 2004. 772 p.
2. Dostoyevsky F. M. *Sobranie sochineniy* (Collected works), in 15 vol., vol. 6. Idiot. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 671 p.
3. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy* (Collected works), in 20 vol., vol. 8. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1969. 614 p.
4. Tolstoy L. N. *Anna Karenina*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 684 p.
5. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* (Complete works and letters), in 30 vol. Works: in 12 vol., vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1981. 560 p.
6. Fowles John. Wormholes [Krotovye nory], *E-LIBRA: Electronic library*. Available at: <https://e-libra.ru/read/215388-krotovye-nory.html> (accessed: 21/06/2019).
7. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* (Complete works and letters), in 30 vol. Works: in 18 vol., vol. 13. Dramas. 1895 – 1904. Moscow, Nauka Publ., 1978. 527 p.

* * *

УДК 316.77+316.6

Д. В. Фокина, О. А. Питько

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИЯ МОЛОДЁЖИ К ИНТЕРНЕТ-СМИ

В статье рассмотрены психологические аспекты выбора молодёжью тех или иных средств массовой информации, представлены различные факторы, оказывающие в значительной степени влияние на мнение молодёжи и их предпочтения в сетевых СМИ и СМК, выявлены особенности определения молодёжной аудиторией понятия достоверности освещаемой информации и их зависимость её восприятия от обстоятельств.

Ключевые слова: молодёжь, интернет-СМИ, доверие, психологические аспекты выбора, психологические факторы.

Значение СМИ в социальной среде имеет достаточный вес, являя собой «четвёртую власть». Необходимо рассмотреть современные тенденции и направления СМИ, так или иначе оказывающие влияние на общественное сознание. Поскольку наиболее социально активной частью населения, как правило, является молодёжь, то тенденции современных средств массовой информации и коммуникации в значительной степени влияют на общественное сознание, в том числе и через молодёжную среду. СМИ в современном обществе играют роль активных «рычагов», способствующих продвижению социальных и политических процессов.

«Современный мир предоставляет огромное количество способов для коммуникации. Часть из них представлены использованием глобальной сети интернет. Это связано с тем, что наука за последнее столетие совершила огромный скачок в развитии техники. Вследствие чего мы наблюдаем прогресс цифровых и компьютерных технологий» [2, с. 57]. С развитием информационных технологий сетевые СМИ всё больше заполняют пространство медиапотребления. Именно поэтому так важно выявить, какие факторы в наибольшей степени являются регуляторами процесса выбора СМИ, чем руководствуется молодёжь, выбирая то или иное издание, что способствует формированию мнения, и прийти к пониманию, могут ли предпочтения в СМИ повлиять на социальную и политическую ситуацию и каким образом.

Фокина Дарья Вадимовна — студент (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия, Магнитогорск).

Питько Ольга Александровна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры АРиЖ, член Российского психологического общества (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия, Магнитогорск); e-mail: pitko-olga@mail.ru.

© Фокина Д. В., Питько О. А., 2019

По данным опроса, проведённого Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, отдают наибольшее предпочтение Интернет-СМИ около 65 %, а среди респондентов в возрасте 25–30 лет — 50 %. Если говорить о новостной платформе, то меньше доверия у большинства вызывают новости из соцсетей и блогов, больше — из официальных информационных сайтов, новостных, аналитических (РИА Новости, ТАСС и др.)

Как показывают исследования, степень доверия зависит от вида информации — например, чуть больше 50 % молодых людей считают достоверной информацию о действиях правительства на международной арене, около 70 % доверяют информации в интернет-СМИ о природных катаклизмах. Меньше всего доверия вызывает информация о деятельности оппозиции (ей верят около 34 %) и о положении дел в экономике страны (31 %). Известно, что «убеждение — это воздействие на сознание, чувства, волю людей посредством сообщения, разъяснения и доказательства важности того или иного положения, взгляда, поступка» [3, с. 177]. Причём об этом «моменте мало кто задумывается: люди просто не представляют, что их сознанием можно манипулировать» [4, с. 581].

Наименьшей популярностью среди новостных порталов пользуются зарубежные сайты. Блоги и социальные сети наиболее предпочитаемы как развлекательный контент.

Молодое поколение более подвержено переменам и перестройкам, их мировоззрение более пластично. Проблемы формирования ценностей поколения рассматриваются на сегодняшний день в том числе и средствами массовой информации. Однако воспитательную функцию СМИ утратили и сейчас являются больше источниками развлечений.

Что вообще можно понимать под «доверием к СМИ», и чем оно определяется? Чем мы руководствуемся при выборе восприятия информации, как выделяем, к примеру, «желтуху» среди прочих источников и решаем, где пишут больше правды?

Доверие, в первую очередь, основывается на репутации деловой, политической или нравственной, зависит от ценностей, достижений и декларируемых смыслов.

Репутация издания в той или иной среде, как в нашем случае, — молодёжной, складывается из читательского опыта.

Старшее поколение в большей степени доверяет традиционным СМИ и предпочитает в качестве новостных источников федеральные каналы, нежели сайты. Чаще всего это аргументируется наличием цензуры на телевидении и её отсутствием в интернет-пространстве. Иначе говоря, сам фактор цензуры для взрослых людей является той самой гранью между правдой и ложью — она как фильтр, который, по их мнению, не пропускает ложную информацию в новостной выпуск, тогда как в интернете много больше «кликабельных заголовков» и «желтухи», направленных на привлечение аудитории только за счёт психологического эффекта сенсации.

Другой вопрос состоит в том, что одна часть интернет-СМИ заслуживает доверия, а другая — нет, поскольку далеко не все информационные ресурсы сетевого пространства грешат недостоверностью и концентрацию недобросовестных СМИ приходится определять уже только на практике. Однако для старшего поколения такого разделения почти не существует, им хватает одного понимания того, что в Интернете публикация новостей более свободна, а значит, там могут публиковать «всё, что угодно».

В силу того, что в последнее время политически активной молодёжи становится больше, чем аполитичной, немаловажную роль играет и такая вещь, как отношение к устройству собственного государства, и, как следствие, вытекающее из него отношение к власти. И от политической позиции также может зависеть отношение к СМИ в своей стране. А политическая позиция может как располагать молодёжь к власти, так и противопоставлять ей. «Политика более, чем другие виды социальной деятельности, нуждается в установлении и поддержании постоянных связей с обществом» [1, с. 1164].

Об этом можно говорить тогда, когда молодёжью, к примеру, поддерживается оппозиционное движение правящей власти — тогда автоматически те источники, которые являются рупором официальной власти, блокируются их сознанием и не воспринимаются. Здесь мы можем наблюдать тот же психологический эффект воздействия, что и в случае со старшим поколением: для негативного и неодобрительного отношения ко всем традиционным источникам информации достаточно понимания того, что в противовес Интернету «рупоры власти» говорят не обо всём, что происходит. Опять-таки это утверждение нельзя отнести ко всем газетам, журналам и новостным телепередачам, но молодёжь так же не видит этих границ в традиционных СМИ, как и старшее поколение в сетевых.

Приведём пример, иллюстрирующий это явление: федеральным российским СМИ зачастую не доверяет та часть молодёжи, которая поддерживает оппозиционное политическое движение активными радикальными действиями, например, митингами, а федеральные СМИ в силу своей позиции не освещают этого (или освещают не в том свете, в каком хотелось бы видеть молодым людям). Отсюда происходит конфликт потребительских интересов, которые не получают поддержки от СМИ и, соответственно, не воспринимают федеральный сайт как авторитетный подтверждённый источник.

Другой направляющей силой в качестве авторитетного источника в данной ситуации выступает само оппозиционное движение, точнее, его лидеры, которые напрямую пропагандируют недоверие и отторжение к одним СМИ и доверие к другим, если идёт прямое формирование мнения и пропаганды идеалов, взглядов и ценностей, не признающих существующую систему и формирующих негативное отношение к ней (а соответственно и к системным СМИ).

Таким является один из факторов отношения молодёжи к СМИ — отношение к власти. И это распространяется не только на информационные сайты, но и на развлекательный контент. То есть молодёжь, отслеживая политические новости в стране, связанные, например, с выборами президента, будет отслеживать ситуацию не только на официальных источниках оппозиции, но и на более неформальных (например, в таких социальных сетях, как «Twitter» или «ВКонтакте», на канале популярной видеоплатформы «YouTube» и т. д.).

От репутации социальных сетей также зависит их читательский контингент. Здесь необходимо рассмотреть и отношение к СМИ, которое пропагандируют «лидеры из социальных сетей». Достаточно широкое влияние на молодёжную среду оказывают блогеры, чьё мнение относительно любого вопроса становится неоспоримо важным для молодых людей, выбравших себе тех или иных кумиров в зависимости от личной морально-нравственной ценностной ориентации, и чем популярнее блогер, тем большее влияние оказывает. Социальные сети автоматически становятся их рупором, озвучивающим их позицию в отношении чего-либо (будь то преобразование в области политики, спорта, образования, будь то действия правительства во внешней политике) и от степени убеждения в собственной правоте, в умении управлять чужим мнением и неоспоримостью собственного статуса, авторитета и уважения зависит и выбор аудитории, кого слушать и что читать. В качестве примера можно привести ситуацию, когда блогер, вступивший в конфликт с издательством или телеканалом, считает своим долгом рассказать об этом на всю свою многотысячную (или многомиллионную) аудиторию и сформировать негативное отношение масс к тому или иному источнику. Так, например, конфликты многих блогеров видеоплатформы YouTube с интернет-изданием Life News стали широко известны в массах и породили соответствующий эффект — недоверие, неприятие, отторжение со стороны молодёжной аудитории, что, несомненно, повлияло на репутацию Life News.

Помимо этого, немаловажную роль играет и поведение самого издания, его собственное отношение к личной репутации, которую могут подорвать незначительные, но довольно компрометирующие и побуждающие ко всеобщему недоверию действия издательства, его отношения с другими СМИ и морально-нравственная составляющая их редакционной политики. Например, издание, использующее в своей работе для добычи ценного материала или подтверждения важной информации методы, идущие вразрез с принятыми общечеловеческими ценностями и моральными нормами, не будет пользоваться уважением и популярностью в нужном смысле этих слов. Если издатель своей редакционной политикой способен переступать через принятые в обществе ценности в погоне за информацией, пытаясь заполучить важные необходимые сведения практически любыми доступными методами, то велика вероятность, что в свою конечную цель, то есть в аудиторию, он не попадёт.

К сожалению, на сегодняшний день существует немало издательств, которым не чужд так называемый «черный PR», эффект «жёлтой прессы» с запуском сенсационной информации с целью привлечь внимание аудитории и получить денежную выгоду от посещения сайта. При этом их совершенно не волнуют способы поднятия рейтингов и собственная репутация достоверного источника информации.

Таким образом и определяются психологические аспекты выбора СМИ и доверия к ним старшего поколения и молодёжи. Подведя итог, можно сказать о том, что достаточно много факторов, оказывающих влияние на формирование потребительских предпочтений молодого поколения, складываются как из внешних обстоятельств, так и из внутренних, т. е. психологических норм, правил и ценностей самого поколения, его восприимчивости и доверия к СМИ и средствам массовой коммуникации. Факторы доверия могут быть обусловлены приязнью или неприязнью к лидеру, возглавляющему ту или иную платформу (в том числе и средств массовой коммуникации, социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и т. д.), а точнее, — к взглядам и ценностям, которые он пропагандирует в своих источниках. Лидер в социальной молодёжной среде также может прививать ценности и нормы, формировать общественное мнение и вести за собой молодые умы, поскольку их сознание более подвижно для перестройки мировоззрения. Наконец, от поведения издательства и от проводимой политики зависит восприятие молодёжи, у которой в совокупности с предыдущими факторами существует своё, обособленное мнение, сформированное особенностями социальной среды и времени, воспитанием, мировоззрением, уровнем развития и т. д.

Разумеется, существует ещё целый ряд факторов и особенностей, которые можно выявить уже эмпирическим путём дальнейшего научного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Питько О. А.* Аспекты создания и продвижения персонального бренда современного политика // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-6. С. 1163—1165.
2. *Питько О. А.* Психологические аспекты интернет-коммуникаций // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2015. № 1 (7). С. 57—59.
3. *Питько О. А.* Технологии копирайтинга в электронных СМИ как средство психологического воздействия // Результаты научных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 февраля 2016 г., г. Тюмень): В 4 ч. Ч. 2. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. 212 с. С. 176—178.
4. *Питько О. А.* Техники НЛП в рекламной деятельности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4-3. С. 581—584.

* * *

Fokina Darya V., Pitko Olga A.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF YOUTH CONFERENCE TO THE INTERNET MEDIA

(Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia)

The article discusses the psychological aspects of the choice of various media among young people, presents various factors that have a significant impact on the opinion of young people and their preferences in the network media and the QMS, reveals the peculiarities of the definition of the reliability of the information covered by the youth audience and their dependence on circumstances.

Keywords: youth, online media, trust, psychological aspects of choice, psychological factors.

REFERENCES

1. Pit'ko O. A. Aspects of creating and promoting a personal brand of a modern politician [Aspekty sozdaniya i prodvizheniya personal'nogo brenda sovremennogo politika], *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 2016, no. 11-6, pp. 1163–1165.
2. Pit'ko O. A. Psychological aspects of Internet communications [Psikhologicheskie aspekty internet-kommunikatsiy], *Traditsionnye natsional'no-kul'turnye i dukhovnye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii*, 2015, no. 1 (7), pp. 57–59.
3. Pit'ko O. A. Copywriting technologies in electronic media as a means of psychological impact [Tekhnologii kopiraytinga v elektronnykh SMI kak sredstvo psikhologicheskogo vozdeystviya], *Rezul'taty nauchnykh issledovaniy: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (15 fevralya 2016 g., Tyumen')* (Scientific research results: collection of articles of the International scientific and practical conference (February 15, 2016, Tyumen)), In 4 parts, Part 2. Ufa: AETERNA Publ., 2016, pp. 176–178.
4. Pit'ko O. A. Techniques of NLP in advertising [Tekhniki NLP v reklamnoy deyatel'nosti], *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2017, no. 4-3, pp. 581–584.

* * *

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК: 39/394.91/394.942/398

И. И. Галечко

КУЛЬТ БЛИЗНЕЦОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРСКОГО РЕГИОНА

Несмотря на глобализацию, кардинальные трансформации традиционной культуры, коренные народы амурского региона (нанайцы, негидальцы, нивхи, орочи, удэгейцы, уйльта, эвенки) сумели сохранить древние архетипы, элементы мифологии, культовой практики. В частности, большой исследовательский интерес представляет такой пласт их культуры, как культ близнецов. Изучение сущности, структуры этого древнейшего пласта культуры позволяет не только выявить особенности амурского социума, но и показать его этнокультурные контакты с народами Восточной Азии.

Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровский край, коренные народы, тунгусо-маньчжуры и нивхи, культ близнецов, этнокультурные контакты.

Култ близнецов известен в мифологической культуре всех народов мира. Близнецы выступают в качестве культурных героев, мифических первопредков, основателей, родоначальников социальных общностей разного уровня [15; 31; 16; 1].

Дальневосточный фольклорный материал, связанный с культом близнецов, является самым неполным, что связано, прежде всего, с его древностью [19; 25; 26; 29; 3; 4; 5; 8; 2; 9; 10; 7].

В качестве общих методологических принципов исследования культа близнецов можно выделить несколько компонентов. Рождение близнецов в традиционной культуре считалось сверхъестественным явлением в жизни всего социума, так как обосновывалось связью женщины со сверхъестественными существами, духами священных животных-предков. Духи могли относиться к категории добрых или вредоносных, чем впоследствии определяется статус близнецов, степень их влияния на жизнь сородичей. Поклонение близнецам, как правило, распространялось не только на них самих, но и на их мать. В традиционной культуре амурских народов близнецов почитали при жизни и после смерти, когда их души отправля-

Галечко Игорь Иванович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, архивоведения и правовых учений (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия); e-mail: halechko@yandex.ru.

© Галечко И. И., 2019

лись в загробные миры их сверхъестественных отцов. После смерти близнецов культ распространялся на их ритуальные изображения (чаще всего из дерева), которых угощали из особой посуды. Например, в Сахалинском областном краеведческом музее хранятся отдельные образцы культовой скульптуры близнецов уйльта: антропоморфный амулет для благополучия близнецов *адау*. Инв. № 2337-19. Амулет представляет собой две деревянные фигурки длиной восемь сантиметров в картонной коробочке с древесными стружками. Левая фигурка обёрнута в синюю материю с цветами, правая — в чёрный вельвет. Возле ртов имеются остатки ритуальной пищи от обряда кормления. Другой амулет представляет собой мать двойняшек *адо энини*. Инв. № 3044-1. Он состоит из трёх деревянных фигурок, обмотанных стружками. Некоторые амурские народы изготавливали после рождения близнецов их деревянные фигурки, которых угощали во время медвежьего праздника, в чём проявляется связь с их сверхъестественным отцом-медведем. В некоторых семьях такую скульптуру хранили в тайге, подальше от посторонних глаз.

Шаманы не принимали участия в ритуалах близнецного культа, что ещё раз подчёркивает его архаичность.

Большинство амурских этносов считало рождение близнецов в традиционной культуре хорошим событием для всего коллектива, ибо оно расценивалось как соединение с женщиной рода добрых духов в образе медведя или тигра. При этом женщина впадала в особое состояние, напоминающее сон. Родившиеся близнецы помогали сородичам во всех хороших делах и, прежде всего, (в соответствии с первым хозяйственно-культурным типом), в охотничьих и рыболовных промыслах. Эти промыслы были основой традиционной системы жизнедеятельности коренных народов региона.

Некоторые территориальные группы амурских нанайцев и сахалинских нивхов считали рождение близнецов плохим событием. Близнецы считались чёртовыми детьми. Это не обыкновенные, а вредные дети. Они плохо влияли на людей. Им старались не грубить, если обидишь близнеца, то у тебя сломается палец [11]. По мнению ульчей, близнецов всегда ждала несчастливая жизнь, потому что они были на виду у сородичей, были не как все, им нельзя было нарушать обычаи и нужно было вести праведную жизнь.

Похороны близнецов отличались от способов погребения обычных людей именно по причине их сверхъестественного статуса в обществе: в традиционной культуре их погребали в сидячем положении, полностью закутав древесными стружками. На могиле сооружали музыкальное бревно и играли на нём во время погребения и на поминках. После отправки душ близнецов в загробный мир траур по ним соблюдали в течение трёх лет.

Интересную гипотезу о сходстве культурных компонентов высказал С. В. Березницкий на основе анализа соотношения таких институ-

тов культуры амурских этносов, как культ близнецов и культ предков [6]. Но сначала необходимо, хотя бы кратко, осветить творчество известного дальневосточного учёного Э. В. Шавкунова, который в результате многолетних археологических раскопок, анализа артефактов, лингвистических реконструкций и широких этнокультурных параллелей разработал десятки концепций этнической истории народов Дальнего Востока. В частности, найденные на Шайгинском городище и в других памятниках металлические антропоморфные фигурки Э. В. Шавкунов идентифицировал как ритуальную скульптуру чжурчжэньского культа предков и выявил сходные образы у тунгусо-маньчжуров [30]. На этих и других материалах культа предков и огня, солярного культа, культа змея-дракона, связанного с громом и молнией, шаманства Э. В. Шавкунов выстроил концепцию средневековых чжурчжэней XII–XIII вв. как предков тунгусо-маньчжуров. Концепцию поддержали Т. Ю. Сем [24; 20; 22; 23; 21], П. Я. Гонтмахер [13], Л. Н. Гусева [14]. Т. Ю. Сем выявляла сходство на основе анализа семантики образов первоисточника жизни — богини-прародительницы в обществах амурских народов средних веков и наше время. П. Я. Гонтмахер отметил, что исследование культа священных животных амурских этносов показывает протяжённость их этнической истории в нескольких тысяч лет. Л. Н. Гусева на основе результатов анализа фигурок чжурчжэньских духов-предков с Шайгинского городища также пришла к выводу о том, что элементы одежды на фигурках общетунгусские и сходны с чжурчжэньскими и тунгусо-маньчжурскими. В целом культ предков становится в этой концепции Э. В. Шавкунова одной из возможных связующих этнокультурных ниточек средневековья и этнографического времени.

Известно, что культ предков характерен для многих народов мира независимо от хозяйственно-культурного типа и вероисповедания. Практически у всех архаических этносов имелись верования в мифических предков, чаще всего предков-животных, возможно, тотемического происхождения [27]. К. Леви-Стросс соотнёс отдельных тотемических животных с культом предков, которые обладали полузвериной-получеловеческой природой, могли наносить вред, вмешиваться в человеческие дела, но и сохранять социальный порядок тотемической группы [18]. Зооморфность образа предков определялась приоритетным обитанием того или иного вида животного в данной местности и его ролью в пищевой цепочке. У тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Амура такими сверхъестественными предками были тигр, медведь и морское китообразное — косатка.

Таким образом, традиционный комплекс верований тунгусо-маньчжуров и нивхов амурского региона наполнен древними мифологическими, мировоззренческими воззрениями и культами. Нет только явных остатков культа предков.

Известно, что отечественные этнографы собрали богатейший материал по различным культам народов Севера, однако не зафиксировали именно культа предков [28]. В современной духовной культуре амурских этносов сохранились архаические пласты мифологии и верований о великанах и карликах, о всемирном потопе, об образовании Вселенной и человека. Присутствия культа предков нет в родовых названиях, относящихся к видовым терминам таёжных животных или морских млекопитающих. Культ предков связывается только с чжурчжэньскими фигурками духов-предков, согласно концепции Э. В. Шавкунова.

К этой загадке можно добавить, на мой взгляд, ещё одну. Почему коренные народы амурского региона не заимствовали культ предков или хотя бы его компоненты у соседних этносов Восточной Азии: китайцев, маньчжуров, корейцев? В Китае строили грандиозные храмы в честь предков, в которых хранились деревянные таблички предков с их именами; души умерших [12].

Корейцы хранили подобную табличку четыре поколения и затем зарывали в могилу [17]. Некоторое сходство всё же выявляется. Например, ритуалы и атрибутика погребального ритуала нанайцев и ульчей (надгробие как вместилище души умершего, которое играет большую роль в почитании предков), сходны с погребальными обрядами и связанной с ними атрибутикой народов Восточной Азии. Ульчи хоронили близнецов на медвежьем кладбище, считали их принадлежащими к медвежьему роду, что явилось остатком существовавшей прежде дуальной организации [15], классифицирующей общество ульчей как «водных» людей и «таёжных». До середины XX века в с. Кольчём существовало захоронение ульчских близнецов в дупле дерева. Ещё одно отличие погребального ритуала близнецов – установка музыкального бревна возле могил их и матери. Орочи, ульчи и нивхи после смерти близнеца изготавливали его антропоморфную фигурку. Про отдельных, наиболее выдающихся близнецов сородичи помнили столетиями.

В сфере ритуалов жизненного цикла следует отметить полное забвение ритуальной близнецной практики и лишь остатки верований. Элементы культа предков распылены в духовной культуре современных тунгусо-маньчжуров и нивхов, но сложить их в единый комплекс пока не удаётся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л. А. Об идее двойничества по некоторым этнографическим и фольклорным данным // Историко-филологический журнал. 1977. № 2. С. 177 – 190.
2. Березницкий С. В. Влияние мировых религий на мировоззрение аборигенов Дальнего Востока // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 53 – 61.
3. Березницкий С. В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев. Этнографическая наука в Китае. Этнографические исследования

- 1999 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 434. 116 л.
4. Березницкий С. В. Жертвенное животное орочей — собака // Культура Дальнего Востока XIX—XX вв.: сборник научных трудов / отв. ред. Л. Е. Фетисова. Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 122 — 128.
 5. Березницкий С. В. Классификация культовой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России (материалы к историко-этнографическому атласу). Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 190 — 220.
 6. Березницкий С. В. Культ предков у чжурчжэней и культ близнецов тунгусо-маньчжуров // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения): сборник научных статей / отв. ред. О. В. Дьякова. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 227 — 237.
 7. Березницкий С. В. Материалы по культуре бикинских и хорских удэгейцев. Этнографические исследования 2002 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 522. 401 л.
 8. Березницкий С. В. Семейная обрядность коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 23 — 32.
 9. Березницкий С. В. Социально-экономическое и культурное развитие народов Нижнего Амура (нанайцев, негидальцев, ульчей, орочей). Этнографические исследования 1990, 1991 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 364. 443 л.
 10. Березницкий С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1997 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 415. 182 л.
 11. Березницкий С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1998 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 416. 711 л.
 12. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.
 13. Гонтмахер П. Я. Нанайцы: этюды о духовной культуре. Этнография, культура, искусство. Хабаровск, 1996. 280 с.
 14. Гусева Л. Н. К характеристике одежды чжурчжэней на основе анализа фигурок духов-предков // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 122 — 127.
 15. Золотарёв А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
 16. Иванов В. В. Близнечные мифы // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1. М., 1980. С. 174 — 176.
 17. Ионов Ю. В. Погребальные обряды корейцев // Культура народов зарубежной Азии: сборник МАЭ. Л.: АН СССР, 1973. Т. 29. С. 80 — 94.
 18. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
 19. Пилсудский Б. О. Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев о. Сахалина // Живая старина. СПб., 1910. Вып. 1 — 2. С. 22 — 48.

20. Сем Т. Ю. Амурский космогонический миф: модель и варианты // Системные исследования взаимосвязей древних культур Сибири и Северной Америки. СПб.: МАЭ РАН, 1996. Вып. 3. С. 111 – 142.
21. Сем Т. Ю. Мифологические архетипы в модели мира тунгусов // Сибирская ментальность и проблема социо-культурного региона. СПб.: Астерион, 2007. С. 110 – 123.
22. Сем Т. Ю. Образ лягушки-прародительницы в мифологии народов Амура // Животные и растения в мифо-ритуальных системах: материалы научной конференции, октябрь 1996. СПб.: ГМИР, 1996. С. 96 – 98.
23. Сем Т. Ю. Семантика образов богини-прародительницы у тунгусо-маньчжурских народов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 16 (40). С. 244 – 247.
24. Сем Т. Ю. Семантика образов первоисточника жизни у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока к. XIX – начала XX в. и их средневековые параллели // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991. С. 179 – 192.
25. Смоляк А. В. О культе близнецов у нанайцев Нижнего Амура // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.). Ч. 2. М.: ИЭ АН СССР, 1974. С. 41 – 49.
26. Смоляк А. В. Элементы верований и культов нивхов и орочей, связанные с погребением утонувших и близнецов // Расы и народы / отв. ред. З. П. Соловьева, Д. А. Функ; ИЭА РАН. Вып. 28. М.: Наука, 2002. С. 214 – 226.
27. Токарев С. А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 236 – 279.
28. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1964. 559 с.
29. Фетисова Л. Е. Разновидности близнецного мифа у народов Дальнего Востока России // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-западной Америки и Северо-восточной Азии. К 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции: материалы Международной научной конф. Владивосток, 1 – 5 апреля 1998 г. / под ред. А. Р. Артемьева. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1998. С. 278 – 284.
30. Шавкунов Э. В. Культура чжурчженей-удигэ XII – XIII вв. и проблемы происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
31. Штернберг Л. Я. Античный культ близнецов при свете этнографии // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 73 – 109.

* * *

Galechko Igor I.

THE CULT OF THE TWINS INDIGENOUS PEOPLES OF THE AMUR REGION

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

Despite globalization, a fundamental transformation of the traditional culture of the indigenous peoples of the Amur region (Nanais, Negidals, Nivkhis, Orochis, Udeges, Uiltas, Evenkis) have managed to preserve the ancient archetypes, the elements, mythology, cult practice. In particular, such a layer of their culture as the cult of twins is of great research interest. The study of the essence, structure of this ancient layer of culture allows not only to reveal the features of the Amur society, but also to show its ethno-cultural contacts with the peoples of East Asia.

Keywords: Far East, Khabarovsk territory, indigenous peoples, Tungus-Manchus and Nivkhis, the cult of twins, ethno-cultural contacts.

REFERENCES

1. Abramyan L. A. On the idea of duality according to some ethnographic and folklore data [Ob idee dvojnichestva po nekotorym `etnograficheskim i fol'klornym dannym], *Istoriko-filologicheskij zhurnal*, 1977, no. 2, pp. 177 – 190.
2. Bereznitsky S. V. The influence of world religions on the worldview of the aborigines of the Far East [Vliyanie mirovyh religij na mirovozzrenie aborigenov Dal'nego Vostoka], *Rossiya i ATR*, 1996, no. 4, pp. 53 – 62.
3. Bereznitsky S. V. Spiritual and material culture of Iman and Bikin Udege. Ethnographic science in China. Ethnographic research 1999 [Dukhovnaya i material'naya kul'tura imanskikh i bikinskikh udehgeyjev. Ehtnograficheskaya nauka v Kitae. Ehtnograficheskie issledovaniya 1999 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 434. 116 l.
4. Bereznitsky S. V. Sacrificial animal of Orochi-dog [Zhertvennoe zhivotnoe orocheyj – sobaka], *Kul'tura Dal'nego Vostoka XIX – XX vv.* (Culture of the Far East of the XIX – XX centuries), collection of scientific articles, Vladivostok, DVO RAN Publ., 1992, pp. 122 – 128.
5. Bereznitsky S. V. Classification of cult attributes of indigenous peoples of the Far East of Russia [Klassifikaciya kul'tovoyj atributki korennihkh narodov Dal'nego Vostoka Rossii], *Tipologiya kul'tur kh korennihkh narodov Dal'nego Vostoka Rossii: materialy k istoriko-ethnograficheskomu atlasu* (Typology of the culture of the indigenous peoples of the Far East of Russia: materials for the historical and ethnographic atlas), Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, pp. 190 – 220.
6. Bereznitsky S. V. The cult of the ancestors of the Jurchens and the cult of the twins Tungus-Manchus [Kul't predkov u chzhurchzh`enej i kul't bliznecov tungusoman'chzhurov], *Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya. Pervye Shavkunovskie chteniya* (Tungus-Manchurian problem today. First Shavkun readings), collection of scientific articles, Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2008, pp. 227 – 237.
7. Bereznitsky S. V. Materials on the culture of the Bikin Udege and Horsk. Ethnographic studies 2002 [Materialih po kul'ture bikinskikh i khorskikh udehgeyjev. Ehtnograficheskie issledovaniya 2002 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 522. 401 l.
8. Bereznitsky S. V. Family ritual of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin [Semeynaya obryadnostj korennihkh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina], *Rossiya i ATR*, 2000, no. 4, pp. 23 – 32.
9. Bereznitsky S. V. Socio-economic and cultural development of the peoples of The lower Amur (Nanais, Negidals, Ulchis, Orochis). Ethnographic studies 1990, 1991 [Socialjno-ehkonomicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Nizhnego Amura (nanayjev, negidaljev, uljcheyj, orocheyj). Ehtnograficheskie issledovaniya 1990, 1991 gg.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 364. 443 l.
10. Bereznitsky S. V. Ethnic and Cultural contacts, ethnic history and spiritual culture of the indigenous peoples of The lower Amur and Sakhalin. Ethnographic studies

- 1997 [Ehtnokul'turniye kontakti, ehtnicheskaya istoriya i dukhovnaya kul'tura korennikh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Ehtnograficheskie issledovaniya 1997 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 415. 182 l.
11. Bereznitsky S. V. Ethnic and Cultural contacts, ethnic history and spiritual culture of the indigenous peoples of The lower Amur and Sakhalin. Ethnographic studies 1998 [Etnokul'turnye kontakty, etnicheskaya istoriya i duhovnaya kul'tura korenykh narodov Nizhnego Amura i Sahalina. Etnograficheskie issledovaniya 1998 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 416. 711 l.
 12. Vasil'ev L. S. *Kul'ty, religii, tradicii v Kitae* (Cults, religions, traditions in China), Moscow, Nauka Publ., 1970. 484 p.
 13. Gontmaher P. Ya. *Nanajcy: `etyudy o duhovnoj kul'ture. `Etnografiya, kul'tura, iskusstvo* (Nanais: sketches of spiritual culture. Ethnography, culture, art), Khabarovsk, 1996. 280 p.
 14. Guseva L. N. To the characteristic clothing of the Jurchen on the basis of the analysis of the figures of the spirits of the ancestors [K harakteristike odezhdy chzhurchzh'enej na osnove analiza figurok duhov-predkov], *Materialy po arheologii Dal'nego Vostoka SSSR* (Materials on Archeology of the Far East of the USSR), Vladivostok, 1981, pp. 122–127.
 15. Zolotarev A. M. *Rodovoj stroj i pervobytnaya mifologiya* (Tribal system and primitive mythology), Moscow, Nauka Publ., 1964. 328 p.
 16. Ivanov V. V. Twin myths [Bliznechnye mify], *Mify narodov mira: encyclopedia*, vol. 1, Moscow, 1980, pp. 174–176.
 17. Ionova Yu. V. Korean funeral rites [Pogrebal'nye obryady korejcev], *Kul'tura narodov zarubezhnoj Azii* (Culture of the peoples of foreign Asia), collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, vol. 29, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1973, pp. 80–94.
 18. Levi-Stross K. *Pervobytnoe myshlenie* (Primitive thinking), Moscow, Respublika Publ., 1994. 384 p.
 19. Pilsudskij B. O. Childbirth, pregnancy, miscarriages, twins, freaks, infertility and fertility in the natives of Sakhalin island [Rody, beremennost', vykidyschi, bliznecy, urody, besplodie i plodovitost' u tuzemcev o. Sahalina], *Zhivaya starina*, 1910, vol. 1-2, pp. 22–48.
 20. Sem T. Yu. Amur Cosmogonic Myth: Model and Variants [Amurskij kosmogonicheskij mif: model' i variant], *Sistemnye issledovaniya vzaimosvyazej drevnih kul'tur Sibiri i Severnoj Ameriki* (System Studies of Interrelations of Ancient Cultures of Siberia and North America). St. Petersburg, 1996, vol. 3, pp. 111–142.
 21. Sem T. Yu. Mythological archetypes in the model of the Tungus world [Mifologicheskie arhetipy v modeli mira tungusov], *Sibirskaya mental'nost' i problema socio-kul'turnogo regiona* (Siberian mentality and the problem of the socio-cultural region), St. Petersburg, Asterion Publ., 2007, pp. 110–123.
 22. Sem T. Yu. The image of the frog of the progenitor in the mythology of the peoples of the Amur river [Obraz lyagushki-praroditel'nicy v mifologii narodov Amura],

- Zhivotnye i rasteniya v mifo-ritual'nyh sistemah. Materialy nauchnoj konferencii, oktyabr' 1996* (Animals and plants in the myth-ritual systems: materials of the scientific conference, October 1996), St. Petersburg, GMIR Publ., 1996, pp. 96 – 98.
23. Sem T. Yu. Semantics of images of the goddess-ancestor of the Tungus-Manchu peoples [Semantika obrazov bogini-praroditel'nicy u tunguso-man'chzhurskikh narodov], *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 2007, no. 16 (40), pp. 244 – 247.
 24. Sem T. Yu. The semantics of the images of the source of life in tungusian peoples of the southern Far East end of the XIX – the beginning of XX century and their medieval Parallels [Semantika obrazov pervoistochnika zhizni u tungusoyazychnyh narodov yuga Dal'nego Vostoka k. XIX – nachale XX v. i ih srednevekoveye paralleli], *Rekonstrukciya drevnih verovanij: istochniki, metod, cel'* (Reconstruction of ancient beliefs: sources, method, purpose), St. Petersburg, 1991, pp. 179 – 192.
 25. Smolyak A. V. About the cult of twins in the Nanaïs of The lower Amur [O kul'te bliznecov u nanajcev Nizhnego Amura], *Novoe v `etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovaniyakh, Itogi polevykh rabot Instituta `etnografii v 1972 g.* (New in ethnographic and anthropological studies, Results of the field work of the Institute of Ethnography in 1972). Part 2. Moscow, 1974, pp. 41 – 49.
 26. Smolyak A. V. Elements of the beliefs and cults of the Nivkhis and the Orochis associated with the burial of the drowned and the twins [Elementy verovanii i kul'tov nivkhov i orochei, svyazannye s pogrebeniem utonuvshikh i bliznetsov], *Rasy i narody* (Races and Nations), Issue 28, Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 214 – 226.
 27. Tokarev S. A. Problems of public consciousness of the pre-class era [Problemy obschestvennogo soznaniya doklassovoj `epohi], *Ohotniki, sobirатели, rybolovy* (Hunters, gatherers, fishermen), Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 236 – 279.
 28. Tokarev S. A. *Religiya v istorii narodov mira* (Religion in the history of the peoples of the world), Moscow, 1964. 559 p.
 29. Fetisova L. E. Varieties of the Twin Myth among the Peoples of the Far East of Russia [Raznovidnosti bliznechnogo mifa u narodov Dal'nego Vostoka Rossii], *Istoriko-kul'turnye svyazi mezhdru korennyim naseleniem Tihookeanskogo poberezh'ya Severo-zapadnoj Ameriki i Severo-vostochnoj Azii. K 100-letiyu Dzhuzupovskoj Severo-Tihookeanskoj `ekspedicii: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konf. Vladivostok, 1 – 5 aprelya 1998 g.* (Historical and Cultural Relations Between the Indigenous People on the Pacific Coast of Northwest America and Northeast Asia. To the 100th anniversary of the Jesup North-Pacific Expedition: materials of the International Scientific Conference. Vladivostok, April 1 – 5, 1998), Vladivostok, 1998, pp. 278 – 284.
 30. Shavkunov `E. V. *Kul'tura chzhurchzh`enej-udig`e XII – XIII vv. i problemy proishozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka* (Culture of Jurchen-udige XII – XIII centuries and problems of origin of the Tungus peoples of the Far East). Moscow, 1990. 282 s.
 31. Shternberg L. Ya. Ancient cult of twins in the light of Ethnography [Antichnyj kul't bliznecov pri svete `etnografii], *Pervobytnaya religiya v svete `etnografii*, (Primitive religion in the light of ethnography), Leningrad, 1936, pp. 73 – 109.

* * *

УДК 39/394.91/394.942/398

В. А. Каштанюк**ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА И МИФОЛОГИИ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ЭТНОПЕДАГОГИКЕ**

Современный преподаватель должен обладать способностью к творческой деятельности, к созданию условий для самореализации обучающихся в целях обеспечения перехода от традиционного комплекса передачи знаний к инновационной системе самостоятельного получения необходимой информации в соответствии с выбранной профессией и с учётом этнокультурных особенностей. Одним из них может стать ментальный подход.

Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровский край, коренные народы Севера, тунгусо-маньчжуры, палеоазиаты, менталитет, мифология, этническая педагогика.

О сущности этнопедагогике, об особенностях использования ментального подхода, о сложности понятия «менталитет», специфике его рассмотрения в разных научных школах имеется большое количество трудов отечественных и зарубежных исследователей [2; 15; 17; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 26; 27; 25; 1]. Под менталитетом в целом подразумеваются умонастроение, коллективные представления, воображение, склад ума, элементы этнического самосознания, способ мышления, система образов и многие другие явления, которые лежат в основе представлений о мире, месте в нём человека, мотиваций и поведения людей. Подобное видение мира характеризует общественные институты, исторические эпохи, этнические общности. Мера овладения картиной мира зависит от многих причин, в том числе и от индивидуальных качеств человека, его сознания и мировоззрения, культурного поведения. Сама же картина мира заложена в сознание этнокультурной традицией и меняется в длительном процессе социализации и обучения.

Несмотря на обширную историографию, роль ментального подхода в педагогике раскрыта ещё недостаточно [18]. Ментальный подход учитывает особенности менталитета конкретной студенческой группы, которая после выпуска должна не просто стать коллективом с высшим образованием, а суметь войти в определённый этнический социум, принести в него высокие духовные и интеллектуальные принципы. Конечная деятельность обучения должна предусматривать создание не только

Каштанюк Валерия Александровна — кандидат исторических наук, директор факультета информационных и промышленных технологий (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: Valeriya-77@mail.ru.

© Каштанюк В. А., 2019

высококласного специалиста, но и гражданина, патриота нашего общества. Его личность будет продолжать совершенствоваться и вне стен образовательного учреждения. Но для этого он должен получить мощную традицию самостоятельного приобретения знаний и умений, навыков самообразования и самовоспитания. Ментальный подход в педагогике является достаточно новаторским, связанным с проблемами изучения и понимания ментальности сфер человеческой деятельности. На основе этого подхода можно осуществить обращение к самым фундаментальным основам личности для формирования новых идей и осознанной созидательной активности. Указанный подход основан на внутреннем ментальном убеждении, на осознании необходимости выработки своего особого механизма принимаемых решений и реакций на события внешнего мира. Ментальный подход позволяет исследовать личность, группу и общество в контексте их ментальных характеристик, посредством использования накопленного предыдущими поколениями духовного опыта, системы взглядов и ценностей, в данном случае присущих этнокультурной традиции коренных народов Севера. Эти этносы сохранили и в наши дни в своём ментальном поле многие характеристики, уже, к сожалению, утраченные другими российскими этносами: связь с природой, высокоэкологичное мышление, архетипические особенности ориентации в пространстве, групповую взаимовыручку, любовь к малой родине, связь со сверхъестественными явлениями, с ритуальной практикой, мифологией и другими мировоззренческими ценностями [4, 12; 6; 11; 10; 3; 5; 8; 13; 7; 14].

В качестве конкретной методики следует, в первую очередь, использовать разработки выдающегося отечественного этнографа, теоретика науки, антрополога, культуролога С. М. Широкогорова (1887 – 1939) [28]. В работе «Психоментальный комплекс тунгусов» Широкогородов подробно рассмотрел основные особенности системы мышления этносов Сибири и Маньчжурии, проявляющихся в их материальных и духовных комплексах. Цель Широкогорова состояла не только в том, чтобы исследовать и описать менталитет отдельного человека, но и изучить механизм психоментального комплекса, который помогает понять поведение индивидуума, группы и в целом этноса.

По данным Широкогорова, тунгусы всех групп имеют концепцию «жизни», которая отличает перемещающихся животных и человека от растений. Тунгусы видели сходство между растениями, животными и людьми. Большинство тунгусов соглашалось, что растения обладают «жизнью», которая присутствует во всех животных и которой недостаёт в минеральном мире. Жизнь на тунгусском языке называется термином, который означает «дыхание», «дышать», «душа». У маньчжуров жизнь идентифицирована также с «дыханием» и расположена в груди. Широкогородов не нашёл параллелей для этого термина в языках монголов и тюрков. После дыхания важным маркером для определения жизни тунгу-

сы называли пульс как наиболее существенное свидетельство жизни. Следующее определение жизни — движение. Хотя растения имеют «жизнь», но они не передвигаются. По той же самой причине деятельность сердца не рассматривается как характеристика жизни для насекомых и червей, которые не имеют, по мнению тунгусов, никакого пульса, но имеют «жизнь». Дыхание также не является всеобъемлющей характеристикой «жизни» для некоторых животных, например, для рыб. Тунгусы охотно перенимали чужие концепции. Маньчжуры в этом отношении более консервативны, так как уже пользовались письменными текстами, в которых они записали свои концепции и китайские теории. Согласно тунгусской идее, духи не могут быть замечены, если они не входят в специальную форму. Духи могут влиять на физические тела, они производят различные звуки, обладают всеми человеческими характеристиками, включая температуру тела, чувства голода, гнева, благодарности, эмоционального волнения и т. д.: дух подобен человеку. А раз духи снабжены этими характеристиками, то с ними можно обращаться так же, как с людьми. Теория духов действует в обществе тунгусов как научная гипотеза, объясняющая явления окружающего мира, тунгусской психологии и менталитета. Если тунгусы узнавали что-то новое относительно уже существующих духов, они увеличивали их число или характер. Если некоторые из характеристик были приписаны духу ошибочно, вносили исправления или приписывали ошибку ранним создателям этих воззрений. Поэтому система их верований достаточно эластична.

По мнению Широкогорова, тунгусские духи не могут классифицироваться как злые и добрые, что часто делается авторами, приспособляющими духов других этнических групп к собственным понятиям. Для тунгусов любой дух может быть и зловредным, и доброжелательным, чаще всего нейтральным, что зависит в основном от поведения человека и искусства управления духами.

Широкогородов проанализировал тунгусские идеи как явления психической и умственной деятельности и подчеркнул, что все существующие тунгусские гипотезы сосчитать невозможно из-за вариантов. Степень же доверия гипотезам тунгусов зависит от того, как новая гипотеза коррелируется с существующим комплексом и как она охватывает известные факты, входит в конфликт с новыми фактами, создана ли она умными людьми, действительно ли она получена от конкретных этносов. Если ментальная идея поступила от образованных маньчжуров, знакомых с китайскими книгами, то она имеет больше шансов для принятия, чем поступившая от необразованных китайцев или русских. Некоторые китайские гипотезы тунгусы не воспринимали из-за того, что китайцы не охотники и не могут знать повадки животных и их анатомию.

Широкогородов подчеркнул, что наиболее ярко психоментальные особенности этноса проявляются в институте шаманства. Задача учёного заключалась в том, чтобы показать шаманство в его главной функции

саморегулирования механизма психоментального комплекса. Социальное положение шамана является очень важным признаком. Когда в обществе нет шамана, то начинаются его поиски. Из многих кандидатов лишь немногие могли стать настоящими шаманами: но они должны знать огромное количество духов, уметь управлять ими и доказать это сородичам и нуждающимся людям. Люди никогда не будут обращаться за помощью к кандидату в шаманы, который не знает, как ввести себя в состояние экстаза.

По Широкогорову, шаманство невозможно полностью идентифицировать с «медицинским искусством», «философией» и «религией». Сам С. М. Широкогоров сравнивал искусство шамана с опытом лектора и его искусством устанавливать связь с аудиторией и владеть ею. Лектор проникает в психоментальный комплекс аудитории, а заинтересованная аудитория проникает в его комплекс. Скептически настроенные слушатели остаются безразличными к лекции. Однако в шаманском ритуале связь между шаманом и аудиторией более важная, и скептическое отношение просто опасно. Чаще всего в шаманских действиях этот элемент представлен иностранцами. Сходство заключается в том, что шаман и лектор заинтересованы в успешном выполнении своей работы.

В процессе изучения этнической истории тунгусов Широкогоров выявил, что их культурные комплексы различны вследствие условий местной адаптации и межэтнического давления. В начале XX в. межэтническое влияние русских и китайцев, связанное с миграционными процессами, было сильным. Тунгусы Сибири встретились с сильным воздействием христианской церкви в Сибири и даже в Маньчжурии. В Китае после революции 1911–1913 гг. правительство заставило некоторые группы тунгусов отказываться от шаманства. Отдельные группы забайкальских тунгусов, живших за счёт сельского хозяйства и скотоводства, оставили традиционные верования в духов и восприняли российский ментальный комплекс. Это делалось и с помощью специально отобранных людей, которые захотели приспособить себя к новой жизни. Они стали игнорировать родные обычаи и заставляли делать это сородичей. В результате тунгусы теряли остатки своей культуры. В таком же положении оказались и тунгусы Маньчжурии.

Мощные культурные трансформации наблюдаются в России и в настоящее время во всех жизненных сферах, в том числе и в системе высшего образования. Изучать изменение модели поведения магистрантов, их системы взглядов и ценностей в современный исторический период можно также через призму ментального подхода.

В целом структуру ментального подхода в процессе обучения коренных народов Севера можно представить в виде трёх этапов. Первый из них связан с необходимостью обладания суммой знаний в рамках изучаемой дисциплины. На втором этапе знания впитываются на основе ментальных особенностей. Третий этап является побуждением к само-

стоятельному поиску необходимой информации на основе смоделированной схемы этнического менталитета по отношению к различным сторонам жизни. Данная парадигма ментального подхода даёт возможность использовать этнический менталитет северян как детерминанту обучения и мировоззренческого развития на нескольких уровнях: индивидуальном, групповом, этническом и цивилизационном. Ментальный подход позволит органически связать получаемые в аудитории знания с будущими наиболее важными жизненными установками, моделями поведения, системой взглядов, культурными традициями и инновациями своего этноса. На семинарских занятиях северяне смогут соотнести свои ментальные характеристики с этническими и цивилизационными. Для этого им даётся ряд заданий, при ответах необходимо активное участие всей группы в обсуждении или совместных поисках решения проблемы для обоснования своей позиции. Данная методика позволит студентам из числа коренных народов Севера не только закрепить необходимые знания, но и проследить эволюцию общечеловеческих ценностей, основанных на гуманистических принципах, выбрать из них те, которые пригодятся не только для будущей профессиональной деятельности, но и для улучшения положения своего этноса в северных регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров: Психолог. Психопедагог. Психоисторик. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1996. 767 с.
2. Бережнова Л. Н., Набок И. Л., Щеглов В. И. Этнопедагогика. М.: Академия, 2013. 240 с.
3. Березницкий С. В. Влияние мировых религий на мировоззрение аборигенов Дальнего Востока // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 53–62.
4. Березницкий С. В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев. Этнографическая наука в Китае. Этнографические исследования 1999 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 434. 116 л.
5. Березницкий С. В. Жертвенное животное орочей – собака // Культура Дальнего Востока XIX–XX вв.: сборник научных трудов / отв. ред. Л. Е. Фетисова. Владивосток: ДВО РАН. 1992. С. 122–128.
6. Березницкий С. В. Классификация культовой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России (материалы к историко-этнографическому атласу). Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 190–220.
7. Березницкий С. В. Материалы по культуре бикинских и хорских удэгейцев. Этнографические исследования 2002 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 522. 401 л.
8. Березницкий С. В. Материалы по культуре народов Восточной и Северо-восточной Азии. Этнографические исследования 2000–2001 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 450. 311 л.

9. Березницкий С. В. О роли смеха в ритуалах и преданиях народов Дальнего Востока России // Смех: истоки и функции / под ред. А. Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002. С. 104–119.
10. Березницкий С. В. Природные культовые объекты коренных народов Нижнего Амура // Вестник ДВО РАН. 1998. № 3. С. 118–125.
11. Березницкий С. В. Семейная обрядность коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 23–32.
12. Березницкий С. В. Социально-экономическое и культурное развитие народов Нижнего Амура (нанайцев, негидальцев, ульчей, орочей). Этнографические исследования 1990, 1991 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 364. 443 л.
13. Березницкий С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1997 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 415. 182 л.
14. Березницкий С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1998 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 416. 711 л.
15. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
16. Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: Академия, 1999. 168 с.
17. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, 2008. 541 с.
18. Дорохова Т. С. Ментальный подход как основание развития самопознания студентов на примере изучения истории социальной педагогики // Педагогическое образование в России. 2013. Вып. 2. С. 49–53.
19. Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 20–29.
20. Кузнецова М. Ф. Менталитет как моделирующая константа // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 4. С. 192–195.
21. Кукушкин В. С., Столяренко Л. Д. Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 448 с.
22. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 212 с.
23. Лихачёв Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6.
24. Мищенко В. А. Национальный менталитет как особый фактор формирования профессиональной мобильности // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 8. С. 128–135.
25. Петренко М. А., Безбородова А. Д., Грызлова А. М. Этнопедагогика как средство воспитания духовно-нравственной личности // Педагогические науки. 2016. № 7. С. 24–28.
26. Полежаев Д. В. Феномен менталитета общества: сущность и понимание // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 117–121.
27. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
28. Shirokogorov S. M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 1935. 469 p.

* * *

Kashtanuk Valeria A.
ESPECIALLY THE MENTALITY AND MYTHOLOGY OF THE INDIGENOUS
PEOPLES OF THE NORTH IN THE ETHNOPEDAGOGY

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

A modern teacher should have the ability to creative activity, to create conditions for self-realization of students in order to ensure the transition from the traditional complex of knowledge transfer to an innovative system of self-obtaining the necessary information, in accordance with the chosen profession, and taking into account ethnic and cultural characteristics. One of them can be a mental approach.

Keywords: Far East, Khabarovsk Krai, indigenous peoples of the North, Tungus-Manchus Paleoasiatic, mentality, mythology, ethnic pedagogy.

REFERENCES

1. Asmolov A. G. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov: Psikholog. Psikhopedagog. Psikhohistorik* (Cultural and historical psychology and construction of worlds Psychologist. Psychopedagogue. Psychohistoric), Moscow, Institute of practical psychology Publ., Voronezh, MODEK Publ., 1996. 767p.
2. Berezhnova L. N., Nabok I. L., Scheglov V. I. *Etnopedagogika* (Ethnopedagogics). Moscow, Akademiya Publ., 2013. 240 p.
3. Bereznitsky S. V. The influence of world religions on the worldview of the aborigines of the Far East [Vliyaniye mirovykh religiy na mirovozzreniye aborigenov Dal'nego Vostoka], *Rossiya i ATR*, 1996, no. 4, pp. 53–62.
4. Bereznitsky S. V. Spiritual and material culture of Iman and Bikin Udege. Ethnographic science in China. Ethnographic research 1999 [Dukhovnaya i material'naya kul'tura imanskikh i bikinskikh udehgeyjev. Ehtnograficheskaya nauka v Kitae. Ehtnograficheskie issledovaniya 1999 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 434. 116 l.
5. Bereznitsky S. V. Sacrificial animal of Orochi-dog [Zhertvennoe zhivotnoe orocheyj – sobaka], *Kul'tura Dal'nego Vostoka XIX – XX vv.* (Culture of the Far East of the XIX – XX centuries), collection of scientific articles, Vladivostok, DVO RAN Publ., 1992, pp. 122–128.
6. Bereznitsky S. V. Classification of cult attributes of indigenous peoples of the Far East of Russia [Klassifikatsiya kul'turovoj atributiki korennikh narodov Dal'nego Vostoka Rossii], *Tipologiya kul'tur korennikh narodov Dal'nego Vostoka Rossii: materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* (Typology of the culture of the indigenous peoples of the Far East of Russia: materials for the historical and ethnographic atlas), Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, pp. 190–220.
7. Bereznitsky S. V. Materials on the culture of the Bikin Udege and Horsk. Ethnographic studies 2002 [Materialy po kul'ture bikinskikh i khorskikh udehgeyjev. Ehtnograficheskie issledovaniya 2002 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 522. 401 l.
8. Bereznitsky S. V. Materials on the culture of the peoples of East and North-East Asia. Ethnographic studies 2000–2001 [Materialy po kul'ture narodov Vostochnoj i Severo-vostochnoj Azii. Ehtnograficheskie issledovaniya 2000-2001 gg.], *Arkhiv*

- Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 450. 311 l.
9. Bereznickij S. V. On the role of laughter in the rituals and traditions of the peoples of the Far East of Russia [O roli smeha v ritualah i predaniyah narodov Dal'nego Vostoka Rossii], *Smezh: istoki i funkcii* (Laughter: Sources and Functions), St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 104–119.
 10. Berezniitsky S. V. Natural cult objects of the indigenous peoples of the Lower Amur [Prirodnye kul'tovye ob'ekty korennykh narodov Nizhnego Amura], *Vestnik DVO RAN*, 1998, no. 3, pp. 118–125.
 11. Berezniitsky S. V. Family ritual of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin [Semeynaya obryadnost' korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina], *Rossiya i ATR*, 2000, no. 4, pp. 23–32.
 12. Berezniitsky S. V. Socio-economic and cultural development of the peoples of The lower Amur (Nanais, Negidals, Ulchis, Orochis). Ethnographic studies 1990, 1991 [Social'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitiye narodov Nizhnego Amura (nanaytsev, negidal'tsev, ulcheytsev, orocheytsev) Etnograficheskie issledovaniya 1990, 1991 gg.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 364. 443 l.
 13. Berezniitsky S. V. Ethnic and Cultural contacts, ethnic history and spiritual culture of the indigenous peoples of The lower Amur and Sakhalin. Ethnographic studies 1997 [Etnokul'turnye kontakty, etnicheskaya istoriya i dukhovnaya kul'tura korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnograficheskie issledovaniya 1997 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 415. 182 l.
 14. Berezniitsky S. V. Ethnic and Cultural contacts, ethnic history and spiritual culture of the indigenous peoples of The lower Amur and Sakhalin. Ethnographic studies 1998 [Etnokul'turnye kontakty, etnicheskaya istoriya i dukhovnaya kul'tura korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnograficheskie issledovaniya 1998 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 416. 711 l.
 15. Blok M. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* (Apologia of history, Or craft of the historian), Moscow, Nauka Publ., 1986. 254 p.
 16. Volkov G. N. *Etnopedagogika* (Ethnopedagogy), Moscow, Akademiya Publ., 1999. 168 p.
 17. Gachev G. D. *Mental'nosti narodov mira* (Mentality of the peoples of the world), Moscow, Algoritm Publ., 2008. 541 p.
 18. Dorohova T. S. Mental approach as the basis for the development of students' self-knowledge on the example of studying the history of social pedagogy [Mental'nyj podhod kak osnovaniye razvitiya samopoznaniya studentov na primere izucheniya istorii social'noj pedagogiki], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2013, vol. 2, pp. 49–53.
 19. Dubov I. G. The phenomenon of mentality: a psychological analysis [Fenomen mentaliteta: psichologicheskij analiz], *Voprosy filosofii*, 1993, no. 5, pp. 20–29.

20. Kuznecova M. F. Mentality as modeleaza constant [Mentalitet kak modeleobrazuyuschaya konstanta], *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 2011, no. 4, pp. 192 – 195.
21. Kukushkin V. S., Stolyarenko L. D. *Etnopedagogika i etnopsihologiya* (Ethnopedagogics and ethnopsychology), Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2000. 448 p.
22. Lebon G. *Psihologiya narodov i mass* (Psychology of peoples and masses), St. Petersburg, Maket Publ., 1995. 212 p.
23. Lihachev D. S. On the national character of Russian [O nacional'nom haraktere russkih], *Voprosy filosofii*, 1990, no. 4, pp. 3 – 6.
24. Mischenko V. A. National mentality as a special factor in the formation of professional mobility [Nacional'nyj mentalitet kak osobyj faktor formirovaniya professional'noj mobil'nosti], *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 2010, no. 8, pp. 128 – 135.
25. Petrenko M. A., Bezborodova A. D., Gryzlova A. M. Ethnopedagogics as a means of education of spiritual and moral personality [Etnopedagogika kak sredstvo vospitaniya duhovno-nravstvennoj lichnosti], *Pedagogicheskie nauki*, 2016, no. 7, pp. 24 – 28.
26. Polezhaev D. V. The phenomenon of society's mentality: essence and understanding [Fenomen mentaliteta obschestva: suschnost' i ponimanie], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2010, no. 4, pp. 117 – 121.
27. Fevr L. *Boi za istoriyu* (The battle for history), Moscow, Nauka Publ., 1991. 629 p.
28. Shirokogorov S. M. Psychomental complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. 1935. 469 p.

* * *

УДК 39/394.91/394.942/398

П. В. Примаков**МИФОЛОГИЯ МЕСТА И СОВРЕМЕННЫЕ АНТРОПОГЕННЫЕ
ЛАНДШАФТЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

Гармонизация природной среды, социумов и этносов со своими специфическими хозяйственно-культурными типами всегда являлась актуальной исследовательской проблемой. Дальний Восток, Хабаровский край представляют в этом контексте уникальное ментальное поле, так как в этом регионе на протяжении нескольких столетий происходит сложный процесс этнокультурного взаимовлияния коренных и переселенческих народов. Охотничья и земледельческая культуры по-разному осваивают окружающий ландшафт. Однако и сегодня можно выявить примеры высокоэкологичного антропогенного воздействия на отдельные ландшафты на основе концепции мифологии места.

Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровский край, антропогенный ландшафт, мифология места, историко-культурное наследие.

Человечество осваивает окружающие ландшафты на основе особенностей истории, материальной и духовной культуры населяющих их народов. Антропогенный ландшафт является отражением этнокультурной специфики преобразующего его этноса. Подобным образом антропогенные ландшафты на территории расселения коренных народов Хабаровского края (нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков) включают в себя результаты исторического развития, эволюции и культуры коренных обитателей [2; 5; 13; 11; 14; 12; 4; 9; 6; 8]. В качестве показателей культурного ландшафта выступают следующие аспекты: гармонизация и устойчивое функционирование природной и социальной среды, антропогенный мониторинг пейзажного облика, обладающего высокими эстетическими достоинствами [20; 21; 27; 15; 16].

Традиционный культурный ландшафт представлял собой сознательно изменённый обществом амурских народов природный ландшафт. На его территории осуществлялась хозяйственная деятельность в соответствии с первым хозяйственно-культурным типом (охота, рыболовство, собирательство). Энергетическое использование природных ресурсов не вызвало критических экологических изменений. Важной составной частью развития ландшафта являются различные исторические события, которые происходили и происходят на этой территории. Эти события могут

Примаков Петр Викторович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, архивоведения и правовых учений (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: primakovs@yandex.ru.

© Примаков П. В., 2019

быть связаны с деятельностью знаменитых и менее известных людей. Однако, несмотря на степень популярности персонажей, отражение их творчества в историографии, антропогенные ландшафты, возникшие при участии этих индивидуумов, обладают некоторыми общими свойствами. Среди них можно выделить природно-ландшафтное наследие, имеющее не только экологическое, но и духовно-эстетическое значение. Появление в конкретном антропогенном ландшафте особых форм культуры обеспечивает духовную связь этноса с сакральными местами, с топонимикой, с мифологией места, с комплексом преданий и легенд, связанных с ландшафтом [3; 18; 19]. На основе этого теоретического посыла можно рассмотреть два случая возникновения антропогенного ландшафта на территории тумнинских орочей. Один связан с деятельностью всемирно известного этнографа, путешественника и писателя В. К. Арсеньева (1872–1930); другой – с личностью орочского охотника К. В. Мулинки. В настоящее время на территории Ваннинского района Хабаровского края, где и проживает тумнинская группа орочей, зарегистрировано шесть общин коренных народов: община коренных народов Севера «Ороч»; община коренных народов Севера «Национальное коллективное хозяйство» (община «НКХ»); семейная (родовая) община коренных народов Севера «КИТ»; семейно-родовая община коренных народов Севера «Аукан»; территориально-соседская община коренных народов Севера «Земля предков»; община коренных малочисленных народов Севера «Север». Для рыболовства в районе создано три рыбопромысловых участка, которые закреплены за общинами «Ороч» и «Элени» (зарегистрирована в районе имени Полины Осипенко). Традиционным рыболовством орочи могут заниматься с использованием выделенных водных биоресурсов: горбуши, кеты, гольца. Охотой занимается «Национальное коллективное хозяйство», за которым закреплено 629,2 тысяч гектаров охотничьих угодий [10]. Район богат природными ресурсами, богатыми рыбой реками, в том числе Хуту и Буту, при слиянии которых в 1908 году в тяжёлое положение попал экспедиционный отряд В. К. Арсеньева. Об этом случае имеются многочисленные упоминания [22; 1; 25; 26].

Практически все авторы отмечают, что экспедиция 1908 г. была снаряжена Приамурским отделом РГО по распоряжению приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергерта. Кроме руководителя экспедиции капитана В. К. Арсеньева, в её состав входил штабс-капитан Т. А. Николаев, другими участниками были С. Ф. Гусев, И. А. Дзюль, Н. А. Десулави, казаки, солдаты, проводники. Экспедиция должна была обследовать северную часть Уссурийского края, в том числе изыскать оптимальный (в колонизационном плане) маршрут от Хабаровска до Императорской (ныне Советской) Гавани. Участники экспедиции выявляли наличие дорог и охотничьих троп, численность населения и характер его расселения, особенность культуры исследуемых этносов, в частности, удгейцев и орочей. В результате несчастного случая отряд Арсеньева оказал

ся в бедственном положении, голодая на протяжении трёх недель: лодки с продовольствием и экспедиционным оборудованием перевернулись при транспортировке по горным рекам. С помощью орочей, нашедших погибающих членов отряда Арсеньева в районе слияния рек Хуту и Буту и сообщивших об этом Т. А. Николаеву, люди были спасены 25 августа 1908 г. Сам В. К. Арсеньев не любил писать об этом инциденте, он упомянут только в нескольких сухих строчках отчёта. Отечественный исследователь коренных народов Аляски Л. А. Загоскин подчёркивал, что воля и решимость путешественника ничего не будут стоить и для науки не будет никакой пользы от исследователя, который несколько суток пролежит под снегом из-за бурана, съест своих собак или сапоги. Такие случаи бывают и среди аборигенов, но они считаются не героизмом, а, наоборот, оплошностью и неосмотрительностью. Настоящий успех экспедиции состоит как раз в способности исследователя избежать таких крайностей и тщательно описать всё встречаемое в пути [17; 7].

Однако этот драматический эпизод не только сохранился в истории, но и стал основой возникновения места памяти антропогенного ландшафта. Т. А. Седых посвятила этому событию несколько публикаций [23; 24]. Ещё в далёком 1963 году группа туристов из Хабаровского края установила на развилке рек Хуту и Буту памятную табличку с извещением о том, что в этом месте был спасён отряд исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева. В 1986 г. ванинские краеведы, ведомые С. В. Ерёминым, установили в этом месте внушительный памятный знак в виде «розы ветров», снабжённый мраморной табличкой с соответствующей информацией. В 1990 г. свой вклад в виде памятной таблицы внесли совгаванские краеведы из туристического клуба «Полус». Попыталась вмешаться в этот антропогенный ландшафт и природа: река Буту за много лет изменила русло и сильно подмыла участок берега с памятными знаками. За дело снова взялись люди. И опять всех организовал С. В. Ерёмин, краевед и фотограф из п. Октябрьского Ванинского района Хабаровского края. Он родился в 1952 г. в Брянской области. В 1955 г. семья переехала на Дальний Восток и поселилась в п. Широколиственном, где С. В. Ерёмин ходил в школу. Пробовал стать актёром театра, служил срочную службу в ПВО радистом на Чукотке, в бухте Провидения. Затем жил в Хабаровске и работал токарем, фрезеровщиком, заточником на заводе «Дальдизель». Строил ЛЭП-220 кВ Лондоко-Хабаровск. В 1981 г. женился и переехал жить в Ванино. Стал работать фрезеровщиком в Ванинском порту. Постепенно он увлёкся фотографией, туризмом, стал принимать активное участие в работе туристического клуба «Мир». Много раз сплавлился по рекам Хор, Амгунь, Анюй, Коппи. Путешествовал по восточному Сахалину, южной Камчатке. Стал увлекаться видеосъёмкой, выписывал по почте и интернету пособия по мастерству фотографии. Постепенно приобрёл большой опыт в художественной фотографии, создал фотостудию «Икар». Приобрёл дрон, которым фото-

графирует природу Ванино и окружающих мест. Издал несколько фотоальбомов, сделал 16 персональных фотовыставок в Советской Гавани, Ванино, Датте, в том числе и с фотографиями орочей.

В составе экспедиции были краеведы, рабочие, пенсионеры, этнограф и журналист: С. В. Ерёмин, А. Ищенко, А. Чучков, А. Бенке, А. Сухарев, А. Чернышов, К. Вычужанин, А. Ковригин, А. С. Гремитских, Н. П. Узев, В. М. Концевой, Л. Е. Варшавская, Т. А. Седых. Энтузиастам помогли местные военные: выделили мощный автомобильный транспорт для передвижения по тайге по лесовозным дорогам. Кроме того, этот транспорт был необходим для перевозки строительных материалов, цемента, краски, оборудования и инструментов для переноса и переустановки памятных знаков. Определённый участок пути экспедиция проделала на резиновых лодках вниз по реке Хуту. Сплавляясь, караван лодок миновал зимовье орочского охотника К. Мулинки. Лишь к вечеру путешественники прибыли к месту слияния Хуту и Буту. С. Ерёмин не только осуществлял общее руководство экспедицией, но и управлял лодкой, а также занимался фото и видеосъёмкой. «Хуту, куда и втекает Бута, — нерестовая река высшей категории. В ней водится хариус, таймень, голец, мальма, кунджа и проходные виды лососёвых — кета, сима, горбуша. Невольно возникает вопрос — как, оказавшись на берегу таких рек-кормилиц, отряд Арсеньева чуть не погиб от голода? Ответ мы узнали на практике: не имей с собой продзапаса, у нас бы тоже началась «голодуха». В течение трёх дней наши рыбаки поймали на современные спиннинги лишь четыре крошечные рыбки» [24].

Так, стараниями участников июньской экспедиции 2010 г. памятные знаки были перенесены с берега реки Бута на 700 метров дальше от развилки. Необходимо привести размышления журналиста: «Глядя на этих совсем молодых, и постарше, малознакомых мне людей, я восхищалась ими. Чего, спрашивается, в законные выходные, их понесло из уютного дома в таёжные дебри? Отгулов за это не дадут, орден не вручат, а премию и подавно не отвалит — каждый ещё и свои деньги вложил в экспедицию. Вот и гадай, кто же они, эти неугомонные энтузиасты, сами себе создающие трудности и готовые их терпеть ради памяти В. К. Арсеньева — истинного патриота матушки-России. <...> Если река точит камень десятилетиями, то человек может что-либо стереть с лица земли за считанные часы. А может и оставить память о себе, в своих делах и поступках, на века» [24]. Эти общие, но искренние слова соответствуют заявленному выше в статье методологическому принципу о возникновении места памяти, изменения природного ландшафта и создания антропогенного.

Второй случай создания антропогенного ландшафта и, соответственно, нового места памяти связан с судьбой упоминаемого выше орочского охотника К. В. Мулинки. Инциатором стал всё тот же ванинский краевед С. В. Ерёмин. Его давно заинтересовала орочская

культура, ему нравятся эти бесхитростные, простые охотники и рыболовы. Особенно затронула его душу драматическая история Константина Валентиновича Мулинки — ороцкого охотника, трагически погибшего в окрестностях реки Хуту. Его родители жили в верховьях реки Улики, в месте под названием Кукша. Это было сезонное зимнее поселение, из которого орочи ходили на промысел, а на лето переезжали на морское побережье, где занимались рыбной ловлей и заготовкой рыбы на зиму.

По одной из версий, К. Мулинку разорвал медведь. В этом месте К. Мулинка охотился, но его стали теснить и выживать бизнесмены, которые сожгли его охотничью избушку и на этом месте построили причал с оборудованным спуском, дома и хозяйственные постройки. Это уголье, в свою очередь, тоже было сожжено неизвестными людьми, которые предварительно вывели из помещения спавшего сторожа, чтобы он не сгорел.

Журналист Т. А. Седых неоднократно писала по этому поводу, освещала длительную переписку чиновников разного уровня и ведомственной принадлежности: от правительства Хабаровского края, краевого и районного собрания депутатов, Амурского территориального управления Федерального агентства по рыболовству до Хабаровского межрайонного природоохранного прокурора [23]. Однако все эти и многие другие не перечисленные и не указанные бюрократы занимались только перепиской, никто из них даже не вникал в суть дела. А происходило нарушение закона указанными выше бизнесменами: «... на особо охраняемой территории рыбохозяйственного заказника местного значения «Хутинский», который является территорией традиционного природопользования коренных народов Севера, в районе слияния реки Судулюнэ и реки Хуту происходит самовольный захват земли, производятся строительные работы, вырубка леса на берегу реки Хуту, ведутся работы непосредственно в русле реки Хуту. <... > нарушение прав народов Севера, проживающих на территории традиционного природопользования, ... уничтожение зимовья ороча Константина Мулинки...» [23].

Впоследствии на месте бывшего зимовья К. Мулинки группа энтузиастов Ерёмина установила в июне 2012 года памятный знак. В этом мероприятии приняли участие неравнодушные жители Ванино, а также из других регионов России. Знак представляет собой металлическую конструкцию из швеллера, прочно забетонированного снизу. Сверху сделан растительный орнамент, в центре панно из чёрного мрамора с фотографией К. Мулинки с ружьём и любимыми охотничьими собаками. В 2014 г. вокруг памятника установили металлическую ограду. Раньше на нём был бронзовый колокольчик, но его украли. После установки ограды участники экспедиции совершили ритуал угощения духов воды, реки, «шаманил» ороцкий шаман, роль которого исполнил ученик интерната. За прошедшие годы охотники (и русские тоже) оставляли в ще-

лях памятника сигареты, папиросы, монеты — как знак уважения и памяти ороцкого промысловика.

Таким образом, антропогенный ландшафт коренных народов Амура и Сахалина является природно-территориальным комплексом, который сформировался в результате эволюции социума, его культурной и хозяйственной деятельности. Этот комплекс состоит из сложного сочетания природных и культурных компонентов. Описанные выше антропогенные ландшафты, особенности взаимодействия их с окружающей природной средой показывают, что они не только функционируют, но и играют важную роль в сохранении территорий культурного и природного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель // Арсеньев В. К. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. С. 13—21.
2. Арсеньев В. К. Сочинения: в 6 т. Т. 1. Владивосток: Альманах «Рубеж». 2007. 704 с.
3. Белокуров А. А. Мировоззрение кочевника Евразии как фактор формирования традиционного культурного ландшафта Евразии // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 1 (8). С. 32—34.
4. Березницкий С. В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев. Этнографическая наука в Китае. Этнографические исследования 1999 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 434. 116 л.
5. Березницкий С. В. Жертвенное животное орочей — собака // Культура Дальнего Востока XIX—XX вв.: сборник научных трудов / отв. ред. Л. Е. Фетисова. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 122—128.
6. Березницкий С. В. Классификация культовой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России (материалы к историко-этнографическому атласу). Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 190—220.
7. Березницкий С. В. Лаврентий Загоскин — исследователь культуры коренных народов Русской Америки (к 200-летию со дня рождения) // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 60—67.
8. Березницкий С. В. Материалы по культуре бикинских и хорских удэгейцев. Этнографические исследования 2002 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 522. 401 л.
9. Березницкий С. В. Материалы по культуре народов Восточной и Северо-восточной Азии. Этнографические исследования 2000—2001 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 450. 311 л.
10. Березницкий С. В. Полевые исследования культуры тумнинских орочей в июле 2006 года // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 14 / отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 130—148.
11. Березницкий С. В. Природные культовые объекты коренных народов Нижнего Амура // Вестник ДВО РАН. 1998. № 3. С. 118—125.
12. Березницкий С. В. Семейная обрядность коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 23—32.

13. Березницкий С. В. Социально-экономическое и культурное развитие народов Нижнего Амура (нанайцев, негидальцев, ульчей, орочей). Этнографические исследования 1990, 1991 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 364. 443 л.
14. Березницкий С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1997 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 415. 182 л.
15. Веденин Ю. А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 133 – 148.
16. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Серия: география. 2001. № 1. С. 7 – 14.
17. Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842 – 1844 гг.. М.: Географгиз, 1956. 454 с.
18. Иванова А. А., Калущков В. Н. Концепция культурного ландшафта в исследовании и репрезентации фольклора // Экология культуры. 2006. № 2. С. 10 – 23.
19. Калущков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2006. № 2. С. 6 – 12.
20. Ливинская О. А. Понятие культурного ландшафта в отечественной географии // Псковский региональный журнал. 2012. № 14. С. 120 – 128.
21. Николаев В. А. Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2000. № 6. С. 3 – 8.
22. Сведения об экспедициях капитана В. К. Арсеньева (Путешествия по Уссурийскому краю). 1900 – 1910 гг. // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. VIII. Вып. 2. Хабаровск, 1912. С. 1 – 36.
23. Седых Т. А. Кто и зачем разводит пчёл в глухой тайге? // Моё побережье. 27 апреля 2011.
24. Седых Т. А. От начинающего путешественника... // Моё побережье. 24 августа 2010.
25. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 344 с. (Русские путешественники и востоковеды).
26. Хисамутдинов А. А. Мне сопутствовала счастливая звезда... : Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872 – 1930 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 256 с.
27. Шмельгин П. М. Концепция культурного ландшафта и практика охраны этнографического наследия (на примере территорий российского Севера) // Мир России. 2007. № 3. С. 147 – 166.

* * *

Primak Petr V.**MYTHOLOGY PLACES AND MODERN LANDSCAPES
OF INDIGENOUS PEOPLES IN KHABAROVSK KRAI**

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

Harmonization of the natural environment, societies and ethnic groups with their specific economic and cultural types has always been an urgent research problem. In this context, the far East and Khabarovsk territory represent a unique mental field, as in this region for several centuries there is a complex process of ethnic and cultural interaction of indigenous and displaced peoples. Hunting and agricultural culture different master of the surrounding landscape. However, even today it is

possible to identify examples of highly ecological anthropogenic impact on individual landscapes on the basis of the concept of the mythology of the place.

Keywords: Far East, Khabarovsk territory, anthropogenic landscape, mythology of the place, historical and cultural heritage.

REFERENCES

1. Azadovsky M. K. V. K. Arsenyev — traveler and writer (From the Preface) [V. K. Arsenjev — puteshestvennik i pisatel'], Arsenjev V. K. *Sobranie sochineniy* (Collected Works), in 6 vol., vol. 2, Vladivostok, 2011, pp. 13–21.
2. Arsenjev V. K. *Sochineniya* (Works), in 6 vol., vol. 1, Vladivostok, 2007. 704 p.
3. Belokurov A. A. Worldview of the nomad of Eurasia as a factor in the formation of the traditional cultural landscape of Eurasia [Mirovozzrenie kochevnika Evrazii kak faktor formirovaniya tradicionnogo kulturnogo landshafta Evrazii], *Mir nauki, kul'tur, obrazovaniya*, 2008, № 1 (8), pp. 32–34.
4. Bereznitsky S. V. Spiritual and material culture of Iman and Bikin Udege. Ethnographic science in China. Ethnographic research 1999 [Dukhovnaya i material'naya kul'tura imanskikh i bikinskikh udegeytsyev. Ehtnograficheskaya nauka v Kitae. Ehtnograficheskie issledovaniya 1999 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 434. 116 l.
5. Bereznitsky S. V. Sacrificial animal of Orochi-dog [Zhertvennoe zivotnoe orochey — sobaka], *Kul'tura Dal'nego Vostoka XIX — XX vv.* (Culture of the Far East of the XIX — XX centuries), collection of scientific articles, Vladivostok, DVO RAN Publ., 1992, pp. 122–128.
6. Bereznitsky S. V. Classification of cult attributes of indigenous peoples of the Far East of Russia [Klassifikatsiya kul'turovyykh atributov korennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii], *Tipologiya kul'tur korennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii: materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* (Typology of the culture of the indigenous peoples of the Far East of Russia: materials for the historical and ethnographic atlas), Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, pp. 190–220.
7. Bereznitsky S. V. Lavrenty Zagoskin-researcher of the culture of the indigenous peoples of Russian America (to the 200th anniversary of his birth) [Lavrentiy Zagoskin — issledovatel kul'tur korennykh narodov Russkoy Ameriki (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya)], *Rossiya i ATR*, 2008, no. 3, pp. 60–67.
8. Bereznitsky S. V. Materials on the culture of the Bikin Udege and Horsk. Ethnographic studies 2002 [Materialy po kul'ture bikinskikh i khorskikh udegeytsyev. Ehtnograficheskie issledovaniya 2002 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 522. 401 l.
9. Bereznitsky S. V. Materials on the culture of the peoples of East and North-East Asia. Ethnographic studies 2000–2001 [Materialy po kul'ture narodov Vostochnoy i Severo-vostochnoy Azii. Ehtnograficheskie issledovaniya 2000-2001 gg.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 450. 311 l.

10. Bereznitsky S. V. Field studies of culture tumninsky Orochi in July, 2006) [Polevihe issledovaniya kul'turikh tumninskikh orochey v iyule 2006 goda], *Materialih polevikh issledovaniy MAEh RAN*, issue 14, St. Petersburg, MAEh RAN Publ., 2014, pp. 130 – 148.
11. Bereznitsky S. V. Natural cult objects of the indigenous peoples of the Lower Amur [Prirodnye kul'tovye ob'ekty korennykh narodov Nizhnego Amura], *Vestnik DVO RAN*, 1998, no. 3, pp. 118 – 125.
12. Bereznitsky S. V. Family ritual of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin [Semeynaya obryadnost' korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina], *Rossiya i ATR*, 2000, no. 4, pp. 23 – 32.
13. Bereznitsky S. V. Socio-economic and cultural development of the peoples of The lower Amur (Nanais, Negidals, Ulchis, Orochis). Ethnographic studies 1990, 1991 [Social'no-ehkonomicheskoe i kul'turnoe razvitiye narodov Nizhnego Amura (nanaytsev, negidal'tsev, ulchey, orochey) Ehtnograficheskie issledovaniya 1990, 1991 gg.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniya RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 364. 443 l.
14. Bereznitsky S. V. Ethnic and Cultural contacts, ethnic history and spiritual culture of the indigenous peoples of The lower Amur and Sakhalin. Ethnographic studies 1997 [Ehtnokul'turnye kontakti, ehtnicheskaya istoriya i dukhovnaya kul'tura korennykh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Ehtnograficheskie issledovaniya 1997 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniya RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 415. 182 l.
15. Vedenin Yu. A. Experience cultural-landscape descriptions of the major regions of Russia [Opit kul'turno-landshaftnogo opisaniya krupnykh regionov Rossii], *Kul'turniy landsht kak objekt naslediya*, Moscow; St. Petersburg, 2004, pp. 133 – 148.
16. Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. Cultural landscape as an object of cultural and natural heritage [Kul'turniy landsht kak objekt kul'turnogo i prirodnogo naslediya], *Izvestiya RAN*, series: Geografiya, 2001, no. 1, pp. 7 – 14.
17. Zagoskin L. A. *Puteshestviya i issledovaniya leytenant Lavrentiya Zagoskina v Russkoy Amerike v 1842 – 1844 gg.* (Travels and researches of Lieutenant Lavrenty Zagoskin in Russian America 1842 – 1844), Moscow, Geografiz Publ., 1956. 454 p.
18. Ivanova A. A., Kaluckov V. N. The concept of cultural landscape in the study and representation of folklore [Konceptiya kul'turnogo landshtafta v issledovanii i reprezentatsii folklora], *Ehkologiya kul'tur*, 2006, no. 2, pp. 10 – 23.
19. Kaluckov V. N. Ethnocultural landscape studies [Ehtnokul'turnoe landshtovedenie], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 5. Geografiya, 2006, no. 2, pp. 6 – 12.
20. Livinskaya O. A. The Notion of cultural landscape in domestic geography [Ponyatie kul'turnogo landshtafta v otechestvennoy geografii], *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal*, 2012, no. 14, pp. 120 – 128.
21. Nikolaev V. A. Cultural landscape – geoecological system [Kul'turniy landsht – geohkologicheskaya sistema], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 5. Geografiya, 2000, no. 6, pp. 3 – 8.
22. Information about the expeditions of captain V. K. Arsenyev (Travel to the Ussuri region). 1900 – 1910), *Zapiski Priamurskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, Khabarovsk, 1912, vol. VIII, issue 2, pp. 1 – 36. (In Russ.).

23. Sedikhkh T. A. Who raises bees in the taiga? [Kto i zachem razvodit pchel v glukhoyj tayge?], *Moe poberezhje*, April 27, 2011.
24. Sedikhkh T. A. From a novice traveler... [Ot nachinayuthego puteshestvennika...], *Moe poberezhje*, August 24, 2010.
25. Tarasova A. I. *Vladimir Klavdievich Arsenjev*, Moscow, Nauka Publ., 1985. 344 p.
26. Khisamutdinov A. A. *Mne soputstvovala schastlivaya zvezda...: Vladimir Klavdievich Arsenjev (1872 – 1930 gg.)* (I finished lucky star...: Klavdievich Vladimir Arsenyev (1872 – 1930)), Vladivostok, Daljnauka Publ., 2005. 256 p.
27. Shulgin P. M. The Concept of cultural landscape and the practice of protection of ethnographic heritage (on the example of the Russian North) [Koncepciya kulturnogo landshafta i praktika okhranij ehntograficheskogo naslediya (na primere territorij rossijskogo Severa)], *Mir Rossii*, 2007, no. 3, pp. 147 – 166.

* * *

УДК: 39/394.91/394.942/398

Е. В. Титова**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОСМОГОНИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРА**

Коренные народы Амура (нанайцы, негидальцы, нивхи, орочи, удэгейцы, уйльта, ульчи, эвенки) сохранили в своей культуре архаические пласты мифологии, представления об окружающем мире, этапах и компонентах его возникновения и развития. Основными сюжетами являются воззрения о существовании в мифологическое время нескольких солнц, когда была невозможной нормальная жизнь и вход её в привычное русло в результате деятельности мифического стрелка, убившего из лука лишние светила; возникновение земли или отдельных участков местности из частей тела мифических животных: оленя, лося, лисы, других сверхъестественных существ, в результате деятельности культурных героев. На некоторые сюжеты наслоились синкретические воззрения соседних этносов Восточной Азии, христианские представления, принесённые славянскими переселенцами.

Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровский край, амурский бассейн, коренные народы, тунгусо-маньчжуры, палеоазиаты, космогонические представления.

Каждый этнос в своей культуре прошёл определённые этапы развития, с характерными для них представлениями об окружающем мире, его структуре. Мифологическое сознание и освоение действительности по-прежнему играют важную роль в культуре амурских этносов. Их культура может быть охарактеризована как культура традиционного типа, ориентированная на сохранение изначальных способов установления связей с природой, на постижение универсальных законов микро- и макрокосмоса. В немалой степени это связано с особенностями мировосприятия этноса, с мифологическими основами этнического мышления, которые сохраняются у коренных народов до наших дней и проявляются во всех сферах: в комплексе ритуалов, традициях природопользования, фольклоре, декоративном искусстве и т. д. Особенности традиционного осмысления мира коренными народами амурского бассейна, самобытные и всеобщие мировоззренческие категории выявляются при анализе представлений о происхождении вселенной и человека, о строении мира и функциях населяющих его существ, о характере их влияния на человеческое общество. По данной проблеме сформирова-

Титова Екатерина Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, архивоведения и правовых учений (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: efimovaekaterina91@yandex.ru.

© Титова Е. В., 2019

лась обширная историографическая база [2; 1; 3; 4; 5; 6; 7; 13; 9; 11; 8; 10; 12; 14; 17; 15; 16; 24; 21; 23; 26; 27; 28; 29; 30].

У эвенков, эвенов, орочей имеется общий сюжет о земле в виде мифических животных: мамонта, лося, оленя [20; 19; 25; 18; 1]. Части тел этих животных соответствовали участкам реальной местности: спинной хребет являлся горами, шерсть — тайгой, вши — зверями, комары, мошка, гнус — птицами. По воззрениям сахалинских нивхов, их остров — это огромная кета, которую они угощали и просили удачи на промысле [17]. Орочи и удэгейцы представляли землю живым человеком с головой на северо-востоке, ногами на юге и руками на востоке и западе [4]. Древним сюжетом является вариант о происхождении земли, объектов и живых существ из частей тела божеств. В китайской мифологии из посмертного вздоха первочеловека Паньгу появился ветер, из левого глаза — солнце, из правого — луна, плоть стала почвой, кровь — реками, а паразиты — людьми [31]. В фольклоре сахалинских негидальцев, эвенков и уйльта есть сюжет о лисе, которую птицы в наказание за убийство их птенцов отнесли на необитаемый остров. Лиса поёт песню о том, что после смерти её глаза и зубы станут морскими камнями, шерсть — травой, а рёбра — плавником [17].

Очень интересной информацией из мифологии и фольклора удэгейцев и малоисследованным сюжетом является рассказ о сверхъестественном великане Сэумо. Легенды о нём: «Великан Сэумо» и «Болотная кочка» — записал известный российский путешественник, первопроходец, этнограф и писатель В. К. Арсеньев [3].

Сюжет заключается в том, что удэгейский охотник Егда выдал свою сестру замуж за великана Сэумо, который не являлся ни человеком, ни зверем. Огромное существо чёрного цвета, покрытое грязью, с жёлтыми волосами. Сэумо мог шаманить, и с помощью этого искусства ему удалось очаровать сестру Егды, сделать её сумасшедшей и своей женой. Разговаривать Сэумо не умел, а только что-то бормотал и ворчал неразборчиво. Сестра Егды очень не любила своего мужа и желала ему смерти, несмотря на то, что родила от Сэумо дочь. Но великана невозможно было убить ни топором, ни стрелой, ни копьём. Наконец она придумала план и уговорила Егду привести его в исполнение. Сэумо всегда спал снаружи юрты у входа. Чтобы его разбудить, сестра даже поцарапала ножом свою спящую дочь, которая громко закричала. Егда находился в засаде. Но Сэумо очень крепко спал и ничего не слышал. Тогда Егда взял клин и большим деревянным молотом вогнал его в заднепроходное отверстие Сэумо, отчего последний, наконец, проснулся. Увидев, что жена скоблит шкуры у амбара, Сэумо стал качать колыбель, чтобы девочка успокоилась. Тогда его хитрая жена попросила Сэумо рассказать о своей жизни, о том, где находится его смерть. Девочка заслушается этим рассказом и уснёт. Сэумо стал рассказывать и дошёл в своем повествовании до места своей смерти: «Надо идти северной тропой. Найдёшь семь высоких елей, потом найдёшь *хайк-та хайланку* очень длинную, дальше будет в болоте багульник. Надо идти

этим болотом через лиственничный лес до речки с красной водой. Там есть земляная лодка. Переправившись в лодке на другую сторону, и найдёшь юрту. В юрте два человека с мехами и молотками, которые замерли в неподвижной позе во времяковки. В стене есть медная коробка, а в ней семь яиц: шесть белых и одно зелёное. В зелёном и заключается моя жизнь. Если его разбить — я сразу умру» [3, с. 237–238]. Егда всё это услышал, хорошо запомнил и легко нашёл в тайге это место. Онемевших кузнецов он убил и сжёг их жилище. Затем достал из медной коробки и разбил шесть белых яиц. Зелёное яйцо взял с собой и пошёл обратно в своё стойбище. Сэумо почувствовал опасность и бросился навстречу Егде. Они повстречались и стали драться. Долго они бились, и Егда почувствовал, что сил его не хватает. На помощь к нему прибежала сестра, вооружённая кроильной доской, на которой они вырезали узоры *удэхи*. Она ударила доской и разбила зелёное яйцо. В тот же миг Сэумо упал мёртвым на землю. Его ребёнка люди выбросили в тайгу. Егда вырезал глаза у мёртвого Сэумо и бросил их высоко на небо. Так возникло созвездие *худахта*, а прибрежные удэгейцы называют его *хуяета*. «Две большие красные звезды Антарес, Весы это и есть глаза Сэумо хуактани» [3, с. 265–266]. Затем Егда выбил у Сэумо зубы и разбросал их по земле. И они превратились в молочно-белый кварц, в речную гальку, в кремень, который даёт искры *бу Сэумо бууни*. «Получил кварц — получилось созвездие *Сэумо иктэни* — *Сэумо бунгини* — „созвездие человеческих яиц“. Голову Сэумо Егда бросил в болото и из неё возникли человекообразные болотные кочки *сёмухто дэлинь* — вейник, это были раньше волосы» [3, с. 265–266]. Сестра сказала, что она теперь не может жить с людьми, потому что была женой чёрта.

Таким образом, традиционный комплекс космогонических верований народов амурского региона наполнен определённым количеством древних мировоззренческих категорий. Вполне возможно, что некоторые из них могли прийти из архаической культуры и сохраниться. Записанное В. К. Арсеньевым удэгейское предание о сверхъестественном существе *хуакта-сэумо* показывает, что некоторые его характеристики сходны с образом великана Кадзюму, известного у многих народов, проживающих в горно-таёжной области. Жизненная сила обоих существ заключается в мошонке, они огромного роста, покрыты шерстью и не говорят на человеческом языке. Однако в предании о *сэумо* имеются более древние космологические моменты — о создании созвездий и отдельных участков земли, великан имеет черты культурного героя, наделённого шаманским даром. Наиболее интересный компонент сюжета связан с образом яйца как жизненной субстанции, так как подобные верования характерны для культуры практически всех народов мира. Вполне возможно, что этот древний сюжет удэгейского предания о сохранении жизненной субстанции существа в яйце может иметь аборигенные корни. Кроме того, на подобный вывод наталкивает древний, имеющий широко распространённый характер сюжет о превращении

частей тела существа (уже в качестве демиурга, создателя космических объектов) в природные объекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин В. А., Козьминский И. И. Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображённые на «карте» // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 324–331.
2. Анисимов А. Ф. Представления эвенков о шингкэнах и проблема происхождения первобытной религии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 160–194.
3. Арсеньев В. К. Путевой дневник 1. 1914–1925 гг. // Архив ПЦРГО-ОИАК (Архив Приморского центра Русского географического общества – общество изучения Амурского края). Фонд В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27.
4. Арсеньев В. К. Путевой дневник 2. Юбилейная экспедиция 1908–1909 гг. в память присоединения Приамурского края к России в 1860 г. // Архив ПЦРГО-ОИАК (Архив Приморского центра Русского географического общества – общество изучения Амурского края). Фонд В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11.
5. Арсеньев В. К. Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу // Вестник Азии. Журнал Общества русских ориенталистов, 1916. № 38–39 (Кн. 2–3). С. 335–340.
6. Березницкий С. В. Влияние мировых религий на мировоззрение аборигенов Дальнего Востока // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 53–62.
7. Березницкий С. В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев. Этнографическая наука в Китае. Этнографические исследования 1999 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 434. 116 л.
8. Березницкий С. В. Жертвенное животное орочей – собака // Культура Дальнего Востока XIX–XX вв.: сборник научных трудов / отв. ред. Л. Е. Фетисова. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 122–128.
9. Березницкий С. В. Классификация культовой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России (материалы к историко-этнографическому атласу). Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 190–220.
10. Березницкий С. В. Материалы по культуре бикинских и хорских удэгейцев. Этнографические исследования 2002 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 522. 401 л.
11. Березницкий С. В. Материалы по культуре народов Восточной и Северо-восточной Азии. Этнографические исследования 2000–2001 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 450. 311 л.
12. Березницкий С. В. О роли смеха в ритуалах и преданиях народов Дальнего Востока России // Смех: истоки и функции / под ред. А. Г. Козинцева. СПб: Наука, 2002. С. 104–119.
13. Березницкий С. В. Природные культовые объекты коренных народов Нижнего Амура // Вестник ДВО РАН. 1998. № 3. С. 118–125.
14. Березницкий С. В. Семейная обрядность коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2000. № 4. С. 23–32.

15. Березницкий С. В. Социально-экономическое и культурное развитие народов Нижнего Амура (нанайцев, негидальцев, ульчей, орочей). Этнографические исследования 1990, 1991 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 364. 443 л.
16. Березницкий С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1997 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 415. 182 л.
17. Березницкий С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1998 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН (Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 416. 711 л.
18. Ксенофонтов Г. В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов (материалы к мифологии урало-алтайских племён в Северной Азии) // Очерки по изучению Якутского края. Вып. II. Ч. 1. Иркутск: Изд. якутской секции ВСОРГО, 1928. С. 1–77.
19. Мазин А. И. Таёжные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
20. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.
21. Подмаскин В. В. Духовная культура удэгейцев XIX–XX вв. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1991. 160 с.
22. Подмаскин В. В. Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // Вестник ДВО РАН. 2004. № 1. С. 94–105.
23. Подмаскин В. В. Народные знания удэгейцев. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 272 с.
24. Подмаскин В. В. Обряды, обычаи, шаманство // История и культура удэгейцев / под общ. ред. А. И. Крушанова. Л.: Наука, 1989. С. 72–83.
25. Роббек В. А., Дуткин Х. И. Миф о происхождении земли и человека в эвенком фольклоре // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: материалы Всесоюзной конференции фольклористов. Якутск: ЯГУ, 1978. С. 156–158.
26. Сем Т. Ю. Модель мира // История и культура нанайцев / отв. ред. В. А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. С. 162–167.
27. Скоринов С. Н. Мифология и обрядовая культура нивхов. Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2004. 416 с.
28. Таксами Ч. М. Общие черты в духовной культуре народов Приамурья и Сахалина // Этнокультурные контакты народов Сибири / отв. ред. Ч. М. Таксами. Л.: Наука, 1984. С. 74–84.
29. Таксами Ч. М. Проблема взаимосвязи природы и общества (по материалам этнографии коренного населения Тихоокеанского побережья СССР) // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным): сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Борзя, Л. П. Потапов. Л.: Наука, 1984. С. 167–181.
30. Шишло Б. П. Тунгусский миф о творении и его культурное пространство // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Хршановский. Л.: Изд. ГМИРА, 1991. С. 192–204.
31. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965. 496 с.

* * *

Titova Ekaterina V.
ETHNO-CULTURAL PECULIARITIES OF THE COSMOGONIC BELIEFS
OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE AMUR RIVER

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

Indigenous peoples of the Amur river (Nanais, Negidals, Nivkhs, Orochis, Udege, Uilta, Ulchis, Evenks) preserved in their culture archaic layers of mythology, ideas about the world, stages and components of its origin and development. The main subjects are the views of the existence in the mythological time of several suns, when it was impossible to normal life and its entry into the usual course as a result of the mythical arrow that killed the extra light from the bow; the emergence of the earth or parts of the area of the body parts of mythical animals: deer, moose, Fox, other supernatural beings, as a result of the activities of cultural heroes. On some plots syncretic views of the neighboring ethnic groups of East Asia, the Christian representations brought by Slavic immigrants were stratified.

Keywords: Far East, Khabarovsk Krai, Amur basin, indigenous peoples: the Tungus-manchurians, Paleoasiatic, cosmogonical views.

REFERENCES

1. Avrorin V. A., Koz'minskij I. I. Submission to the Oroch of the universe, of the transmigration of souls and the journeys of shamans, depicted on the map [Predstavleniya orochej o vselennoj, o pereselenii dush i puteshestviyah shamanov, izobrazhennye na «karte»], *Sbornik Muzeja antropologii i etnografii*, 1949, vol. 11, pp. 324–331.
2. Anisimov A. F. Presentation of the Evenks on sengkang and the problem of the origin of primitive religion [Predstavleniya `evenkov o shingk`enah i problema proishozhdeniya pervobytnoj religii], *Sbornik Muzeja antropologii i etnografii*, 1949, vol. 12, pp. 160–194.
3. Arsen'ev V. K. Putevoy dnevniki 1. 1914–1925 gg. (Travel diary 1. 1914–1925), *Arkhiv Primorskogo tsentra Russkogo geograficheskogo obshchestva – obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya* (Archive of the Primorsky Center of the Russian Geographical Society – Society for the Study of the Amur Territory). Foundation V. K. Arseniev. Op. 1. D. 27.
4. Arsen'ev V. K. Putevoy dnevniki 2. Yubilejnaya `ekspeditsiya 1908–1909 gg. v pamyat' prisoedineniya Priamurskogo kraya k Rossii v 1860 g. (Travel diary 2. The jubilee expedition of 1908–1909 in the memory of the annexation of the Amur territory to Russia in 1860), *Arkhiv Primorskogo tsentra Russkogo geograficheskogo obshchestva – obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya* (Archive of the Primorsky Center of the Russian Geographical Society – Society for the Study of the Amur Territory). Foundation V. K. Arseniev. Op. 1. D. 11.
5. Arsen'ev V. K. Shamanism in Siberian foreigners and their animistic views of nature [Shamanstvo u sibirskih inorodcev i ih animisticheskie vozzreniya na prirodu], *Vestnik Azii*, 1916, no. 38–39, vol. 2–3, pp. 335–340.
6. Bereznitsky S. V. The influence of world religions on the worldview of the aborigines of the Far East [Vliyanie mirovyh religij na mirovozzrenie aborigenov Dal'nego Vostoka], *Rossiia i ATR*, 1996, no. 4, pp. 53–62.
7. Bereznitsky S. V. Spiritual and material culture of Iman and Bikin Udege. Ethnographic science in China. Ethnographic research 1999 [Dukhovnaya i material'naya kul'tura imanskikh i bikinskikh udehgejcev. Ehtnograficheskaya nauka v Kitae. Ehtnograficheskie issledovaniya 1999 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 434. 116 l.

8. Bereznitsky S. V. Sacrificial animal of Orochi-dog [Zhertvennoe zhivotnoe orocheyj – sobaka], *Kuljtura Dal'nego Vostoka XIX – XX vv.* (Culture of the Far East of the XIX – XX centuries), collection of scientific articles, Vladivostok, 1992, pp. 122 – 128.
9. Bereznitsky S. V. Classification of cult attributes of indigenous peoples of the Far East of Russia [Klassifikaciya kul'tovoyj atributiki korennihkh narodov Dal'nego Vostoka Rossii], *Tipologiya kul'turikh korennihkh narodov Dal'nego Vostoka Rossii: materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* (Typology of the culture of the indigenous peoples of the Far East of Russia: materials for the historical and ethnographic atlas), Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, pp. 190 – 220.
10. Bereznitsky S. V. Materials on the culture of the Bikin Udege and Horsk. Ethnographic studies 2002 [Materialih po kul'ture bikinskikh i khorskikh udehgejcev. Etnograficheskie issledovaniya 2002 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 522. 401 l.
11. Bereznitsky S. V. Materials on the culture of the peoples of East and North-East Asia. Ethnographic studies 2000 – 2001 [Materialy po kul'ture narodov Vostochnoj i Severo-vostochnoj Azii. Etnograficheskie issledovaniya 2000-2001 gg.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 450. 311 l.
12. Bereznickij S. V. On the role of laughter in the rituals and traditions of the peoples of the Far East of Russia [O roli smeja v ritualah i predaniyah narodov Dal'nego Vostoka Rossii], *Smej: istoki i funkcii*, St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 104 – 119.
13. Bereznitsky S. V. Natural cult objects of the indigenous peoples of the Lower Amur [Prirodnye kul'tovye ob'ekty korenykh narodov Nizhnego Amura], *Vestnik DVO RAN*, 1998, no. 3, pp. 118 – 125.
14. Bereznitsky S. V. Family ritual of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin [Semeynaya obryadnostj korennihkh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina], *Rossija i ATR*, 2000, no. 4, pp. 23 – 32.
15. Bereznitsky S. V. Socio-economic and cultural development of the peoples of The lower Amur (Nanais, Negidals, Ulchis, Orochis). Ethnographic studies 1990, 1991 [Socialjno-ehkonomicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Nizhnego Amura (nanajcev, negidalcev, ulcheyj, orocheyj) Etnograficheskie issledovaniya 1990, 1991 gg.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 364. 443 l.
16. Bereznitsky S. V. Ethnic and Cultural contacts, ethnic history and spiritual culture of the indigenous peoples of The lower Amur and Sakhalin. Ethnographic studies 1997 [Ehtnokul'turnihe kontaktih, ehtnicheskaya istoriya i dukhovnaya kuljtura korennihkh narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Etnograficheskie issledovaniya 1997 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 415. 182 l.
17. Bereznitsky S. V. Ethnic and Cultural contacts, ethnic history and spiritual culture of the indigenous peoples of The lower Amur and Sakhalin. Ethnographic studies 1998

- [Etnokul'turnye kontakty, etnicheskaya istoriya i duhovnaya kul'tura korennyh narodov Nizhnego Amura i Sahalina. Etnograficheskie issledovaniya 1998 g.], *Arkhiv Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka Dalnevostochnogo otdeleniia RAN* (Archives of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 2. D. 416. 711 l.
18. Ksenofontov G. V. Legends and stories about shamans of the Yakuts, Buryats and Tungus (the materials for the mythology of the Turanian tribes of Northern Asia) [Legendy i rasskazy o shamanah u yakutov, buryat i tungusov (materialy k mifologii uralo-altajskih plemen v Severnoj Azii)], *Ocherki po izucheniyu Yakutskogo kraya*, issue II, part 1, Irkutsk, 1928, pp. 1 – 77.
 19. Mazin A. I. *Tradicionnye verovaniya i obryady `evenkov-orochonov (koniec XIX – nachalo XX vv.)* (Traditional beliefs and rituals of the Evenki-orogens (end of XIX – beginning of XX centuries)), Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 200 p.
 20. Mazin A. I. *Taezhnye pisanicy Priamur'ya* (Taiga writings of the Amur region), Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 260 p.
 21. Podmaskin V. V. *Duhovnaya kul'tura ud`egejcev XIX – XX vv.* (Spiritual culture of the Udege people of the XIX – XX centuries), Vladivostok, 1991. 160 p.
 22. Podmaskin V. V. Cosmography of the Tungus-Manchurian and Nivkh [Kosmografiya tunguso-man'chzhurov i nivhov], *Vestnik DVO RAN*, 2004, no. 1, pp. 94 – 105.
 23. Podmaskin V. V. *Narodnye znaniya ud`egejcev* (People's knowledge of the Udege), Vladivostok, 1998. 272 p.
 24. Podmaskin V. V. Rituals, customs, shamanism [Obryady, obychai, shamanstvo], *Istoriya i kul'tura ud`egejcev*, Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 72 – 83.
 25. Robbek V. A., Dutkin H. I. Myth about the origin of the earth and man in the even folklore [Mif o proishozhdenii zemli i cheloveka v `evenskom fol'klоре], *Epicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: materialy Vsesoyuznoy konferentsii fol'kloristov* (Epic work of the peoples of Siberia and the Far East: proceedings of the All-Union Conference of Folklorists), Yakutsk, 1978, pp. 156 – 158.
 26. Sem T. Yu. A model of the world [Model' mira], *Istoriya i kul'tura nanajcev*, St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 162 – 167.
 27. Skorinov S. N. *Mifologiya i obryadovaya kul'tura nivhov* (Mythology and ritual culture of the Nivkhs). Habarovsk, 2004. 416 p.
 28. Taksami Ch. M. Common features in the spiritual culture of the peoples of the Amur region and Sakhalin [Obschie cherty v duhovnoj kul'ture narodov Priamur'ya i Sahalina], *Etnokul'turnye kontakty narodov Sibiri*, Leningrad, 1984, pp. 74 – 84.
 29. Taksami Ch. M. The relationship of nature and society (on materials of the Ethnography of the indigenous population of the Pacific coast of the USSR) [Problema vzaimosvyazi prirody i obschestva (po materialam `etnografii korenного naseleniya Tihookeanskogo poberezh'ya SSSR)], *Rol' geograficheskogo faktora v istorii dokapitalisticheskikh obschestv (po `etnograficheskim dannym)*, Leningrad, 1984, pp. 167 – 181.
 30. Shishlo B. P. Tunguskiy myth about creation and its cultural space [Tungusskij mif o tvorenii i ego kul'turnoe prostranstvo], *Rekonstrukciya drevnih verovanij: istochniki, metod, cel'*, Leningrad, 1991, pp. 192 – 204.
 31. Yuan' K'e. *Mify Drevnego Kitaya* (Myths Of Ancient China), Moscow, 1965. 496 p.

* * *

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.922.6, 136.6

М. В. Канделя, Л. А. Койсман, В. П. Назарова

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Старение — это неизбежный и закономерный процесс, ведущий к понижению жизнеспособности индивида. С определённого возраста у каждого человека начинаются изменения во внешнем облике и внутри организма. Постепенно снижается активность, ограничиваются движения, уменьшаются физические силы. Человек теряет способность к длительным физическим нагрузкам, к активности нервных и психических процессов, утрачивает эластичность мышц, связок, суставов. Во всех системах организма происходят изменения, нарушающие его функциональные возможности. Учёные, занимающиеся проблемой пожилого возраста, нарисовали следующий портрет такого человека — это снижение самооценки, неуверенность в себе, недовольство собой, боязнь одиночества, беспомощность, обнищание, страх смерти, угрюмость, раздражительность, пессимизм, снижение интереса к новому. Как следствие — это брюзжание, ворчливость, замыкание интересов на себе, эгоистичность, неуверенность в завтрашнем дне.

Ключевые слова: старение, организм, активность, пожилой возраст, уменьшение физических сил, нервы, психические процессы.

С определённого возраста у каждого человека начинаются изменения во внешнем облике и внутри организма. Постепенно снижается активность, ограничиваются движения, уменьшаются физические силы и снижаются защитные. Человек теряет способность к длительным физическим нагрузкам, к активности нервных и психических процессов, утрачивает эластичность мышц, связок, суставов. Во всех системах организма происходят изменения, нарушая его функциональные возможности.

В первую очередь наблюдаются изменения в костной и мышечной системе: снижается эластичность связок, изнашиваются и обезвоживаются суставы, уменьшается количество костной ткани, утончается соединительная ткань суставов, истончаются суставные хрящи. Из костей вымыва-

Канделя Михаил Васильевич — кандидат технических наук, профессор (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: kandelya79@mail.ru.

Койсман Людмила Алексеевна — кандидат педагогических наук.

Назарова Вероника Павловна — студент (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: student.nika1661@mail.ru.

© Канделя М. В., Койсман Л. А., Назарова В. П., 2019

ется кальций, они становятся хрупкими, легко ломаются. Суставы начинают стареть, деформироваться и болеть. В этот период значительные изменения связаны с позвоночником: ослабевают мышцы, его поддерживающие, деформируются межпозвоночные диски, уменьшается подвижность позвоночника, возникают его искривления, появляются межпозвоночные грыжи, изменяется осанка. Человек теряет былую лёгкость в движениях, изменяется качество его жизни, кроме того, его мучают боли.

В этот период человек прекращает активные движения и ещё больше усугубляет процессы старения.

Одновременно с изменениями в организме происходит замещение одних функций другими. Организм приспосабливается к новым условиям.

Изменения в дыхательной системе связаны с ослаблением мышц, поддерживающих грудную клетку, что снижает её подвижность. Снижается возможность качественного вдоха и выдоха, а значит, изменяется наполняемость лёгких воздухом. Нарушается воздухообмен, развиваются застойные явления, кислород из воздуха плохо поступает в кровь, а углекислота — из крови, снижается содержание кислорода в крови, что приводит к одышке, быстрой утомляемости организма, нарушениям сна. Перечисленные нарушения приводят к различным заболеваниям дыхательной системы, вплоть до онкологических. Продлить возможности нормальной деятельности дыхательной системы можно специальной дыхательной гимнастикой, физическими упражнениями, плаванием, пешими прогулками.

Возрастные изменения, влияя на работу опорно-двигательного аппарата, снижают активность человека, что приводит к ухудшению работы сердечной мышцы. Сильная сердечная мышца способна к нагрузкам. Сокращаясь, она проталкивает кровь по сосудам, в том числе нижних конечностей. Слабая мышца сердца затрудняет этот процесс и способствует нарушению его деятельности. Кроме того, «старение способствует увеличению соединительной ткани, в которой накапливаются жировые отложения. Лишнего веса можно избежать, если заниматься некоторыми видами спорта: плаванием, бегом на недлинные дистанции, ходьбой на лыжах и др.» [2, с. 510]. Старению сердечной мышцы способствует неправильное питание. Несбалансированное питание приводит к нарушению обмена веществ, повышению холестерина в крови, отложению жира, повышению веса. Сосуды закупориваются холестериновыми бляшками, сужая их, — развивается атеросклероз. Это заболевание — дорога к инсультам и инфаркту, гипертонии, болезням сосудов ног.

Атеросклероз нижних конечностей — опасное заболевание, которое поражает артерии и сопровождается признаками нарушенного кровообращения, что впоследствии приводит к гангрене и ампутации. Заболевание сопровождается болями и судорогами [17]. Много пожилых людей страдает гипертонией. Эта болезнь доставляет много неприятностей и значительно ухудшает качество жизни. Она чревата тем, что человек не

ощущает высокого давления и может получить инсульт или инфаркт. Страдают этим заболеванием люди впечатлительные, очень активные в жизни, очень ответственные, увлекающиеся жирной пищей.

Вся жизнь человека связана с потреблением пищи. Потребность качественно и хорошо питаться — основная потребность всех людей, но мы все разные и пристрастия к еде у нас разные. Пищеварительная система организма старается переработать поступающую пищу, но с возрастом её возможности явно ослабевают. Большая нагрузка ложится на печень, поджелудочную железу, желудок, кишечник. Эти органы работают в авральном режиме, стараясь вывести из организма вредные вещества и усвоить необходимые. Некоторые люди, понимая это, изменяют свои пристрастия: отказываются от жирной пищи, кондитерских изделий, консервов, копчёностей, пищи, вредной для организма. Изучая свой организм, человек способен понять, какая пища приносит ему пользу, а какая нет. Еда по набору ферментов должна соответствовать структуре тканей человека, иными словами у каждого человека должна быть своя пища, которая оставляет свой отпечаток на анатомо-физиологические особенности и обмен веществ [3]. В противном случае болезни, и очень серьёзные, неизбежны. Малоподвижный образ жизни лишает мышцы активности во всём организме. Страдает мышечная система и внутренних органов. Нарушается перистальтика кишечника — возникают запоры. Запоры приносят пожилому человеку массу неудобств, лишая его комфорта.

Иммунная система реагирует на изменения в ней нарушениями функций щитовидной железы, которая регулирует обменные процессы в организме с помощью гормонального обмена. Нарушения в иммунной системе снижают защитные функции организма, изменяют обменные процессы, воздействуют на нервную систему. Болезни, связанные с нарушениями в деятельности щитовидной железы, могут иметь летальный исход. Э. Н. Вайнер утверждает, что на человека в течение жизни действуют различные раздражители, поэтому в организме всегда идут адаптационные реакции, которые приводят к повышенной активности иммунной системы. Если искусственно вызывать их, то можно оздоровить организм и таким образом предупредить развитие болезней [3].

Физиологические аспекты старости связаны с ослаблением ряда других функций. Происходит ухудшение органов чувств, ослабевают зрение и слух. Снижается подвижность, уменьшается активная деятельность. Может происходить обеднение эмоциональной жизни, снижение коммуникативных связей, в результате наблюдается деградация человека, которая выражается в сведении его жизнедеятельности до физиологических потребностей: питание, отдых и т. п. [17].

Таким образом, в пожилом и более позднем возрасте в организме человека во всех системах и органах происходят изменения, которые проявляются нарушениями в их деятельности или болезнями, порой

очень серьёзными. Одновременно с изменениями в организме происходит замещение одних функций другими. Организм приспосабливается к новым условиям. Дальнейшие изменения в этот период зависят от каждого конкретного человека и от его реакции на всё происходящее.

С возрастом в организме человека изменяется не только деятельность органов и систем, но и психика. Многими психологами изучались люди в пожилом возрасте. Характеристики возраста были разными, но чаще отрицательными.

О. В. Минкина включает в психологический портрет человека в старости такие черты как снижение самооценки, проявление неуверенности в себе и в завтрашнем дне, недовольство собой; боязнь одиночества, беспомощности, обнищания, смерти; повышенная раздражительность и пессимизм; снижение интереса ко всему новому. В результате происходит замыкание интересов на себе и повышенное внимание к своему телу; развиваются эгоистичность, брюзжание и ворчливость, что делает их мелочными, скупыми, осторожными, педантичными, консервативными, малоинициативными [10].

Указанные О. В. Минкиной характеристики в реальной жизни формируются как защитная реакция на обстоятельства жизни. Пожилой человек теряет работу, утрачивая свои, возможно, значимые связи. Достигая пенсионного возраста, многие люди находятся на пике своего профессионального мастерства, стремятся к совершенству, следят за своим здоровьем, чтобы иметь возможность реализовать себя, но многие работодатели, не считаясь с их возможностями, увольняют или сокращают возрастных работников. Такое отношение не лучшим образом сказывается на психике: человек замыкается в себе, у него снижается самооценка, он теряет контроль над своими действиями. Состояние депрессии не позволяет принимать верные решения, и положение человека усугубляется.

П. Д. Павленок считает, что пожилые люди подвержены страхам, беспокойствам, у них наблюдается повышенная тревожность. Психические расстройства могут приводить к декомпенсации, к старческим делириям, когда обычно спокойные люди становятся агрессивными, беспокойными. В результате эмоциональных нагрузок могут произойти нарушения в мозговом кровообращении, приводящие к расстройству речи, параличу, эпилептическим припадкам. Изменения в настроении приводит к подавленности, депрессивным, ипохондрическим состояниям, в таких случаях старые люди обвиняют себя в кажушихся проступках [11]. В рассказе А. П. Чехова «Скучная история» профессор медицины Николай Степанович так говорит о душевном и физическом состоянии больного старика: «Он сохраняет бодрость, продолжает читать лекции студентам, добросовестно выполняет свои обязанности дома, с сочувствием относится к другим. С присущей старикам мудростью понимает всю суетность окружающего мира, всю ничтожность интересов окружающих его людей, пошлость и несчастье их жизни» Герой

А. П. Чехова указывает на свои физические немощи — бессонницу, нервный тик, ухудшение памяти. Говорит о душевных недугах — ненависти, презрении, злых мыслях, возмущении. Он говорит о себе, что «стал не в меру строг, требователен, раздражителен, нелюбезен, подозрителен» [14, с. 251].

Н. Ф. Шахматов в своих работах указывает на то, что симптомы физического упадка проявляются в ограничении круга интересов, пассивности, психической утомлении, при этом различны время его проявления, скорость прогрессирования, тяжесть и глубина. Зачастую эти проявления психического упадка (психическая слабость, уменьшение силы и подвижности психических процессов) становятся более заметными в последние годы жизни и находятся в тесной связи с фактором физического здоровья. Поэтому укрепление физического здоровья, излечение от соматических болезней быстро ведут к оживлению психической жизни в старости [15, 16].

Данные характеристики будут справедливы для большинства пожилых людей. Повышение уровня психо-эмоционального напряжения пожилых людей в настоящее время обусловлено политическими и экономическими переменами в стране, что влияет на их психическое и социальное здоровье. Для пожилых людей характерны состояния депрессии и подавленности, причинами которых являются морально-психологические проблемы: беспокойство за будущее детей, состояние собственного здоровья, одиночество, плохие условия жизни.

Психическая беспомощность, пассивность и бездеятельность интеллектуальных действий, снижение силы психических и эмоциональных процессов приводят к тому, что пожилой человек быстро забывает необходимые жизненные действия и лишает себя возможности качественной жизни. Психическую жизнь в старости способны оживить укрепление физического здоровья и излечение от соматических болезней.

Б. А. Ананьев писал о том, что «речемыслительные второсигнальные функции противостоят общему процессу старения и сами претерпевают инволюционные сдвиги значительно позже других психофизиологических функций. Эти важнейшие приобретения исторической природы человека становятся решающим фактором онтогенетической эволюции человека» [Цит по: 7, с. 14].

Как указывает В. Д. Альперович, изменения в пожилом возрасте затрагивают разные сферы: интеллектуальную, эмоциональную, моральную. В интеллектуальной — появляются трудности в освоении новых знаний, в адаптации к непредвиденным обстоятельствам, к примеру: переезд, собственная болезнь или кого-то из близких людей, смерть одного из супругов, ограниченность в передвижении; полная или частичная потеря зрения и другие. В эмоциональной сфере — неконтролируемое усиление аффективных реакций (сильное нервное возбуждение) со склонностью к беспричинной грусти, слезливости. В моральной сфе-

ре — отказ от адаптации к новым нормам морали, манерам поведения. Резкая критика этих норм [1].

Психолог Ш. Бюлер выделяет несколько фаз развития человека; последняя — это возраст 65–70 лет. Давая характеристику данному возрасту, она поясняет, что «в этот период многие люди перестают преследовать цели, которые они поставили перед собой в юности. Оставшиеся силы они тратят на досуг, спокойно проживая последние годы. При этом обзревают свою жизнь, испытывая удовлетворение или разочарование. Невротическая личность обычно испытывает разочарование, потому, что невротик вообще не умеет радоваться успехам, он никогда не доволен своими достижениями, ему всегда кажется, что он что-то не дополнил, что ему не додали. К старости эти сомнения усиливаются» [Цит. по: 7, с. 14–15].

Кризис старости, утверждает Э. Эриксон, знаменует собой «завершение предшествующего жизненного пути, и разрешение этого кризиса зависит от того, как этот путь был пройден. Человек подводит итоги и если воспринимает жизнь как целостность, где ни убавить, ни прибавить, то он уравновешен и спокойно смотрит в будущее, так как понимает, что смерть — естественный конец жизни. Если же человек приходит к печальным выводам, что жизнь прожита зря и состояла из разочарований и ошибок, теперь уже непоправимых, то его настигает чувство бессилия. Приходит страх смерти» [там же].

Нужно согласиться с тем, что страх смерти присущ только человеку, он не свойственен животным. Человек не может преодолеть чувство страха. Философы, от Платона и Аристотеля, стремились преодолеть трагизм смерти, освободить человека от страха перед ней. Древнегреческий философ Эпикур приводил простой и остроумный довод против страха смерти: «Смерть для человека реально не существует, он с нею не встречается. Пока он есть, смерти нет. Когда же она есть — его нет. Поэтому её не стоит страшиться» [там же].

Один из основателей отечественной психологии, Б. Г. Ананьев, объяснял, что «парадокс человеческой жизни заключается в том, что у многих людей умирание происходит гораздо раньше, чем физическое одряхление. Такое состояние наблюдается у тех людей, которые по собственной воле начинают изолироваться от общества, что ведёт к сужению объёма личностных свойств, к деформации структуры личности. По сравнению с долгожителями, сохраняющими личность, некоторые пенсионеры в 60–65 лет кажутся сразу одряхлевшими, страдающими от образовавшихся вакуумов и чувства социальной неполноценности. С этого возраста для них начинается драматический период умирания личности». И вывод, который делает учёный, — «Внезапное блокирование всех потенциалов трудоспособности и одарённости человека с прекращением многолетнего труда не может не вызвать глубоких перестроек в структуре, как субъекта деятельности, а потому и личности» [цит по: 6].

И. С. Кон рассматривает старение с социально-психологической точки зрения. Он выделяет несколько характерных положительных и отрицательных особенностей и по ним разделяет пожилых людей.

Положительные личности:

1) активная творческая личность с уходом на отдых не прекращает общественную жизнь, живёт полноценной жизнью, не испытывая никаких неудобств;

2) активная личность. Хорошо приспосабливается к условиям жизни, занимается любимым делом, отдыхает, находит время для хобби. Живёт полноценной жизнью для себя;

3) это большей частью женщины. Они находят себя в своей семье. Домашняя работа занимает их время, но не приносит особого удовлетворения;

4) это люди, для которых забота о своём здоровье становится смыслом дальнейшей жизни. Для них характерны повышенная тревожность и вымышленные болезни.

Отрицательные личности:

5) ворчливые люди, агрессивны по отношению к другим, постоянно недовольны происходящими событиями в мире, критически настроенные, с бесконечными претензиями ко всем, кроме себя;

6) пожилые люди, предъявляющие бесконечные претензии к себе, не состоявшиеся в жизни, живущие одинокой жизнью [8].

В социологии известна классификация пожилых людей по интересам А. В. Качкина. Основными интересами, считает А. В. Качкин, можно назвать: семью, одинокое существование, работу на дачном участке, служение обществу, участие в партийных баталиях, ничегонеделание и непроявление себя в деле, наблюдение за тем, как протекают болезни [5].

Как видим, интересы пожилых людей замыкаются или на социуме, или на себе. В зависимости от того, какое занятие больше по душе, такой социальный тип и формируется.

В мировой психологической литературе поддерживается классификация, предложенная Д. Б. Бромлей, о которой невозможно умолчать. Она выделяет такие типы отношения личности к старости:

«Конструктивное отношение человека к старости, при котором пожилые и старые люди внутренне уравновешены, имеют хорошее настроение, удовлетворены эмоциональными контактами с окружающими людьми. Они в меру критичны по отношению к себе и вместе с тем весьма терпимо относятся к другим, к их возможным недостаткам. Не драматизируют окончание профессиональной деятельности, оптимистически относятся к жизни, а возможность смерти трактуют как естественное событие, не вызывающее печали и страха. Не пережив в прошлом слишком много травм и потрясений, они не проявляют ни агрессии, ни подавленности, имеют живые интересы и постоянные планы на будущее. Благодаря своему положительному жизненному балансу они с уве-

ренностью рассчитывают на помощь окружающих. Самооценка этой группы пожилых и старых людей довольно высокая.

Отношение зависимости. Зависимая личность — это человек, подчинённый кому-либо, зависимый от супружеского партнёра или от своего ребенка, не имеющий слишком высоких жизненных претензий и благодаря этому охотно уходящий из профессиональной среды. Семейная среда обеспечивает ему ощущение безопасности, помогает поддерживать внутреннюю гармонию, эмоциональное равновесие, не испытывать ни враждебности, ни страха.

Оборонительное отношение, для которого характерны преувеличенная эмоциональная сдержанность, некоторая прямолинейность в своих поступках и привычках, стремление к «самообеспеченности» и неохотному принятию помощи от других людей. Люди данного типа приспособления к старости избегают высказывать собственное мнение, с трудом делятся своими сомнениями, проблемами. Оборонительную позицию занимают иногда по отношению ко всей семье: если даже имеются какие-то претензии и жалобы в адрес семьи, они их не выражают. Защитным механизмом, который они используют против ощущения страха смерти и бездоленности, является их активность через силу, постоянная подпитка внешними действиями. Люди с оборонительным отношением к наступающей старости с большой неохотой и только под давлением окружающих оставляют свою профессиональную работу.

Отношение враждебности к окружающим. Люди с таким отношением агрессивны, взрывчаты и подозрительны, стремятся «переложить» на других людей вину и ответственность за собственные неудачи, не совсем адекватно оценивают действительность. Недоверие и подозрительность заставляют их замыкаться в себе, избегать контактов с другими людьми. Они всячески отгоняют мысль о переходе на пенсию, так как используют механизм разрядки напряжения через активность. Их жизненный путь, как правило, сопровождался многочисленными стрессами и неудачами, многие из которых превратились в нервные заболевания. Люди, относящиеся к данному типу отношения к старости, склонны к острым реакциям страха, они не воспринимают свою старость, с отчаянием думают о прогрессирующей утрате сил. Всё это соединяется ещё и с враждебным отношением к молодым людям, иногда с переносом этого отношения на весь «новый, чужой мир». Такой своего рода бунт против собственной старости сочетается у этих людей с сильным страхом смерти.

Отношение враждебности человека к самому себе. Люди такого типа избегают воспоминаний, потому что в их жизни было много неудач и трудностей. Они пассивны, не бунтуют против собственной старости, лишь безропотно принимают то, что посылает им судьба. Невозможность удовлетворить потребность в любви является причиной депрессий, претензий к себе и печали. С этими состояниями соединяются чувство одиночества и ненужности. Собственное старение оценивается дос-

таточно реалистично; завершение жизни, смерть трактуется этими людьми как избавление от страданий» [4].

Что касается психологических процессов, которые могут повлиять на поведение людей в пожилом возрасте, то речь может идти о памяти, поскольку она в пожилом возрасте может измениться.

Исследования Б. Г. Ананьева обнаруживают, что у лиц в возрасте 70—90 лет особенно страдает механическая память. Лучше всего сохраняется логическая память, образная память ослабевает больше, чем смысловая. Основой прочности являются внутренние смысловые связи, ведущим видом памяти становится логическая память [Цит по: 7, с. 17].

В пожилом возрасте память чаще обращает человека к прошедшим событиям. Их он помнит прекрасно. Память на текущие события и действия ослабевает. Человек может на ходу забывать, что хотел сделать, куда положил, что хотел сию минуту взять и т. д. Это абсолютно логично, потому что в прошлом он был молодым, успешным, активным. Его ценили, уважали, почитали. Он был уверен в своих силах. С возрастом многие навыки исчезают вместе с возможностями, а новых целей нет. Будущее не радует, так как оно другое. В нём он воспринимает себя другим. Кроме того, многие люди пожилого возраста просто не знают, что всё зависит от них самих. Считая, что с возрастом память ухудшается сама по себе, они ничего не предпринимают, чтобы её восстановить. Тренируя память, человек восстанавливает возможности мозга и качество своей жизни.

Психика человека — явление индивидуальное. Она целиком зависит от социально-психологических особенностей человека. Человеку можно внушить веру в его безграничные возможности, используя индивидуальный подход, и тогда слабые, неуверенные в себе люди становятся сильнее, увереннее, — человек начинает осознавать свою власть над собой [3].

Различие формы поведения пожилых людей в однотипных ситуациях отражает индивидуальные особенности реагирования на собственное старение. Именно эта сторона психической жизни человека определяет его отношение к личным потерям, утрате прошлых возможностей, так же как и новое восприятие окружающего [9].

Как убеждают авторы в своих исследованиях, психическое старение связывается со многими факторами, которые влияют положительно на весь этот процесс, способствуют положительным сдвигам в психике, поскольку помогают пожилым людям приспосабливаться к условиям, изменяя их отношение к жизни, их поведение, взгляды и ценности. Кроме того, активные пожилые люди вместе с опытом адаптации приобретают опыт поведения в общении и в быту. В поисках выхода из некоторых ситуаций пожилые люди открывают в себе новые способности, новые возможности, которые были неведомы раньше. Вывод напрашивается один — человек развивается до глубокой старости, если он субъект своей жизни.

Развитие личности, по С. Л. Рубинштейну, — это способность становиться субъектом. Субъект является интегрирующей, централизующей, координирующей согласующей жизнедеятельности. Он целостным образом объединяет все имеющиеся индивидуальные, физические, психические, ценностные и др. возможности. Кроме того, при правильном восприятии себя — своего физического и психического «Я» в пожилом возрасте, можно говорить о хорошем уровне адаптационного потенциала и сохраняющихся возможностях организма [13].

Социальная ситуация развития в пожилом возрасте изменяется. Процесс приспособления к новым условиям требует активности и адаптированности. Активная адаптация — это процесс активного взаимодействия со средой и социальными изменениями в самих себе.

Основным механизмом адаптации, доступным для контроля, является энергетический механизм. Именно недостаток энергии определяет цепь основных сдвигов в организме.

В книге «Психология здоровья» сказано: человеческий организм обладает большими возможностями приспособления к окружающей среде, Человек может адаптироваться к значительным физическим нагрузкам, к условиям и изменениям среды, а под влиянием усилия, эмоционального напряжения или при высокой мотивации деятельности организм человека способен продемонстрировать высокую функциональную активность. Всё это говорит о том, что организм человека обладает скрытыми возможностями и умеет их использовать в процессе самореабилитации [12].

Таким образом, чтобы достойно жить в новых условиях, людям пожилого возраста нужно изучать свой организм, получать необходимые практические навыки, изучать возможности других людей. Пожилые люди должны понимать, что только от них самих зависит результат их усилий в изменении себя. Наступление зрелости и старости — неизбежный процесс, но объективное положение пожилых людей, а также их опыт, взгляды, ценностные ориентации являются продуктами не только собственных усилий и возможностей, но и условий, которые создают им государство и окружающая среда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альперович В. Д. Социальная геронтология. Пожилым и молодым о старости и старении. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 248 с.
2. Билич Г. Л., Назарова Л. В. Основы валеологии. СПб.: Фолиант, 2000. 560 с.
3. Вайнер Э. Н. Валеология. М.: Флинта, 2001. 320 с.
4. Гамезо М. В., Петрова Е. А., Орлова Л. М. Возрастная и педагогическая психология. М.: Педагогическое общество России, 2003. 512 с. [Электронный ресурс] // Knigi.News: сайт. URL: <https://knigi.news/psihologii-uchebnik/vozrastnaya-pedagogicheskaya-psihologiya.html>
5. Качкин А. В. Особенности стиля жизни пожилого человека // Пожилой человек. Ульяновск, 1995. С. 45 — 55.

6. Козлов Н.И. Психология пожилых людей // Психологос: энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс] URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psihologiya-pozhilyh-lyudey>.
7. Койсман Л. А., Канделя М. В. Физическая культура и спорт в социальной реабилитации пожилых людей: монография. Биробиджан: ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2017. 109 с.
8. Кон И. С. В поисках себя. Личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984. 336 с.
9. Леонтьев А. Н., Лидерс А. Г. Возрастно-психологические особенности консультирования пожилых людей // Психология зрелости и старения. 1998. № 4. С. 13–22.
10. Минкина О. В. Социально-психологический портрет пожилого человека // Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону: материалы X региональной научно-технической конференции. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009. С. 20–25.
11. Павленок П. Д. Теория, история и методика социальной работы. М.: Дашков и К*, 2007. 476 с.
12. Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006. 607 с.
13. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. 328 с.
14. Чехов А. П. Скучная история // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7: Рассказы и повести, 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 251–310.
15. Шахматов Н. Ф. Психическое старение. М.: Медицина, 1996. 304 с.
16. Шахматов Н. Ф. Старение — время личного познания, вечных вопросов и истинных ценностей // Психология зрелости и старения. 1998. № 2. С. 11–20.
17. Яцемирская Р. С., Беленькая И. Г. Социальная геронтология. М.: ВЛАДОС, 1999. 224 с.

* * *

Kandelya Mikhail V., Koisman Lyudmila A., Nazarova Veronika P.
PHYSIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL CHANGES IN OLD AGE
 (Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

Aging is an inevitable and natural process that leads to a decrease in the viability of the individual. From a certain age, each person begins to change in appearance and within the body. Gradually reduced activity, limited movement, reduced physical strength. A person loses the ability to prolonged physical activity, to the activity of nervous and mental processes, loses the elasticity of muscles, ligaments, joints. In all systems of the body there are changes that violate its functionality. Scientists dealing with the problem of the elderly drew the following portrait of such a person – a decrease in self-esteem, self-doubt, self-dissatisfaction, fear of loneliness, helplessness, impoverishment, fear of death, gloom, irritability, pessimism, reduced interest in the new. As a result, this grumbling, grouchy, short interests on self, selfishness, insecurity.

Keywords: aging, organism, activity, old age, decrease of physical strength, nerves, mental processes

REFERENCES

1. Al'perovich V. D. *Sotsial'naya gerontologiya. Pozhilym i molodym o starosti i starenii* (Social gerontology. Old and young on old age and aging), Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1997. 248 p.
2. Bilich G. L. Nazarova L. V. *Osnovy valeologii* (Fundamentals of Valeology), Sankt-Peterburg, Foliant Publ., 2000. 560 p.
3. Vayner E. N. *Valeologiya* (Valeology), Moscow, Flint Publ, 2001. 320 p.
4. Gamezo M. V., Petrova E. A., Orlova L. M. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* (Age and educational psychology), Moscow, 2003. 512 p.

5. Kachkin A. V. Features of the lifestyle of an elderly person [Osobennosti stilya zhizni pozhilogo cheloveka], *Pozhiloy chelovek* (An elderly person), Ul'yanovsk, 1995, pp. 45 – 55.
6. Kozlov N. I. Psychology of the elderly [Psikhologiya pozhilykh lyudey], *Psikhologos: entsiklopediya prakticheskoy psikhologii* (Psychologist: an encyclopedia of practical psychology), Available at: <https://www.psychologos.ru/articles/view/psikhologiya-pozhilykh-lyudey>.
7. Koysman L. A., Kandelya M. V. *Fizicheskaya kul'tura i sport v sotsial'noy reabilitatsii pozhilykh lyudey* (Physical culture and sport in the social rehabilitation of older people), Birobidzhan, 2017. 109 p.
8. Kon I. S. *V poiskakh sebya. Lichnost' i ee samosoznanie* (In search of himself. Personality and its identity), Moscow, Politizdat Publ., 1984. 336 p.
9. Leont'ev A. N., Liders A. G. Age-psychological features of counseling for the elderly [Vozrastno-psikhologicheskie osobennosti konsul'tirovaniya pozhilykh lyudey], *Psikhologiya zrelosti i stareniya*, 1998, no. 4, pp. 13 – 22.
10. Minkina O. V. Socio-psychological portrait of an elderly person [Sotsial'no-psikhologicheskiy portret pozhilogo cheloveka], *Vuzovskaya nauka – Severo-Kavkazskomu regionu: materialy Kh regional'noy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii* (University science – the North Caucasus region: materials of the X regional scientific and technical conference), Stavropol, 2009, pp. 20 – 25.
11. Pavlenok P. D. *Teoriya, istoriya i metodika sotsial'noy raboty* (Theory, history and methods of social work), Moscow, 2007. 476 p.
12. Nikiforov G. S. (ed.). *Psikhologiya zdorov'ya* (The Psychology of Health), St. Petersburg, Peter Publ., 2006. 607 p.
13. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* (Fundamentals of general psychology), in 2 vol., Moscow, 1989. 328 p.
14. Chekhov A. P. Boring history [Skuchnaya istoriya], *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. T. 7: Rasskazy i povesti, 1888 – 1891* (Complete works and letters: In 30 vol., vol. 7: Stories and novels, 1888 – 1891), Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 251 – 310.
15. Shakhmatov N. F. *Psikhicheskoe starenie* (Mental aging), Moscow, 1996. 304 p.
16. Shakhmatov N. F. Aging – a time of personal knowledge, eternal questions and true values [Starenie – vremya lichnogo poznaniya, vechnykh voprosov i istinnykh tsennostey], *Psikhologiya zrelosti i stareniya*, 1998, no.2, pp. 11 – 20.
17. Yatsemirskaya R. S., Belen'kaya I. G. *Sotsial'naya gerontologiya* (Social gerontology), Moscow, 1999. 222 p.

* * *

УДК 159.922.6, 136.6

М. В. Канделя, Л. А. Койсман, В. П. Назарова

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Чтобы жить в нынешних условиях, чтобы активно и долго трудиться и быть относительно здоровым человеком, нужно быть физически подготовленным и уметь составлять для себя необходимые двигательные действия. Физическая культура постепенно становится социальным феноменом, движущей силой, способствующей развитию стабильного государства и здорового общества. Человек же, сохраняя свою активность, должен быть способным к ежедневным нагрузкам в течение продолжительного времени и до глубокой старости. Физическое развитие является для пожилых людей показателем соответствующего уровня здоровья, который позволяет переносить нагрузки, умеренно трудиться и не быть беспомощным. Физическая культура личности является сложным системным образованием. Все представленные в ней элементы тесно взаимосвязаны, дополняют и обуславливают друг друга. Являясь одной из граней общей культуры человека, его здорового образа жизни, физическая культура во многом определяет поведение человека, способствует решению социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач, позволяя человеку развивать умения к самосовершенствованию и самореабилитации.

Ключевые слова: физкультура, спорт, здоровье, продолжительность жизни, социальный феномен, мышечные усилия, масса тела.

Человек рождён для того, чтобы жить в новом для него мире. Этот мир разнообразен. Новые условия жизни обязывают к адаптации, что возможно только через движение. Движение задаётся человеку самой жизнью, иначе он просто погибнет. Чтобы жить, трудиться, растить детей, человек должен много двигаться. Движение необходимо не только для того, чтобы приспособливаться к окружающему миру, но и преобразовывать его для себя.

Способность человека быть активным может указывать на культуру человека, на его творческие, интеллектуальные, физические возможности. В основу человека успешного положен его опыт: жизненный, профессиональный, культурный. С его помощью человек управляет своими действиями, своими поступками, своим поведением, своей жизнью до глубокой старости. Двигательный опыт позволяет человеку поддержи-

Канделя Михаил Васильевич — кандидат технических наук, профессор (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: kandelya79@mail.ru.

Койсман Людмила Алексеевна — кандидат педагогических наук.

Назарова Вероника Павловна — студент (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан); e-mail: student.nika1661@mail.ru.

© Канделя М. В., Койсман Л. А., Назарова В. П., 2019

вать своё тело в надлежащей форме, выполнять необходимые для жизни действия: ходить, бегать, прыгать, плавать, наклоняться и т. д. Если человек не придаёт этому жизненного значения, его организм постепенно, с возрастом, дряхлеет.

Чтобы жить в нынешних условиях, чтобы активно и долго трудиться и быть относительно здоровым человеком, нужно быть физически подготовленным и уметь составлять для себя необходимые двигательные действия.

Важное значение в этом смысле приобретает физическая культура. В своей основе физическая культура имеет целесообразную двигательную деятельность в форме физических упражнений, позволяющих эффективно формировать необходимые умения и навыки, физические способности, оптимизировать состояние здоровья и работоспособность [6].

С помощью физической культуры человек:

1) познаёт исторический опыт людей, его духовные и нравственные стороны;

2) усваивает культурные ценности, с помощью которых затем приспосабливается к изменяющимся условиям;

3) сам создаёт, изменяет, совершенствует свои ценности, которые помогают ему в развитии и помогут будущим поколениям.

Физическая культура выполняет разные функции и поэтому доступна для людей всех возрастов. Без занятий физической культурой невозможно развить физические и другие качества человека. С её помощью легко организовать досуг, активный отдых и общение. Физическая культура – лучшее средство профилактики заболеваний, реабилитации и самореабилитации, борьбы со стрессом и восстановления после психологической травмы. Она спасает от уныния, поднимает настроение, прививает любовь к труду, красоте и самому себе.

Основным содержанием процесса развития физических и интеллектуальных способностей человека, его физических, нравственных, духовных и эстетических качеств является:

- физическая подготовка к конкретной деятельности и её поддержание в течение всей жизни;
- поддержание здоровья с помощью средств физической культуры;
- овладение навыками реабилитации и самореабилитации;
- занятия физическими упражнениями в целях отдыха;
- занятия избранным видом спорта для поддержания мышечной активности и долголетия.

Последнее время наблюдается огромное внимание к физической культуре, которое проявляется:

- в развитии физкультурно-оздоровительной и спортивной инфраструктуры с учётом интересов и потребностей населения;
- в многообразии форм, методов и средств, предлагаемых физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг;

– в использовании для разностороннего развития, профилактики заболеваний и укрепления здоровья населения, для социальной и физической адаптации инвалидов;

– в формировании здорового образа жизни, организации здорового досуга и профилактики вредных привычек;

– в продлении активного долголетия людей и вовлечении в занятия физической культурой разновозрастного населения [9].

Совершенно очевидно, что человек, рождённый для движения, должен отчётливо понимать, что может жить, только совершенствуя себя.

Значение физической культуры как средства развития и совершенствования человека трудно переоценить. Её положительная роль бесспорна. Понимая это, государство направляет свою политику на развитие физической культуры, обеспечивая тем самым необходимые условия для:

– удовлетворения интересов и потребностей людей всех возрастов;

– реализации физических возможностей и их проверку через выполнение норм комплекса ГТО;

– использования средств физической культуры в целях самореабилитации;

– укрепления здоровья средствами ЛФК;

– формирования навыков здорового поведения и здорового образа жизни.

Физическая культура постепенно становится социальным феноменом, движущей силой, способствующей развитию стабильного государства и здорового общества. Человек же, сохраняя свою активность, должен быть способным к ежедневным нагрузкам в течение продолжительного времени и до глубокой старости [2, 3, 4].

«С помощью физических упражнений физическая культура готовит людей к жизни и труду. Предлагая весь комплекс средств, определяющих уровень общей и специальной физической подготовки; правильно формируя режим труда и отдыха; поддерживая активное поведение в быту; используя для укрепления здоровья закаливающие процедуры и нетрадиционные виды упражнений; предлагая необходимую информацию и знания, физическая культура помогает человеку создавать для себя более комфортные жизненные условия» [4].

Вместе с тем это «специфический процесс и результат человеческой деятельности, средство и способ физического и духовного совершенствования личности. Физическая культура удовлетворяет социальные потребности в общении, игре, развлечении, в некоторых формах самовыражения личности через социально-активную полезную деятельность» [9].

Кроме того, «физическая культура одна из тех областей социальной деятельности, в которой формируется и реализуется социальная активность людей. Она отражает состояние общества в целом, служит одной из форм проявления его социальной, политической и моральной структуры. Являясь естественной частью культуры общества, внедряет в

жизнь людей те ценности, которые необходимы в жизни и деятельности человека» [9].

К материальным ценностям физической культуры личности следует отнести: двигательные умения и навыки как достояние человека, основные физические и специальные качества и уровень их развития, возможности органов и систем организма. Перечисленные материальные ценности приобретаются человеком и совершенствуются всю сознательную жизнь. Без соответствующего уровня их развития человеческая жизнь и деятельность просто невозможны.

Специальные знания о физической культуре, методах овладения ею с целью физического развития и физического совершенствования, знание особенностей различных видов спорта, их истории, достижений относятся в сфере физической культуры к духовным ценностям.

«Современные условия жизни человека значительно сократили его двигательную активность, лишили организм физических нагрузок, чем снизили мышечную деятельность и деятельность всех систем организма. В течение последнего столетия доля физического труда, выполняемая человеком за счёт мышечных усилий, сократилась с 95 % до 1 %. Мышечная система, которая у мужчины составляет 40 % массы тела, оказалась выключена из нормальной жизнедеятельности. С возрастом состояние человека ухудшается настолько, что некоторые системы не справляются со своим назначением, дают сбой и заболевают. В то время как мышечная активность способствует укреплению сердечно-сосудистой системы, дыхательной системы, повышает активность всех обменных процессов. Даже маленькая физическая нагрузка уменьшает содержание холестерина в крови, способствует укреплению дыхательных мышц, повышает устойчивость организма к стрессам и другим факторам» [7].

Кроме того, физическая культура предполагает физическую подготовку, физическое развитие, двигательную реабилитацию, умение применять физические упражнения.

Физическая подготовка – вид физического воспитания: развитие и совершенствование двигательных навыков и физических качеств, необходимых в конкретной профессиональной или спортивной деятельности. Она может определяться и как вид общей подготовки [6, с. 6]. Без соответствующей физической подготовки к пожилому человеку быстрее придёт старость, одряхлеет организм и одолеют различные болезни.

Физическое развитие – процесс изменения форм и функций организма под воздействием естественных условий (пищи, труда, быта) либо целенаправленного использования специальных физических упражнений. Физическое развитие – это также и «результат воздействия указанных средств и процессов, который можно измерить в любой момент времени» [6, с. 6] (размеры тела и его частей, показатели различных качеств, функциональные возможности органов и систем организма).

Физическое развитие является для пожилых людей показателем соответствующего уровня здоровья, который позволяет переносить нагрузки, умеренно трудиться и не быть беспомощным.

Двигательная реабилитация — «целенаправленный процесс восстановления или компенсации частично или временно утраченных двигательных способностей, лечения травм и их последствий. Процесс осуществляется комплексно под воздействием специально подобранных физических упражнений, массажа, водных и физиотерапевтических процедур и некоторых других средств» [6, с. 61]. Двигательные умения как составляющие содержания реабилитационных занятий позволяют пожилому человеку самостоятельно воздействовать на любые участки своего тела, помогая восстановлению их функций.

Результатом деятельности в физической культуре является «физическая подготовленность и степень совершенства двигательных умений и навыков, высокий уровень развития жизненных сил, спортивные достижения, нравственное, эстетическое, интеллектуальное развитие» [9].

Хороший уровень здоровья, наивысший уровень физического развития и физических возможностей человека, активность человека, занятия прикладными видами спорта долгое время, достойный образ жизни являются результатом физического совершенствования. Совершенствуя свой организм с помощью средств физической культуры, пожилые люди не только продлевают свою жизнь, но и улучшают её качество.

Таким образом, физическая культура личности является сложным системным образованием. Все представленные в ней элементы тесно взаимосвязаны, дополняют и обуславливают друг друга. Являясь одной из граней общей культуры человека, его здорового образа жизни, физическая культура во многом определяет поведение человека, способствует решению социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач, позволяя человеку развивать умения к самосовершенствованию и самореабилитации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бальсевич В. К. Физическая культура для всех и для каждого. М.: Физкультура и спорт, 1988. 208 с.
2. Виленский М. Я. Социально-психологические детерминанты формирования здорового образа жизни // Теория и практика физической культуры. 1994. № 9. С. 9–11.
3. Влияние физических упражнений на опорно-двигательный аппарат [Электронный ресурс] // Уральский федеральный университет: сайт. URL: <https://media.ls.urfu.ru/183/554/1166/>. (Дата обращения 16.09.2018).
4. Горбенко П. П. Валеология — наука о качестве жизни и здоровье // docplayer.ru: сайт. URL: <https://docplayer.ru/44329540-Valeologiya-nauka-okachestve-zhizni-i-zdorove-p-p-gorbenko-nacionalnyy-institut-zdorovya-sankt-peterburg.html>.
5. Койсман Л. А., Канделя М. В. Физическая культура и спорт в социальной реа-

- билитации пожилых людей: монография. Биробиджан: ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2017. 109 с.
6. Физическая культура студента / под ред. В. И. Ильинича. М.: Гардарики, 2000. 448 с.
 7. Физическая нагрузка. Её объём и интенсивность [Электронный ресурс]. URL: <http://fizsport.ru/osnovy-metodiki-trenirovki/obem-i-intensivnost-fizicheskoi-nagruzki>. (Дата обращения 26.09.2018).
 8. Холостова Е. И., Дементьева Н. Ф. Социальная реабилитация М.: ИНТИ-ДАНА, 1998. 15 с.
 9. Чикуров А.И. Физическая культура [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magma-team.ru/biblioteka/biblioteka/fizicheskaya-kultura-chikurov-a-i/1-1-fizicheskaya-kultura-i-sport-kak-sotsialnye-fenomeny> (Дата обращения 26.09.2018).

* * *

Kandelya Mikhail V., Koisman Lyudmila A., Nazarova Veronika P.
PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS A SOCIAL PHENOMENON
 (Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

To live in the current conditions, to work actively and for a long time and be a relatively healthy person, you need to be physically prepared and be able to make the necessary motor actions for yourself. Physical culture is gradually becoming a social phenomenon, a driving force for the development of a stable state and a healthy society. The person, keeping the activity, has to be capable to daily loadings during long time and to a deep old age. Physical development is an indicator for older people of the appropriate level of health, which allows them to endure stress, work moderately and not be helpless. Physical culture of the individual is a complex system of education. All the elements presented in it are closely interrelated, complement and condition each other. Being one of the facets of the General human culture, its healthy lifestyle, physical culture largely determines human behavior, contributes to the solution of socio-economic, educational and health problems, allowing a person to develop skills for self-improvement and self-rehabilitation.

Keywords: physical education, sports, health, life expectancy, social phenomenon, muscle effort, body weight

REFERENCES

1. Balsevich V. K. *Fizicheskaya kul'tura dlya vsekh i dlya kazhdogo* (Physical culture for all and for everyone), Moscow, 1988. 208 p.
2. Vilensky M. Ya. Socio-psychological determinants of healthy lifestyle [Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty formirovaniya zdorovogo obraza zhizni], *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 1994, no. 9, pp. 9–11.
3. The effect of physical exercises on the musculoskeletal system, Ural Federal University: website. Available at: <https://media.ls.urfu.ru/183/554/1166/>. (Accessed 09.16.2018) (In Russ.).
4. Gorbenko P. P. *Valeologiya – nauka o kachestve zhizni i zdorov'e* (Valeology – the science of quality of life and health). Available at: <https://docplayer.ru/44329540-Valeologiya-nauka-o-kachestve-zhizni-i-zdorove-p-p-gorbenko-nacionalnyy-institut-zdorovya-sankt-peterburg.html> (Accessed 09.16.2018).
5. Koisman L. A., Kandelya V. M. *Fizicheskaya kul'tura i sport v sotsial'noy reabilitatsii pozhilykh lyudey* (Physical culture and sport in the rehabilitation of older people), Birobidzhan, 2016. 134 p.
6. Ilyinich V. I. (ed.) *Fizicheskaya kul'tura studenta* (Physical education student), Moscow, Gardariki Publ., 2000. 448 p.

7. Physical culture. Available at: http://edu.grsu.by/books/fisical_training/templates/grsu_book/js/script.js></SCRIPT. (Accessed 26.09.2018). (In Russ.).
8. Exercise. Its volume and intensity. Available at: <http://fizsport.ru/osnovy-metodiki-trenirovki/obem-i-intensivnost-fizicheskoi-nagruzki> ahhh! (Accessed 26.09.2018). (In Russ.).
9. Kholostova E. I., Dementyeva N. F. *Sotsial'naya rehabilitatsiya* (Social rehabilitation) Moscow, INTI-DANA Publ., 1998. 15 p.
10. Chikurov A. I. *Fizicheskaya kul'tura* (Physical Culture). Available at: <http://www.magma-team.ru/biblioteka/biblioteka/fizicheskaya-kultura-chikurov-a-i/1-1-fizicheskaya-kultura-i-sport-kak-sotsialnye-fenomeny> (Accessed 26.09.2018).

* * *

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 519.683.5

И. А. Усенов**ПОСТРОЕНИЕ РЕГУЛЯРИЗИРУЮЩЕГО ОПЕРАТОРА
ДЛЯ РЕШЕНИЯ НЕЛИНЕЙНОГО ОПЕРАТОРНОГО УРАВНЕНИЯ
ПЕРВОГО РОДА**

В Гильбертовом пространстве исследован класс нелинейных операторных уравнений первого рода. Построено приближённое решение, устойчивое относительно исходных данных задач. Доказана сходимость приближённого решения к точному решению исходного уравнения. Произведён выбор параметра регуляризации от погрешностей.

Ключевые слова: оператор, нелинейный, регуляризация, сходимость, уравнение первого рода.

Для регуляризации решения нелинейного операторного уравнения в гильбертовом пространстве посвящены работы авторов [1], [2], [3], [5].

Ранее авторами построены регуляризирующие операторы для решения операторного уравнения первого рода Гаммерштейна, когда точно и приближённо задан линейный оператор.

В случае, когда линейный оператор является самосопряжённым, положительным, операторное уравнение Гаммерштейна первого рода исследовано в работе [4].

1. Постановка задач

В данной работе исследовано операторное уравнение первого рода Гаммерштейна

$$AF(z) = u, \quad (1)$$

когда приближённо заданы линейный и нелинейный операторы, т. е. вместо оператора A известно его приближённое значение A_h такое, что

$$\|A_h - A\| \leq h, \quad (2)$$

Усенов Изат Абдраевич — кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой дифференциальных уравнений (Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан); e-mail: iausen@mail.ru.

© Усенов И. А., 2019

где $A: H \rightarrow H$ – линейный положительный оператор и нелинейный оператор F_{h_1} , F – нелинейный оператор, дифференцируемый по Фреше.

Через A^* обозначим оператор, сопряжённый с оператором A . Таким образом, оператор $B = A^*A$ является самосопряжённым, положительным оператором.

Для оператора B , при условии $\|A^*\| \leq M$, имеет место оценка

$$\|B_h - B\| \leq Mh. \quad (2^*)$$

Рассмотрим операторное уравнения первого рода вида

$$BF(z) = A^*u. \quad (1^*)$$

Уравнения (1) и (1*) является эквивалентными.

Допустим, что при $u = u_0$ уравнение (1) имеет точное решение z_0 , т. е.

$$BF(z_0) = A^*u_0 \quad (3)$$

и истокообразно представимо

$$z_0 = \sigma B \mathcal{G}_0, \text{ где } \sigma > 0, \sigma \in R, \mathcal{G}_0 \in H. \quad (4)$$

2. Регуляризация

Наряду с уравнением (1), рассмотрим уравнение

$$\alpha z_{\alpha,h} + B_h F(z_{\alpha,h}) = A_h^* u, \text{ где } \alpha > 0. \quad (5)$$

Пусть

$$F_{h_1}(z) = h_1 K(z) + \sigma z, \quad h_1 > 0, \quad (6)$$

где K – нелинейный оператор, h_1 – параметр погрешности.

В [4] относительно нелинейного оператора K доказано, что для любого $z_1, z_2 \in H$ удовлетворяет условию Липшица, т. е.

$$\|K(z_1) - K(z_2)\| \leq N \|z_1 - z_2\|, \quad N < \sigma, \quad (7)$$

где

$$\lambda_i < a \leq b < \lambda_{i+1}, \quad i = 1, 2, \dots, \quad a \leq F'(z) \leq b, \quad \sigma = \frac{a+b}{2},$$

где

$$\|K'(z)\| \leq \frac{b-a}{2} \equiv N > 0,$$

а также доказана обобщённая лемма М. М. Лаврентьева, что при любом $\alpha > 0$ и $\sigma > 0$ имеет место неравенство

$$\|(\alpha E + \sigma B)^{-1}\| \leq \alpha^{-1}. \quad (8)$$

Из (8) следует, что оператор $(\alpha E + \sigma B)^{-1} B$ удовлетворяет неравенству

$$\|(\alpha E + \sigma B)^{-1} B\| \leq \sigma^{-1}. \quad (9)$$

В силу представления (6) из уравнения (5), имеем

$$\alpha z + \sigma B_h z + h_1 B_h K(z) = A_h^* u. \quad (10)$$

Оператор $\alpha E + \sigma B_h$ представим в виде

$$\alpha E + \sigma B_h = (\alpha E + \sigma B) + (\sigma B_h - \sigma B) = (\alpha E + \sigma B) \left(E + (\alpha E + \sigma B)^{-1} \sigma (B_h - B) \right).$$

Используя оценки (2) и (8), оценим норму оператора $(\alpha E + \sigma B)^{-1} \sigma (B_h - B)$

$$\|(\alpha E + \sigma B)^{-1} \sigma (B_h - B)\| \leq \sigma M h \alpha^{-1} = P(\sigma, M) \gamma(\alpha, h). \quad (11)$$

Пусть имеет место предельное соотношение

$$\lim_{h \rightarrow 0} \gamma(\alpha, h) = 0. \quad (12)$$

Из условия (12) следует, что существует число $h_0 > 0$, такое, что

$$q_1 = P(\sigma, M) \gamma(\alpha, h) < 1, \text{ при } h < h_0. \quad (13)$$

При выборе $\gamma(\alpha, h) = h^{1-\beta}$, $0 < \beta < 1$, условие (12) выполняется, и $h_0 = P_1(\sigma, M, \beta) > 0$.

Тогда в силу теоремы Банаха оператор $E + (\alpha E + \sigma B)^{-1} \sigma (B_h - B)$ имеет обратный оператор, причём справедлива оценка

$$\left\| \left(E + (\alpha E + \sigma B)^{-1} \sigma (B_h - B) \right)^{-1} \right\| \leq (1 - q_1)^{-1} = Q(q_1). \quad (14)$$

Таким образом, оператор $\alpha E + \sigma B_h$ имеет обратный оператор, и этот оператор представим в виде

$$L_{\alpha,h} = (\alpha E + \sigma B_h)^{-1} = \left(E + (\alpha E + \sigma B)^{-1} \sigma (B_h - B) \right)^{-1} (\alpha E + \sigma B)^{-1}. \quad (15)$$

Из (15), используя неравенства (8) и (14), получаем

$$\|(\alpha E + \sigma B_h)^{-1}\| \leq (1 - q_1)^{-1} \alpha^{-1} = Q(\alpha, q_1). \quad (16)$$

Тогда из уравнения (10) переходим к уравнению

$$z_{\alpha,h,h_1} = L_{\alpha,h} A_h^* u - L_{\alpha,h} h_1 B_h K(z_{\alpha,h,h_1}). \quad (17)$$

Введём обозначение

$$T_{\alpha,h,h_1}(z)(z_{\alpha,h}) = L_{\alpha,h} h_1 B_h K(z_{\alpha,h}). \quad (18)$$

Норма оператора $(\alpha E + \sigma B_h)^{-1} B_h$ удовлетворяет оценке

$$\|(\alpha E + \sigma B_h)^{-1} B_h\| \leq (1 - q_1)^{-1} (M h \alpha^{-1} + \sigma^{-1}) = P_1(\alpha, h, q_1, \sigma, M). \quad (19)$$

Оценим норму оператора $T_{\alpha,h,h_1}(z)$

$$\|T_{\alpha,h,h_1}(z)(z_1) - T_{\alpha,h,h_1}(z)(z_2)\| = \|L_{\alpha,h} h_1 B_h (K(z_1) - K(z_2))\|. \quad (20)$$

Тогда из (20), используя оценки (7), (19), имеем

$$\|T_{\alpha,h,h_1}(z)(z_1) - T_{\alpha,h,h_1}(z)(z_2)\| \leq \|L_{\alpha,h} B_h\| \|K(z_1) - K(z_2)\| \leq P_1(\alpha, h, h_1, q_1, \sigma, M) N \|z_1 - z_2\|. \quad (21)$$

Пусть имеет место предельное соотношение

$$\lim_{h, h_1 \rightarrow 0} \gamma(\alpha, h, h_1) = 0,$$

то следует, что существует число $\tilde{h}_0 > 0$, такое, что

$$q_2 = P_1(\alpha, h, h_1, q_1, \sigma, M) N < 1$$

при

$$h < \tilde{h}_0 = P_2(\sigma, M, \beta, N) > 0. \quad (22)$$

Таким образом, оператор $T_{\alpha,h,h_1}(z)$ является оператором сжатия.

Уравнение (17) решаем методом последовательных приближений.

За нулевые приближения возьмём элемент

$$\tilde{z}_0 = L_{\alpha,h} A_h^* u \quad (23)$$

Остальные приближения определяются по формуле

$$z_{k+1} = \tilde{z}_0 + L_{\alpha,h} h_1 B_h K(z_k) \quad k = 0, 1, 2, \dots \quad (24)$$

Покажем, что последовательность $\{z_k\}_{k=0}^{\infty}$ является сходящейся.

Сходимость последовательности $\{z_k\}_{k=0}^{\infty}$ и функционального ряда вида

$$\tilde{z}_0 + [z_1 - \tilde{z}_0] + [z_2 - z_1] + \dots + [z_k - z_{k-1}] + \dots \quad (25)$$

эквивалентны.

Нулевое приближение $\tilde{z}_0$ при условии $\|A_h^*\| \leq M_1$ удовлетворяет неравенству

$$\|\tilde{z}_0\| \leq Q(\alpha, q_1) M_1 \|u\|. \quad (26)$$

Полагая $k = 0$ из (24), имеем

$$\|z_1 - \tilde{z}_0\| = \|L_{\alpha,h} h_1 B_h K(\tilde{z}_0)\| \leq \|L_{\alpha,h} h_1 B_h (K(\tilde{z}_0) - K(0))\| + \|L_{\alpha,h} h_1 B_h K(0)\| \leq q_2 \|\tilde{z}_0\| + N^{-1} h_1 \|K(0)\|. \quad (27)$$

Полагая в (24) $k = 1$ и $k = 0$, вычитая из первого второе, получаем

$$\|z_2 - z_1\| \leq \|L_{\alpha,h} h_1 B_h (K(z_1) - K(\tilde{z}_0))\| \leq q_2 \|z_1 - \tilde{z}_0\| \leq q_2^2 (\|\tilde{z}_0\| + N^{-1} h_1 \|K(0)\|). \quad (28)$$

Далее по методу математической индукции можно доказать, что для любого натурального $k \geq 2$ справедливо неравенство

$$\|z_k - z_{k-1}\| \leq q_2^k (\|\tilde{z}_0\| + N^{-1} h_1 \|K(0)\|). \quad (29)$$

Таким образом, ряд (25) мажорируется следующим числовым рядом

$$\sum_{k=1}^{\infty} q_2^k (\|\tilde{z}_0\| + N^{-1} h_1 \|K(0)\|). \quad (30)$$

Следовательно, условие $q_2 < 1$ при $h, h_1 < \tilde{l}_0$ обеспечивает сходимость ряда (30), тогда ряд (25) также является сходящимся. Сумму ряда (25) обозначим через z_{α,h,h_1} . В силу эквивалентности сходимости последовательности $\{z_k\}_{k=0}^{\infty}$ и ряда (25) имеем

$$\lim_{k \rightarrow \infty} z_k = z_{\alpha,h,h_1}. \quad (32)$$

Используя непрерывность оператора $L_{\alpha,h} h_1 B_h K$ при $k \rightarrow \infty$, переходим к пределу в (24) и, используя предельное соотношение (33), получим

$$z_{\alpha,h,h_1} = \tilde{z}_0 + L_{\alpha,h} h_1 B_h K(z_{\alpha,h,h_1}). \quad (34)$$

Таким образом, доказано.

Теорема 1

Пусть: 1) задан оператор B_h , удовлетворяющий неравенству (2*), 2) нелинейный оператор F_{h_1} представимый в виде (6), 3) имеет место предельное соотношение $\lim_{h, h_1 \rightarrow 0} \gamma(\alpha, h, h_1) = 0$. Тогда уравнение (17) при любом $u \in H$, $\alpha > 0, \sigma > 0$ и $h, h_1 < \tilde{i}_{v_0}$ имеет единственное решение z_{α, h, h_1} .

Если решение уравнения (17) при $u = u_0$ обозначить через z_{α, h, h_1}^0 , тогда в силу формулы (34) оно представимо в виде

$$z_{\alpha, h, h_1}^0 = L_{\alpha, h} A_h^* u_0 - L_{\alpha, h} h_1 B_h K(z_{\alpha, h, h_1}^0). \quad (35)$$

Рассмотрим разность $z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0$

$$z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0 = L_{\alpha, h} A_h^* u_0 - L_{\alpha, h} h_1 B_h K(z_{\alpha, h, h_1}^0) - z_0. \quad (36)$$

Полагая, что $A^* u_0 = \sigma B z_0 + h_1 B K(z_0)$, переходим в норму разности $z_{\alpha, h}^0 - z_0$

$$\begin{aligned} \|z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0\| &\leq \|L_{\alpha, h}(\sigma B z_0 - \alpha z_0 - \sigma B_h z_0)\| + \|L_{\alpha, h} h_1 B_h (K(z_{\alpha, h, h_1}^0) - K(z_0))\| + \\ &+ \|L_{\alpha, h} (B_h - B) h_1 (K(z_0) - K(0))\| + \|L_{\alpha, h} (B_h - B) h_1 K(0)\|. \end{aligned} \quad (37)$$

Используя (4) из (38), имеем

$$\begin{aligned} \|z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0\| &\leq \alpha (\sigma P_1(\alpha, h, q_1, \sigma, M) + q_1 Q(q_1)) \|v_0\| + h \alpha^{-1} Q(q_1) Q_1 + \\ &+ q_2 \|z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0\| \leq \alpha (\sigma N^{-1} + Q(q_1)) \|v_0\| + h h_1 \alpha^{-1} Q(q_1) Q_1 + q_2 \|z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0\|, \end{aligned} \quad (38)$$

где

$$Q_1 = \sigma M \|v_0\| (\sigma + N) + \|K(0)\|.$$

В силу условия (22) из (38) имеем оценку

$$\|z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0\| \leq \alpha c_1 + h h_1 \alpha^{-1} c_2, \quad (39)$$

где

$$c_1 = c_3 (N^{-1} + Q(q_1)) \|v_0\|, \quad c_2 = c_3 Q(q_1) Q_1, \quad c_3 = (1 - q_2)^{-1}. \quad (40)$$

Минимизируя правую часть (39), имеем

$$\alpha(h, h_1) = \sqrt{c_2 c_1^{-1} h h_1} \quad (41)$$

Подставляем (41) в правую часть (39), имеем

$$\|z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0\| \leq 2\sqrt{c_1 c_2 h h_1}. \quad (42)$$

Теорема 2

Пусть: 1) выполнены все условия теоремы 1; 2) при $u = u_0$ уравнение (1) имеет точное решение, представимое в виде (4); 3) зависимость параметра регуляризации от погрешностей определяется по формуле (41). Тогда решение z_{α, h, h_1}^0 уравнения (17) при $h, h_1 \rightarrow 0$ сходится к точному решению уравнения (1), скорость сходимости удовлетворяет условию (42).

Пусть правая часть уравнения (1) задана с погрешностью δ , т. е.

$$\|u_\delta - u_0\| \leq \delta \quad (43)$$

Решение уравнения (17) при $u = u_\delta$ обозначим через $z_{\alpha, h, h_1}^\delta$. Тогда в силу формулы (34) решение $z_{\alpha, h, h_1}^\delta$ представимо в виде

$$z_{\alpha, h, h_1}^\delta = L_{\alpha, h} A_h^* u_\delta + L_{\alpha, h} h_1 B_h K(z_{\alpha, h, h_1}^\delta). \quad (44)$$

Оценим разности $z_{\alpha, h, h_1}^\delta - z_0$. Используя неравенство треугольника, имеем

$$\|z_{\alpha, h, h_1}^\delta - z_0\| \leq \|z_{\alpha, h, h_1}^\delta - z_{\alpha, h, h_1}^0\| + \|z_{\alpha, h, h_1}^0 - z_0\|. \quad (45)$$

Второе слагаемое в (45) удовлетворяет оценке (39), оценим первое слагаемое

$$\|z_{\alpha, h, h_1}^\delta - z_{\alpha, h, h_1}^0\| \leq \|L_{\alpha, h} A_h^* (u_\delta - u_0)\| + \|L_{\alpha, h} h_1 B_h\| \|K(z_{\alpha, h, h_1}^\delta) - K(z_{\alpha, h, h_1}^0)\| \leq M_1 \delta \alpha^{-1} + q_2 \|z_{\alpha, h, h_1}^\delta - z_{\alpha, h, h_1}^0\|. \quad (46)$$

Отсюда в силу (22) имеем

$$\|z_{\alpha, h, h_1}^\delta - z_{\alpha, h, h_1}^0\| \leq c_4 \delta \alpha^{-1}, \quad c_4 = c_3 M_1. \quad (47)$$

Тогда из (45) имеем оценку

$$\|z_{\alpha, h, h_1}^\delta - z_0\| \leq \alpha c_1 + h h_1 \alpha^{-1} c_2 + c_4 \delta \alpha^{-1}. \quad (48)$$

Минимизируя правую часть (48), имеем

$$\alpha(\delta, h) = \sqrt{(c_4 \delta + h h_1 c_2) c_1^{-1}} \quad (49)$$

Подставляем (49) в правую часть (48), имеем

$$\|z_{\alpha,h}^{\delta} - z_0\| \leq 2\sqrt{c_1} \sqrt{c_4\delta + hh_1c_2}. \quad (50)$$

Теорема 3

Пусть: 1) выполнены все условия теоремы 3; 2) элемент u_{δ} удовлетворяет неравенству (43); 3) зависимость параметра регуляризации от погрешностей определяется по формуле (49). Тогда решение уравнения (17) является приближённым решением уравнения (1). Скорость сходимости удовлетворяет условию (50).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврентьев М. М. О некоторых некорректных задачах математической физики. Новосибирск: 1962. 96 с.
2. Саадабаев А. Приближенные методы решения нелинейных интегральных и операторных уравнений 1-го рода. Бишкек: 1997. 218 с.
3. Усенов И. А. Построение регуляризирующих операторов для решения нелинейных операторных уравнений: дисс. ... к. физ.-мат. наук, Бишкек: 1999. 108 с.
4. Усенов И. А. Регуляризация решения операторного уравнения Гаммерштейна первого рода // Исследования по интегро-дифференциальным уравнениям в Киргизии: сборник статей. Вып. 41. Бишкек: Илим, 2009. С. 63 – 67.
5. Усенов И. А. Построение приближённого решения нелинейного операторного уравнения первого рода в гильбертовом пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Физика-Математика. 2016. № 1. С. 8 – 14. DOI: 10.18384/2310-7251-2016-1-08-14.

* * *

Usenov Izat A.

**CONSTRUCTION OF A REGULARIZING OPERATOR TO SOLVE
A NONLINEAR OPERATOR EQUATION OF THE FIRST KIND**
(Kyrgyz National University. J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan)

A class of nonlinear operator equations of the first kind is investigated in the Hilbert space. An approximate solution is constructed that is stable with respect to the initial data of the problems. The convergence of the approximate solution to the exact solution of the original equation is proved. The selection of the regularization parameter of the errors.

Keywords: operator, nonlinear, regularization, convergence, equation of the first kind.

REFERENCES

1. Lavrentiev M. M. *O nekotorykh nekorrektnykh zadachakh matematicheskoy fiziki* (On some incorrect problems of mathematical physics), Novosibirsk, 1962. 96 p.
2. Saadabaev A. *Priblizhennyye metody resheniya nelineynykh integral'nykh i operatornykh uravneniy 1-go roda* (Approximate methods for solving nonlinear integral and operator equations of the first kind), Bishkek, 1997. 218 p.
3. Usenov I. A. *Postroenie regulyariziruyushchikh operatorov dlya resheniya nelineynykh operatornykh uravneniy* (Construction of Regularizing Operators for Solving Nonlinear Operator Equations), dissertation, Bishkek, 1999. 108 p.

4. Usenov I. A. Regularization of the solution of the first-kind Hammerstein operator equation [Regulyarizatsiya resheniya operatornogo uravneniya Gammershteyna pervogo roda], *Issledovaniya po integro-differentsial'nym uravneniyam v Kirgizii: sbornik statey* (Studies on integro-differential equations in Kyrgyzstan: collection of articles), issue 41, Bishkek, Ilim Publ., 2009. pp. 63–67.
5. Usenov I. A. Construction of an approximate solution of a non-linear operator equation of the first kind in a Hilbert space [Postroenie priblizhennogo resheniya nelineynogo operatornogo uravneniya pervogo roda v gil'bertovom prostranstve], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Fizika-Matematika*, 2016, no. 1, pp. 8–14. DOI: 10.18384/2310-7251-2016-1-08-14.

* * *

Порядок публикации статей в журнале

1. Общие положения

1.1. Научно-образовательный журнал «Вестник Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема» (далее — Вестник, журнал) выходит четыре раза в год (один раз в квартал) и включает в себя следующие направления:

- 05.02.00 — Машиностроение и машиноведение;
- 05.13.00 — Информатика, вычислительная техника и управление;
- 10.01.00 — Литературоведение;
- 10.02.00 — Языкознание;
- 25.00.00 — Науки о Земле.

1.2. В редакционный совет Вестника принимаются к рассмотрению только оригинальные, ранее нигде не публиковавшиеся статьи на русском языке, имеющие авторскую справку и экспертное заключение о возможности опубликования.

1.3. Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование и проверку на определение авторства и степени уникальности текста (от 75 % и выше) через поисковые системы интернета и программу «Антиплагиат» (с использованием установок «глубокая проверка»), а также обязательную выборочную редакторскую проверку текстов. Редакционный совет оставляет за собой право отклонить статью или возвратить её на доработку.

1.4. Принадлежность и объём авторских прав на публикуемые в журнале материалы определяются действующим законодательством Российской Федерации. Допускается распространение по электронным сетям любых статей журнала или выдержек из них с обязательной ссылкой на первоисточник. Запрещается издание материалов Вестника третьими лицами или организациями на бумажных и твердых электронных носителях без разрешения редакционного совета.

1.5. Каждый автор может быть автором или соавтором не более двух статей в одном номере Вестника. Количество статей одного автора, публикуемых в одном номере Вестника, может быть увеличено только по специальному решению редакционного совета.

1.6. Опубликование в Вестнике научных статей профессорско-преподавательского состава, аспирантов, соискателей университета производится бесплатно. Каждому автору выдается бесплатно один экземпляр Вестника с его статьёй. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

1.7. Контрольные сроки представления статей в очередной номер:

№ 1 до 31 января; № 3 до 31 июля;
№ 2 до 30 апреля; № 4 до 31 октября.

1.8. Статьи, не удовлетворяющие требованиям к оформлению (см. п. 2), к публикации не принимаются и возвращаются авторам на доработку без их рассмотрения по существу.

2. Требования к оформлению статьи

2.1. Статья принимается в бумажном (1 экз.) и электронном виде. К статье прилагаются:

- экспертное заключение о возможности опубликования (прил. 1)¹;
- автором могут быть дополнительно представлены рецензия на статью и отчёт программы «Антиплагиат» с результатами проверки;
- отзыв научного руководителя (для аспирантов).

2.2. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, подписи ставятся в конце рукописи.

2.3. Объём должен составлять от 4 до 16 страниц текста для статьи и от 2 до 4 страниц текста для сообщения, включая список литературы, таблицы и рисунки.

2.4. Обязательные элементы статьи:

- номер УДК (универсальный десятичный классификатор, располагается на первой странице в левом верхнем углу);
- информация об авторе (соавторах) на русском и английском языках: Фамилия Имя Отчество автора, учёная степень, учёное звание, место работы (полное название организации), должность, адрес с индексом, контактный телефон и адрес электронной почты;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках;
- текст статьи;
- пристатейные списки литературы на русском языке и латинице — References (в романском алфавите);
- рисунки, схемы и подрисуночные подписи к ним (на отдельных листах).

2.5. Рекомендации по содержанию английских текстов и транслитерации:

2.5.1. Фамилии авторов — транслитерируются:

- для автора важно выбрать один вариант написания фамилии и придерживаться его во всех статьях;
- использовать систему транслитерации (прил. 2);

Пример: Nikolaeva Valentina V.

¹ Порядок публикации статей в журнале с приложениями размещен на странице сайта Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (<http://pgusa.ru/ru/vestnik/rules>).

2.5.2. Перевод названия организации.

Перевод — официальный вариант полного названия организации на английском языке (как в уставе):

- минимум: название организации, город, страна;
- аббревиатура нежелательна или в скобках после полного названия.

Пример: Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia.

2.5.3. Аннотация на английском языке к русскоязычной статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Она должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (не является буквальным переводом русскоязычной аннотации);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- компактной, но не короткой (в пределах от 150 до 250 слов).

2.5.4. Структуру и примеры оформления пристатейных списков литературы на латинице — References см. в прил. 3.

2.6. Технические требования к оформлению статьи:

– лист формата A4, книжная ориентация, страница с зеркальными полями;

- поля слева — 2,4 см, справа — 6,4 см, сверху — 2,4 см и снизу — 8 см;
- положение переплета слева;
- текст набран в редакторе MS Word;
- гарнитура шрифта Book Antiqua;
- межстрочный одинарный (1) интервал;
- размер шрифта основного текста 10 pt;
- размер шрифта обязательных элементов статьи (п. 2.4, кроме текста статьи) 8 pt.
- абзацный отступ 0,75 см;

2.7. Сокращения слов, кроме общепринятых или специально оговоренных автором, не допускаются.

2.8. Цитируемая литература приводится отдельным списком и оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008. Ссылки на литературу в тексте оформляются квадратными скобками и содержат порядковый номер списка и страницы. Например, [25, с. 359]. Примеры затекстовых ссылок (пристатейных списков) см. в прил. 4.

2.9. Примечания оформляются в виде сносок с постраничной нумерацией.

2.10. Формулы нумеруются в круглых скобках.

2.11. Таблицы должны иметь заголовки и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи.

2.12. Весь иллюстративный материал (графики, схемы, фотографии, карты) именуется рисунками и имеет сквозную порядковую нумерацию. Количество таблиц и рисунков в статье — не более 6.

2.12.1. Рисунки в текст не вставляются, но в тексте даётся обозначение, где должен быть рисунок.

2.12.2. Рисунки выполняются в формате gif, tiff, jpeg, bmp, представляются в виде отдельных файлов и распечатываются на отдельных листах. Подписи к рисункам печатаются на отдельном листе.

2.13. Ответственность за содержание, соответствие языковым и литературным нормам представленных статей, а также за соблюдение авторского права при использовании иллюстративного и иного материала несёт автор статьи.

3. Организация рецензирования

3.1. Все научные статьи, поступившие в редакционный совет Вестника, подлежат обязательному рецензированию.

3.2. Главный редактор (зам. главного редактора), ответственный редактор выпуска, технический редактор издательства определяют соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляют её на рецензирование.

3.3. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционного совета, так и высококвалифицированные учёные и специалисты Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема и других научных и образовательных учреждений (доктора наук, профессора или кандидаты наук, доценты), имеющие близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

3.4. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяют ответственным редактором выпуска журнала.

3.5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автору статьи предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

3.6. Текст отрицательной рецензии направляется автору от имени редакционного совета Вестника.

3.7. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором или его заместителем.

3.8. После принятия редсоветом журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор выпуска или ответственный секретарь Вестника информируют об этом автора и указывают сроки публикации.

3.9. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Вестника в течение 5 лет со дня публикации, копии рецензий направляются в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса.

4. Требования к содержанию рецензии

4.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную его оценку и обоснованные рекомендации.

4.2. Рецензия должна содержать ФИО автора (ов) и название рецензируемой статьи, дату составления рецензии, подпись рецензента, сведения о рецензенте (ФИО, учёное звание и степень, место работы, должность).

4.3. В рецензии освещаются следующие вопросы: соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме и современным достижениям научно-теоретической мысли; доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул; целесообразна ли публикация статьи с учётом ранее выпущенной по данному вопросу литературы; в чём конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором.

4.4. В заключительной части рецензии должны содержаться выводы о статье в целом и чёткая рекомендация о целесообразности её издания в Вестнике (рекомендуется с учётом исправления отмеченных рецензентом недостатков или не рекомендуется к публикации в журнале) по конкретному научному направлению, соответствующему номенклатуре научных специальностей, утвержденных ВАК РФ.

Статьи принимаются по адресу

679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А,
ПГУ им. Шолом-Алейхема, Издательский центр, 215 ауд.
тел. (42622)46369, факс (42622)46611, e-mail: bir. izdatel@gmail. com
(с пометкой «Статья в Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема»)

* * *

Внимание!

Подписку на журнал можно оформить в любом почтовом отделении.
Смотрите каталог Агентства «РОСПЕЧАТИ». Индекс подписки 25257.

Attention!

Subscription to the journal can be accepted at any post office.
See index of Post-Agency «ROSPECHAT». Number of subscription is 25257.